

Петро
градъ

МЫ ПОМНИМЪ ПОЛЬШУ

К45 $\frac{4}{49}$

ХК45 $\frac{4}{49}$

№49569

XV - №406

МЫ ПОМНИМЪ ПОЛЬШУ

КН-ВО
- ПРОМЕТЕЙ -

5 $\frac{4}{49}$

49562

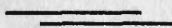
нов.

V 95. 9.
99

МЫ ПОМНИМЪ Польшу.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

Подъ редакціей Марии Моравской.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“.
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

МИНИСТЕРСТВО
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
КНИГОДЕЛИЯ

ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-РЕСПУБЛИКАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-РЕСПУБЛИКАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Библиотечный фонд

БИБЛИОТЕКА
Государственного
№ 17811 ✓
1951

ТИПОГРАФИИ
„ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“
ПТТР., ПРАЧЕШНЫЙ ПЕР., 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
ЭДВАРДЪ СЛОНСКІЙ. Та, что не погибла. Пер. Владислава Ходасевича	5
МАРІЯ МОРАВСКАЯ. Три легенды	11
Б. ВЕРХОУСТИНСКІЙ. Утренняя звѣзда.	19
МАРІЯ МОРАВСКАЯ. Прекрасная Польша. Стихи. .	37
Я. ОКУНЕВЪ. Красный Кутъ. Разказъ.	45
МИХАИЛЪ САНДОМИРСКІЙ. Марина Мнишекъ. Позма	55
АННА МАРЪ. Тебѣ единому согрѣшила	63
ГУСТАВЪ ДАНИЛОВСКІЙ. Пальто. Пер. Михайлов- вой - Штернъ	167

Дэваръ Блонскій.

ТА, ЧТО НЕ ПОГИБЛА.

Стихи.

Перев. Владислава Ходасевичъ.

I.

О, братъ мой милый! Дѣти
Одной родной страны,
Мы въ двухъ враждебныхъ станахъ
Стоять осуждены.

Подъ ревомъ чуждыхъ пушекъ
Стоимъ въ кровавыхъ рвахъ,
Стоимъ другъ противъ друга—
Ты—врагъ мой, я—твой врагъ.

Лѣсъ плачетъ, нива плачетъ,
Въ огнѣ церквей кресты...
И въ двухъ враждебныхъ станахъ
Стоимъ мы—я и ты.

II.

Чуть загрохочут пушки,
При первом блескѣ дня,
Ты свистомъ пуль смертельныхъ
Привѣтствуешь меня.

На низкіе окопы
Шрапнельный мечешь градъ,
Зовешь меня и кличешь:
—Я здѣсь, твой братъ, твой братъ!

Лѣсъ плачетъ, нива плачетъ,
Вдали звучить набатъ,
А ты меня все кличешь:
—Я здѣсь, твой братъ, твой братъ!..

III.

Забудь меня, о, братъ мой,
Идя на смертный бой.
Въ огнѣ моихъ снарядовъ,
Какъ рыцарь, храбро стой.

Когда жъ меня увидишь,
Прицѣлься и стрѣлай—
И въ грудь поляка пулю
Нѣмецкую вонзай!

Вѣдь Та, что не погибла,
(Стрѣлай же, братъ, вѣрнѣй!)
Взойдетъ изъ нашей крови
Надъ пашней этихъ дней.

Марія Моравская.

ТРИ ЛЕГЕНДЫ.

Башмачень королевы Ядвиги.

Вотъ что разказала мнѣ бабушка:

Когда королева Ядвига пріѣхала въ Краковъ короноваться, всѣ были ей очень рады. Повсюду раздавались пѣсни. И неудивительно. Ядвига была молоденькая, пятнадцати лѣтъ, красивая, какъ ангелъ Божій, и очень добрая.

Повсюду раздавались пѣсни въ честь Ядвиги, а дорога къ собору была устлана амарантовымъ сукномъ. По этому сукну шла королева Ядвига въ своихъ бальныхъ башмачкахъ, и ступала совсѣмъ безшумно, потому что была маленькая и легкая, какъ птичка.

Соборъ рѣшили обновить ко дню ея коронаціи. Но не успѣли окончить этой работы, хотя всѣ каменщики города трудились день и ночь. Очень ужъ онъ былъ огромный,—старый краковскій соборъ.

И вотъ, въ самый день празднества, когда Ядвига шла въ своихъ бальныхъ башмачкахъ по красному сукну къ главной двери собора, тамъ и сямъ еще стучали молотками каменщики.

— Тукъ-дзинь! Тукъ-дзинь! — это было похоже на щебетанье птицъ.

— Что это за птица щебечетъ такъ громко? — спросила королева у своихъ придворныхъ.

— Это не птицы, Милостивая Пани, это каменщики.

Простите, мы не успѣли закончить обновленіе собора ко дню вашего пріѣзда.

И придворные начали извиняться передъ королевой Ядвигой.

А она имъ:

— Подождите тутъ, я хочу посмотрѣть, какъ работаютъ мои каменщики.

И пошла одна по амарантовой дорожкѣ обходить соборъ. Она шла совсѣмъ безшумно, потому что сукно было мягкое, а туфельки ея—легкія.

А на туфелькахъ—я забыла тебѣ сказать—были безцѣнные брилліантовые пряжки.

Идетъ она тихонько, смотритъ на рабочихъ, а рабочіе не замѣчаютъ ея. Они переговариваются:

— Надо сегодня дѣло окончить, пока не пріѣхала королева Ядвига.

Они себѣ переговариваются и весело поютъ. Всѣ рады, что королева пріѣдетъ вѣнчаться, потому что всѣ слышали о ея добротѣ. Только одинъ каменщикъ не поетъ, груститъ, и на молотокъ его капаютъ слезы.

— Почему ты не поешь, какъ твои товарищи?—спрашиваетъ его Ядвига.

Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что говоритъ съ нимъ сама королева. Но не смутился, потому что былъ гордый. Отвѣчаетъ:

— А чего мнѣ радоваться, Милостивая Пани? Я бѣдный, у меня много дѣтей и жена больная. Прокормить ихъ всѣхъ не могу.

Тогда королева Ядвига поставила ножку на пыльную гранитную плиту, которую обтачивалъ каменщикъ, сняла съ туфельки безцѣнную брилліантовую пряжку, и сказала:

— На, возьми. Это на хлѣбъ твоимъ дѣтямъ.

Каменщикъ ни слова не отвѣтилъ, онъ былъ гордый

и не умѣлъ благодарить. Но онъ схватилъ молотокъ и выбилъ въ гранитъ слѣдъ отъ туфельки королевы Ядвиги.

Этотъ слѣдъ остался и понынѣ. Путешественники осматриваютъ его и вспоминаютъ о доброй королевѣ Ядвигѣ.

Пролитыя слезы.

Пришли въ Краковъ люди изъ дальняго села жаловаться королю. Королевское войско стояло тамъ много дней и разорило хлоповъ. Кутили въ корчмѣ „крылатые рыцари“, и отъ пьяныхъ выстрѣловъ она загорѣлась. Отъ корчмы выгорѣло все село.

Двое хлоповъ пришли объ этомъ рассказать королю, и съ ними ксендзъ, сѣдой какъ голубь. Но хотя они пришли съ ксендзомъ, ихъ долго не хотѣли допустить.

Три дня и три ночи стояли они во дворѣ и молили всѣхъ, чтобы имъ позволили предстать предъ ясныя очи короля Ягелло.

А среди челяди былъ младшій пажъ королевы Ядвиги. И онъ эти мольбы слышалъ.

Вернулась королева изъ костела и спрашиваетъ своего младшаго пажа: „Янусь, видѣлъ ли ты сегодня несчастныхъ, которымъ я могу помочь?“

„Тронхъ, милостивая королева: они пришли жаловаться королю на его войско, а его воины не пускаютъ ходоковъ въ тронную избу“.

Пошла Ядвига въ свою опочивальню, сняла со стѣнки крестъ изъ слоновой кости, вынесла его во дворъ жалобщикамъ и сказала ксендзу, сѣдому какъ голубь:

„Стучите, отецъ, этимъ крестомъ въ дверь тронной избы, пока вамъ не откроютъ“.

И разступились всѣ шляхтичи и вся челядь передъ старымъ ксендзомъ, который несъ въ рукахъ королевинъ крестъ. И постучалъ ксендзъ, что было мочи, въ королевскую дверь.

А Ядвига вошла туда черезъ потайной ходъ и тихо стала за королевскій тронъ. И когда Ягелло спросилъ: кто тамъ?—она сама за жалобщиковъ отвѣтила:

„Христосъ, защитникъ всѣхъ страдающихъ, стучится къ тебѣ въ дверь...“

Вошли погорѣльцы и рассказали всѣ свои бѣды. И милостиво выслушалъ ихъ король въ угоду своей благочестивой женѣ Ядвигѣ. Велѣлъ потомъ открыть свою сокровищницу и много мѣръ серебра выдать бѣднымъ погорѣльцамъ.

„Довольна ты теперь?“—спросилъ Ягелло свою королеву.

А она отвѣтила со слезами на глазахъ:

„Дѣти ихъ будутъ сыты и хаты отстроены—спасибо тебѣ! Но кто вернетъ имъ пролитыя слезы?“

Спящее войско.

Заблудился однажды карпатскій горецъ - пастухъ, забрелъ въ незнакомое ущелье и видитъ: пещера; на обомшломъ камнѣ сидитъ рыцарь, опустилъ на колѣни голову и дремлетъ. А у ногъ его валяется большой золотой рогъ на поблекшей амарантовой лентѣ.

Пастуху стало весело, что онъ, наконецъ, встрѣтилъ живого человѣка въ этой глуши; онъ схватилъ рогъ и весело затрубилъ.

И при первыхъ звукахъ золотого рога рыцарь проснулся, удивленно оглянулся вокругъ и грозно спросилъ пастуха: „зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“

Пастухъ испугался и выронилъ рогъ. Но звуки не умолкали. Многократное эхо повторяло ихъ разъ за разомъ.

Словно сотни трубачей затрубили сразу во всѣхъ карпатскихъ лѣсахъ, затрубили громко, какъ архангелы въ судный день.

И раздался въ пещерѣ лязгъ оружія.

И слышались изъ пещеры голоса:

— Развѣ уже время?

А многократное эхо повторяло:

...Уже время! время! время!

Вышли изъ пещеры сонные рыцари, тѣ рыцари, что были похищены ангелами во время боя изъ войска королевы Ядвиги.

Они спали много вѣковъ въ тайной карпатской пещерѣ и ждали, когда придетъ время...

Звенѣли рыцари оружіемъ, протирали кулаками глаза, оправляли кармазиновые жупаны, ощупывали сабли на боку и спрашивали:

— Развѣ уже время спасать Польшу?

Тогда горецъ упалъ на колѣни передъ чудеснымъ войскомъ и сталъ просить прощенія:

— Это я нечаянно разбудилъ васъ, милостивые рыцари...

— Иди съ Богомъ,—сказалъ ему сѣдой воевода,— и передай сынамъ польской земли, что мы придемъ, когда будетъ нужно.

— А... когда?—спросилъ пастухъ. Онъ боялся воеводы, но любопытство было въ немъ сильнѣе страха.

— Когда настанетъ великая война и будутъ сражаться всѣ народы міра, придемъ мы и станемъ на защиту праваго дѣла. И спасемъ правду. И спасемъ Польшу. Уходи.

Горецъ рассказалъ въ своемъ селѣ о чудесномъ ви-

дѣни. И эту вѣсть сотни лѣтъ хранить народъ. И эту
легенду много разъ рассказывала мнѣ моя бабушка.

Не теперь ли настало время?

Не звенить ли золотой рогъ?

Не просыпается ли войско Святой Ядвиги?

Б. Верхоустинский.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА

Рассказъ.

I.

Панъ Сигизмундъ лѣтомъ всегда ходитъ въ чесучовой тройкѣ, розовый галстукъ съ помпонами; лицо у пана одутловатое, затылокъ апоплексическій, сѣдые усы свисаютъ.

Соломенную шляпу онъ любитъ носить въ рукѣ, а не на головѣ, и ею обмахиваться.

Фольваркъ пана Сигизмунда совсѣмъ крохотный, но среди безлѣсныхъ окрестностей красуется, какъ благословенный оазисъ. Издалека виденъ высоковершинный паркъ, тамъ хорошо дремать въ знойный полдень подъ липою, прислушиваясь къ шороху листвы.

Передъ террасой одноэтажнаго дома цвѣточныя клумбы, фруктовый же садъ пана Сигизмунда пользуется почетною извѣстностью: груши нѣжно таютъ во рту, яблоки легко искусятъ новую Еву, она же приведетъ съ собой и новаго Адама. Но за первородными людьми зорко поглядываетъ изъ соломеннаго шалаша одноглазый Янекъ, старикъ угрюмаго характера. Поймавъ маленькихъ воришекъ, онъ оттреплетъ Еву за ухо, съ Адама спуститъ штаны и больно посѣчетъ прутомъ, а затѣмъ безжалостно обоихъ изгонитъ изъ рая. Но соблазнъ великъ, библейская исторія каждодневно повторяется.

Садъ процвѣтаетъ: вишни весело переглядываются

съ солнцемъ; воробьи трусятъ налетать, потому что у Янека въ палашѣ имѣется страшное ружье, кремневое, съ широкимъ раструбомъ, оно палить, будто пушка.

Въ саду всего вдоволь—и барбарисъ, и крыжовникъ, и смородина, и малина, а въ пчельникѣ жужжать трудолюбивыя пчелы, принося въ свои улья медъ и вошину.

Руки пана Сигизмунда, какъ у хлопа, покрыты мозолями—самъ взрываетъ, насаживаетъ, обкуриваетъ, обматываетъ на зиму соломой. Но голову поднимаетъ столь вельможю, словно сенаторъ на сеймѣ.

Живетъ панъ Сигизмундъ съ пани Ядвигою, дальнею родственницей, тридцатипятилѣтнею особой, — черные волосы, темный пушокъ на верхней губѣ, что свидѣтельствуешь объ энергичности пани. Съ утра и до вечера пани Ядвига въ хлопотахъ—и по молочному хозяйству и по дому. На скотномъ дворѣ восемь коровъ да красный бычекъ; въ зеленомъ пруду плещутся утки и гуси; индюки съ шипѣньемъ надуваютъ красныя бусы, завидѣвъ розоваго поросенка, роющагося въ навозѣ; куры блаженно кудахтають, гуляя съ выводками; степенно бродятъ два павлина, распутивъ пышныя хвосты. А въ особомъ домикѣ за проволочными рѣшетками сидятъ красноглазые кролики: пани Ядвига надираетъ съ нихъ пушистую шерсть, изъ той шерсти она зимой вяжетъ чудеснѣйшія платки.

По вечерамъ панъ Сигизмундъ беретъ длинную удочку, идетъ по крутому берегу рѣки къ омуту, садится на бугоръ, положивъ рядомъ съ собой шляпу насадивъ червяка, онъ закидываетъ и терпѣливо ожидаетъ улова.

Надъ рѣкой пролетаетъ чайка; по песчаной отмели прыгаетъ куличекъ. Панъ Сигизмундъ смотритъ на

красно-бѣлый поплавокъ и ждетъ. Цопь! — блестить леса, на крючкѣ трепещетъ пойманная рыба. Отцѣпивъ ее съ крюка, панъ бросаетъ въ ведро, снова закидываетъ и снова ждетъ.

Здѣсь, на рѣкѣ, онъ видѣлъ много чудесъ, какихъ не увидѣть въ душныхъ городахъ. Разъ на его шляпу сѣлъ обыкновенный синій кузнечикъ, онъ держалъ цѣпкими лапками комара. Панъ Сигизмундъ ужаснулся, когда кузнечикъ разинулъ свою пасть и началъ жевать бѣднаго плѣнника. Синій кузнечикъ, оказывается, былъ отчаяннымъ хищникомъ—кто бы могъ это предполагать?—комариная кровь окрасила его черную мордочку: сожравъ голову и туловище, онъ бросилъ лапки на шляпу и улетѣлъ. Цопь!—такого варварства не увидѣть въ городахъ.

При закатѣ солнца поверхность воды все время мѣняетъ свою окраску—розовая, алая, какъ пролитая кровь, синяя, черная, таинственная и грозная.

Подъ ногами пана Сигизмунда вдругъ пробѣгаетъ темный звѣрекъ, бросается въ воду, пропадаетъ—это выдра, ихъ здѣсь цѣлая семья, никто, кромѣ пана, не знаетъ про то, онъ же не расскажетъ никому.

Поймавъ двѣ-три рыбы, онъ свертываетъ удочку и шествуетъ домой. Около ветель пищитъ какая-то птичка, на нее, должно быть, напалъ ночной хищникъ, она умираетъ. Ея стонъ вноситъ въ душу пана Сигизмунда смятеніе, а тутъ еще откуда ни возмись, точно изъ земли, вырастаетъ черная лошадь. Онъ отплатывается отъ нея, но черная лошадь радостно ржетъ.

— Казя!—узнаетъ онъ свою верховую кобылу. Онъ гладитъ ее по бархатистой мордѣ, она лижетъ его руки теплымъ языкомъ.

Дома пана Сигизмунда пани Ядвига встрѣчаетъ строгимъ выговоромъ: кушанья простыли.

II.

Столовая украшена охотничьими трофеями—волчьи оскаленныя морды, олени рога. Подъ двухствольнымъ ружьемъ два перекрещенныхъ эспадрона. Но главное сокровище пана—тяжелый шестоперъ и золотыя шпоры; онѣ достались отъ предковъ и висятъ рядомъ съ картиной, изображающей поражение меченосцевъ при Домбровѣ. Шестоперомъ предокъ пана Сигизмунда убилъ тевтонскаго рыцаря. Ручка шестопера мѣдная, лопасти изъ чеканенной стали. Это оружіе нѣмцы называли *Guten Morgen*, но существуютъ и другія имена: „Будь здоровъ!“ и „Утренняя Звѣзда“.

Послѣ ужина панъ Сигизмундъ цѣлуетъ ручку домоправительницы и закуриваетъ сигару.

Затѣмъ, пожелавъ покойной ночи, онъ идетъ въ свою спальню. Онъ долго и набожно молится передъ костянымъ распятіемъ и полонъ благочестивѣйшихъ мыслей, но только что онъ собирается задуть свѣчу, какъ появляется, шлепая туфлями, пани Ядвига. Онъ взглядываетъ на нее, словно святой Антоній на дьяволицу.

— Вы, пане, чѣмъ-то разстроены?.. Мнѣ холодно, пане, можно согрѣться у васъ?

Его взглядъ падаетъ на костяное распятіе, передъ которымъ онъ набожно молился.

— Я, пани Ядвига, хотѣлъ бы въ монахи поступить.

— О... о! въ доминиканцы?

— Почему же и нѣтъ?.. Мы, пани Ядвига, великіе грѣшники: живемъ, какъ мужъ и жена, но развѣ ксендзъ соединялъ наши руки?

— Вы же знаете: если мы повѣнчаемся, я лишуся моей пенсіи.

Онъ сурово молчитъ. Она, всплывъ, кричитъ:

— Матка божка!.. Я же и грѣшница!.. Я—шлях-тянка, вы не можете мнѣ дерзости говорить, ваши отцы у нашихъ песьими гайдюками были!

Страшно вытаращивъ глаза, панъ Сигизмундъ ей отвѣчаетъ:

— Вы, пани, моя судомойка, вотъ кто вы!

Трепеща отъ гнѣва, она проворно снимаетъ съ правой ноги туфлю и бросаетъ ему въ лицо.

— Я же не позволю моего гонору оскорблять! Дня не пробуду въ этомъ гайдучьемъ домѣ!

Хлопнувъ дверью, она уходитъ.

Панъ Сигизмундъ чуть не лопається отъ злости: скажи такъ и сдѣлай не женщина, онъ бы зналъ, что предпринять: къ барьеру! черезъ платокъ! Она назвала его песьимъ гайдюкомъ, его, чьи предки бились и съ турками, и съ нѣмцами. Еще Польска не сгинела: въ немъ течетъ рыцарская кровь. Не съ четками, не въ монашескомъ капюшонѣ, — съ мечомъ въ рукахъ онъ уйдетъ изъ дому, тогда пани Ядвига узнаетъ, гайдучья ли въ немъ кровь.

Онъ крутитъ усъ. Но въ одномъ пани Ядвига права: не гоже ему быть монахомъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же онъ ее обидѣлъ? — навѣрное, бѣдняжка плачетъ горькими слезами.

Послѣ длительныхъ размышлений онъ надѣваетъ халатъ и отправляется съ туфлей въ рукѣ въ комнату домоправительницы.

— Вы, пани, у меня вашу туфельку обронили!

Она молча лежитъ на кровати и не поднимаетъ на него глазъ. Панъ Сигизмундъ ставитъ туфлю на полъ, оправдывается:

— Я же погорячился! Я же въ доминиканцы вовсе и не собираюсь!

Онъ становится на колѣни, цѣлуетъ руку пани Ядвиги.

Пани смѣется:

— Такъ какъ же, я и судомойка, а, можетъ быть, я и еще кто-нибудь?

Примирившись, они сообща обсуждаютъ, что поднести владѣлицѣ замка въ день ея рожденія. Пани Ядвига пошлетъ съ Янекомъ четырехъ индюшекъ и поросенка, а панъ Сигизмундъ подаритъ букетъ изъ розъ.

Замокъ возвышается за полями, на горѣ. Ровъ пересохъ, стѣны и башни осыпались, но рыцари мазовецкіе, литовскіе магнаты, шляхетство Великой и Малой Польши не одинъ пиръ пировали тамъ, за дубовыми столами, съ золотыми кубками въ рукахъ. Теперь въ замкѣ тихо и пустынно—не бряцаютъ сабли, не мелькаютъ атласные кунтуши, въ темномъ залѣ не слышится мазурка.

Послѣдняя изъ рода владѣтелей замка—молодая дѣвушка—больна параличемъ нижнихъ конечностей, ее возятъ въ креслѣ, она похожа на умирающій рѣдкостный цвѣтокъ.

Каждый годъ панъ Сигизмундъ однажды отправляется, какъ вѣрный вассаль къ сеньорѣ, съ какою-нибудь подаркомъ въ замокъ. Панъ Сигизмундъ тогда тщательно выбритъ, усы расчесаны и припомажены, шею подпираетъ высокій крахмальный воротничекъ; черный галстухъ надѣтъ впервые, на бархатномъ жилетѣ ни пылинки, сюртукъ будто только что отъ портного. Пани Ядвига, по нѣкоторымъ соображеніямъ, остается дома.

Къ замку панъ Сигизмундъ ѣдетъ въ желтомъ шарбанѣ, лихо пощелкивая англійскимъ бичемъ.

— Такъ вы, пани Ядвига, полагаете, букетъ розъ?..

— Конечно. Розы, какъ алмазы, ихъ не постыдятся и короли.

...Утромъ панъ Сигизмундъ выходитъ на террасу, спускается къ клумбамъ. Еще блестятъ на розовыхъ кустахъ росы—панъ Сигизмундъ любуется цвѣтами, мысленно срѣзая ихъ и складывая въ букетъ.

Налюбовавшись, онъ идетъ по дорожкѣ парка—тѣнистая аллея, словно путь въ невѣдомый, но прекрасный храмъ. Проникшіе сквозь листву солнечные лучи ложатся на песокъ узорными бликами.

Выйдя изъ парка за ворота, панъ направляется по дорогѣ къ каменному кресту, побурѣвшему, покрытому сѣдымъ мохомъ. Чьи кости покоятся здѣсь и чьими руками крестъ былъ поставленъ?

Панъ Сигизмундъ садится у его подножія. Съ полей налетаетъ тихій вѣтерокъ, нагѣваетъ печальную пѣснь. Вдалекѣ чернѣютъ стѣны замка, выдавшія на своемъ вѣку и славу Польши и ея позорные дни.

Подходитъ ксендзъ Бонифацій, маленький, съ лучистыми глазами. Панъ Сигизмундъ цѣлуетъ его руку, ксендзъ благословляетъ.

— Утренній променады?

— Да.

Ксендзъ смотритъ на замокъ и, таинственно наклоняясь, говоритъ:

— Нѣмцы зашевелились!

— Зашевелились?—переспрашиваетъ панъ Сигизмундъ и скептически качаетъ головой. Политика его мало интересуется, онъ не вѣритъ ничему: жизнь навсегда вошла въ свои вѣчныя русла, рѣки не выступятъ изъ береговъ—у Польши есть славное прошлое, но будущаго нѣтъ. Ксендзъ ему возражаетъ. Затѣмъ они оба идутъ къ фольварку, ксендзъ провожаетъ пана Сигизмунда до воротъ.

Опять панъ Сигизмундъ идетъ по песчаной дорожкѣ, ступая на солнечные блики. Передъ кустами розъ онъ останавливается — на лепесткахъ высохли утрення слезы.

III.

Нежданно весь край приходитъ въ движеніе. Объявлена мобилизація. Панъ Сигизмундъ дѣлаетъ видъ, что это его совершенно не касается, но изъ парка онъ видитъ, какъ собираются на ратный призывъ запасные. Они идутъ съ пѣснями по полямъ, ихъ провожаютъ матери, невѣсты и сестры.

Панъ Сигизмундъ выходитъ за ворота. Около дороги стоятъ двѣ морщинистыя старухи, по ихъ коричневымъ щекамъ струятся слезы. Старухи поджидаютъ идущихъ на призывъ мужиковъ. Онъ встрѣчаютъ ихъ плачемъ и цѣлуютъ, точно всѣ они—ихъ кровныя дѣти. Скрипятъ колеса повозокъ. На одной сидитъ пьяный хлопъ въ солдатской курткѣ, играетъ на скрипкѣ. Скрипка визжитъ, словно плачетъ и жалуется душа.

Къ пану Сигизмунду подходитъ войтъ, остролицый старичекъ съ льстивыми глазами. Онъ говоритъ, что завтра погонять и лошадей. Панъ Сигизмундъ спрашивается у него, къ какому часу надо ихъ приводить и, круто повернувшись, уходитъ домой.

Онъ навѣдывается въ конюшню, велитъ дать Казѣ овса, треплетъ лошадь по холкѣ. Казя ржетъ и, какъ собака, лжжетъ ему руки. Здѣсь она родилась, здѣсь рѣзвилась жеребенкомъ, здѣсь выросла, стала сильною, красивою лошадыю. Завтра ее увезутъ чужіе люди и она больше не вернется.

Весь этотъ день панъ Сигизмундъ хмурится и дымитъ сигарой. Вечеромъ онъ не идетъ ловить рыбу, а

ночью на него во снѣ наваливается черный негръ и душить. Панъ Сигизмундъ со стономъ пробуждается.

...Утро ясно и безоблачно, но панъ Сигизмундъ знаетъ, что гдѣ-то совсѣмъ рядомъ сложенъ огромный костеръ. Скоро костеръ подожгутъ, смолистыя дрова запылаютъ, чернымъ столбомъ подыметъ дымъ, омрачая небесную голубизну.

Въ полдень Янекъ выводитъ изъ конюшни лошадей—Казю и Щенный. Щенный—старый конь, ребра на перечеть, его не жаль, но Казя..

Бросивъ на землю сигару, панъ Сигизмундъ ласкаетъ любимицу, даже цѣлуетъ ее въ морду. Лошадь предчувствуетъ что-то недоброе, ржетъ, не хочетъ итти за Янекомъ. Панъ Сигизмундъ говоритъ ей нѣжныя слова, будто она и не лошадь вовсе, а дѣвочка въ красномъ платьицѣ.

По дорогѣ отовсюду ведутъ лошадей. Пану Сигизмунду вспоминаются рыцарскія времена, навѣрное, тогда такъ-же сгоняли лошадей... Ему вдругъ нестерпимо хочется вскочить на Казю и понестись, какъ предокъ, съ Утренней Звѣздой въ рукѣ за золотыми шпорами. Гопъ! Гопъ!—бей проклятыхъ меченосцевъ!.. Гопъ! Гопъ!—выходить Литва изъ дремучихъ пушъ; скачутъ, подбоченясь, веселые мазуры; снѣшить съ высокими копьями чешскій отрядъ; Русь въ длиннополыхъ кафтанахъ летитъ съ обнаженными саблями—гони къ гибели тевтонскую орду!

На площади такая давка, что панъ Сигизмундъ и Янекъ едва пробираются. Стоя на телѣгѣ, въ сѣромъ дождевомъ пальто, войтъ что-то кричить охрипшимъ голосомъ толпѣ. Повозки, лошади, женщины, мужчины, дѣти сбились въ одну кучу,—кажется, во вѣки не расцѣпить колесъ, не выбратъся изъ этой толчеи.

— Годна!

Казю отводятъ въ сторону, Щенснаго забраковываютъ.

Войтъ кричить, что пора трогаться. Хотя ксендзъ уже проповѣдывалъ въ костелѣ, но видъ толпы воодушевляетъ его; обнаживъ голову, онъ говоритъ напутственное слово. Женщины и дѣти плачутъ.

Повозки со скрипомъ ползутъ одна за другой; нѣкоторыя женщины бьются на землѣ, оглашая воздухъ воплями,—ихъ оттаскиваютъ съ дороги, чтобы не раздавить. Но вотъ двинулись послѣднія повозки—воины покидаютъ родныя мѣста. За ними гонять табунъ лошадей. Панъ Сигизмундъ видитъ Казю, она ржетъ, изъ ея глазъ выкатываются двѣ крупныя слезы.

Площадь пустѣетъ—подъ руки уводятъ рыдающихъ женщинъ и дѣтей.

Согнутый, въ засаленномъ лапсердакѣ, возвращается въ свою лавку Шмулька съ супругою. У нихъ взяли первенца. Мать рвется отъ мужа, кричитъ, жестикулируя встрѣчнымъ евреямъ:

— Молитесь! Молитесь, еврей, о сынѣ моемъ!

Хотя панъ Сигизмундъ убѣжденный юдофобъ, но теперь ему жаль Шмулькину супругу.

Возвращаясь домой, онъ думаетъ о Казѣ. Когда плачетъ женщина, это еще ничего; когда плачетъ мужчина,—это хуже, но если заплачетъ звѣрь, его слезы не забываются.

...Черезъ нѣсколько дней ксендзъ приноситъ пану Сигизмунду газету и тамъ—чернымъ по бѣлому—напечатано, что объявлена война.

Мимо фольварка непрерывнымъ потокомъ идутъ солдаты, блестятъ штыки, орудія тупо разинули свои пасти, гремятъ зарядные ящики.

Въ домъ пана Сигизмунда заѣзжаютъ офицеры. Панъ встрѣчаетъ ихъ сдержанно и важно. Но его от-

ношение къ нимъ круто мѣняется, когда одинъ кавалеристъ, полякъ, говоритъ:

— Поздравляю васъ!

— А что?

Кавалеристъ показываетъ пану Сигизмунду газету, въ ней напечатано: пробилъ часъ воскресенія Польши, довольно поляки были раздѣлены...

Панъ Сигизмундъ велитъ принести изъ погреба нѣсколько заплѣсневѣлыхъ бутылокъ и угощаетъ офицеровъ.

— Да будетъ побѣда,—провозглашаетъ онъ.

— Да будетъ побѣда!

— Вивать!

Когда бутылки пустѣютъ, панъ Сигизмундъ велитъ принести другія на смѣну имъ, еще болѣе заплѣсневѣлыя.

А война подходитъ все ближе и ближе къ уединенному фольварку. Изъ пограничныхъ мѣстечекъ проѣзжаютъ бѣглецы. Иные останавливаются въ фольваркѣ и рассказываютъ ужасы. Голодные, полуодѣтые, разоренные, они производятъ впечатлѣнныя сходящихъ съ ума. Пани Ядвига кормитъ ихъ, ласкаетъ дѣтей. Панъ Сигизмундъ сердито покручиваетъ усы. Нѣмцы превращаютъ костелы въ конюшни, насилуютъ женщинъ, жгутъ города, разстрѣливаютъ мирныхъ людей. Они хотятъ владычествовать надъ всѣмъ свѣтомъ, они хотятъ, чтобы поляки, русскіе, французы, англичане, чтобы всѣ народы стали ихъ данниками и рабами. Всесильнымъ богомъ провозглашена стальная крупновская пушка. И всю эту орду одичалыхъ нѣмцевъ наслалъ на мирные народы коронованный маніакъ, сухорукій кайзеръ.

— На погибель ихъ!—сжимая кулаки, кричитъ панъ Сигизмундъ.

Война подходит все ближе. Вдалекѣ слышатся раскаты грома—артиллерійская перестрѣлка. По ночамъ небо чертится свѣтящимися снарядами, словно кто-то пишетъ между звѣздъ огненнымъ карандашемъ.

Гудятъ военные автомобили, скрипятъ фуры и повозки Краснаго Креста, увозя раненыхъ и недобитыхъ.

Панъ Сигизмундъ, не смущаясь близостью войны, спокойно ухаживаетъ за своимъ садомъ. Съ жужжаньемъ въ пчельникъ летятъ съ полей и на поля трудолюбивыя пчелы; румяныя яблоки свисаютъ съ зеленыхъ вѣтвей; вишни игриво переглядываются съ солнцемъ; зрѣютъ сливы и груши—будетъ обильный урожай. Но больше всего панъ Сигизмундъ заботится о розахъ: скоро онъ ихъ срѣжетъ и отвезетъ въ замокъ.

Одноглазый Янекъ лѣниво покуриваетъ трубку, сидя въ соломенномъ шалащѣ. Заслышавъ раскаты артиллерійской кононады, онъ вынимаетъ изо рта трубку, сплевываетъ на землю и, вздохнувъ, закуриваетъ опять.

IV.

Къ дому подъѣзжаютъ всадники въ каскахъ—нѣмцы разѣздь.

— Гдѣ владѣлецъ?

Панъ Сигизмундъ спокойно говоритъ:

— Я.

— А гдѣ казаки?

— Не знаю.

Нѣмцы повертываютъ коней и ускакиваютъ обратно. Вечеромъ они возвращаются—отрядъ челоуѣкъ въ пятьсотъ. Они привязываютъ лошадей къ фруктовымъ деревьямъ и начинаютъ съ того, что сбиваютъ яблоки,

группы, сливы, къ великому негодованію Янека. Старикъ ругается, но пара увѣсистыхъ пощечинъ заставляетъ его замолчать. Онъ уходитъ въ сѣнной сарай, чтобы не видѣть разрушителей сада.

Въ домѣ хозяйничаютъ нѣмецкіе офицеры. Солдаты извлекаютъ изъ погреба всѣ вина пана Сигизмунда.

— Hoch, Kaiser Wilhelm!

— Hoch!

Офицеры разбиваютъ пустыя бутылки объ стѣны, поютъ пѣсни и пьянѣютъ. Панъ Сигизмундъ, уйдя изъ столовой, умоляетъ пани Ядвигу бѣжать съ Янекомъ въ замокъ. Она долго противится, но, наконецъ, подчиняется благоразумному совѣту и, крѣпко поцѣловавъ пана Сигизмунда, уходитъ въ слезахъ съ Янекомъ, пользуясь темнотой.

Панъ Сигизмундъ хмуро выслушиваетъ грубыя шутки нѣмцевъ, хладнокровно созерцая разореніе своего хозяйства. Солдаты выводятъ изъ хлѣвовъ коровъ и краснаго бычка, закалываютъ поросенка, рѣжутъ куръ, индюшекъ, утокъ, гусей, они не щадятъ и павлиновъ. Нѣмецкія лошади поѣдаютъ овесъ пана Сигизмунда, а пьяные солдаты рубятъ саблями пчелиныя колоды, вытаскиваютъ изъ нихъ медъ. Безсовѣстно ограбленныя пчелы яростно жужжатъ, жалятъ нарушителей ихъ покоя, погибаютъ въ пламени костровъ, разведенныхъ въ саду изъ срубленныхъ деревьевъ.

Лейтенантъ фонъ-Финкельштейнъ, безусый мальчишка съ прыщавымъ лицомъ, требуетъ водки.

— Vodka! — стучитъ саблею по полу толстый маіоръ фонъ-Крефтингъ, весь налитой пивомъ.

Панъ Сигизмундъ коротко отвѣчаетъ:

— Водки нѣтъ!

Маіоръ фонъ-Крефтингъ, шатаясь, поднимается со

стула и дѣлаетъ такое движеніе рукой, словно собирается ударить пана Сигизмунда по щекамъ, однако, не рѣшившись, онъ опускается опять на стулъ и залпомъ осушаетъ бокаль съ крѣпкимъ медомъ.

— Объявляю васъ военноплѣннымъ.

Фольваркъ освѣщенъ багровымъ заревомъ: нѣмцы подожгли сѣнной сарай и молочный домикъ. Къ звѣздному небу со свистомъ вздымаются снопы искръ.

Панъ Сигизмундъ выходитъ на терасу. Розы растоптаны конскими копытами, раздавлены солдатскими сапогами. Нечего нести въ замокъ. Гибель розъ особенно удручаетъ пана. Разбросанные по черной землѣ лепестки розъ—точно обрывки платья, сорваннаго съ невѣсты: поругана, опозорена, убита... Кровь приливаетъ къ головѣ и къ сердцу пана Сигизмунда. Онъ прислоняется къ стѣнѣ, чтобы не упасть, онъ ожидаетъ смерти отъ удара.

Оправившись, онъ входитъ въ домъ, молча снимаетъ со стѣны золотыя шпоры и уноситъ къ рѣкѣ. Онъ ихъ забрасываетъ въ воду, чтобы не достались нѣмцамъ.

Вернувшись въ домъ, онъ говоритъ, указывая на картину, изображающую побѣду поляковъ надъ меченосцами въ Домбровѣ:

— Смотрѣли ли вы, панове, на это?

— Was ist das?—надменно спрашиваетъ лейтенантъ фонъ-Финкельштейнъ.

— Heraus, du, polnischer Teufel!—пьяно выкрикиваетъ малоръ.

Панъ Сигизмундъ снимаетъ со стѣны Утреннюю Звѣзду и, задыхаясь отъ гнѣва, отвѣчаетъ:

— Здѣсь нарисовано, какъ поляки били нѣмецкихъ разбойниковъ. Смотрите, панове, смотрите!.. А этимъ оружіемъ мой предокъ поразилъ тевтона... Вотъ такъ!

Размахнувшись изо всей силы Утренней Звѣздой, онъ ударяетъ ею по лбу маіора. Брызжа кровью и мозгами, съ разбитымъ черепомъ, маіоръ грохается на полъ; лейтенантъ, вскочивъ со стула, выхватываетъ изъ ноженъ саблю, бросается на пана Сигизмунда, но тотъ ловко парируетъ всѣ удары и гонитъ нѣмца въ уголь. Бить, убивать—одна страсть, одно желаніе.

— Hilfe, Hilfe! — сзываетъ лейтенантъ на помощь нѣмцевъ.

Въ домъ прибѣгаютъ солдаты. Панъ Сигизмундъ неумолимо работаетъ Утренней Звѣздой, раскраиваетъ черепа, наноситъ страшныя раны. Лейтенантъ стрѣляетъ въ него изъ револьвера, но панъ Сигизмундъ не чувствуетъ боли, хотя кровь обильно течетъ по его груди.

— Вотъ такъ, вотъ такъ мы били нѣмцевъ!—приговариваетъ онъ, вертясь среди враговъ, награждая ихъ ударами.—Vivat Polonia!

Высокій саксонецъ прокалываетъ его штыкомъ; панъ Сигизмундъ, не выпуская изъ рукъ Утренней Звѣзды, падаетъ на полъ. Солдаты добиваютъ его.

Затѣмъ нѣмцы ломаютъ мебель, бьютъ посуду, рвутъ матеріи и картины. Утромъ они сѣдлаютъ лошадей, уносятся дальше—и тогда возвращается пани Ядвига съ Янекомъ оплакивать вспыльчиваго пана.

Марія Моравская.

ПРЕКРАСНАЯ ПОЛЬША.

Стихи.

Знайте мою Прекрасную Польшу,
Мою отчизну милую, разоренную.
Любите мою Прекрасную Польшу,
и дѣтей, заплаканныхъ и бездомныхъ.

В костелы, ядрами израненные,
В селенія, горящія неустанно,
В язоля и бѣлыя сукманы —
Лгите и знайте!

Сожженные гнѣзда.

Spalone gniazdo ^{roscianie—}
^{peszczescie}
Сожженное гнѣздо аиста су-
лит несчастье.

Польская народная примѣта.

Сгорѣло гнѣздо аиста
Въ моемъ родномъ селѣ,
И клекотъ птенцовъ долговязыхъ
Не раздастся въ лѣтней мглѣ...

Что вѣщія птицы увидятъ,
Вернувшись изъ жаркаго края
Что въ Польшѣ увидятъ бѣящцы,
Возвратный путь свершая?

Черный макъ.

Cicho, jak makiem zasial
Тихо, словно посѣяли макъ.

Польская поговорка.

На Рождествѣ мамы балуютъ лакомокъ.
На Рождествѣ наѣдаются дѣти макомъ.
Въ ясный сочельникъ елки недолго горять,
Въ Маковый Вечерь рано дѣти спать.

На Рождествѣ въ этомъ страшномъ году
Какъ я мечтой въ край родной забреду?
Жутко! Въ селѣ опустѣвшемъ тишь и мракъ,
Словно повсюду посѣянъ черный макъ...

Польская Богородица.

Не вѣря, склоняю колѣни предъ ней,
Преданья такъ нѣжно, такъ ласково лгутъ...
Съ тѣхъ поръ, какъ у Польши нѣтъ королей
Ее королевою Польской зовутъ.

Душа отдыхаетъ, вотъ тутъ, у придѣла,
Гдѣ статуя Дѣвы, гдѣ свѣчи ей жгутъ.
Цвѣта Богородица,—синій и бѣлый,
Низводятъ мнѣ въ душу печаль и уютъ...

Я вѣрю, я знаю: нашъ разумъ мятежный
Въ молчаньи копье преклонить передъ ней,
Оставить Марію, какъ памятникъ нѣжный
Великихъ молитвъ и великихъ скорбей.

В о з в р а т ь .

Я поселилась въ церковномъ домѣ,
И колокольный силенъ тутъ звонъ.
Я вѣру дѣтскую снова помню,
Помню вѣянье яркихъ знаменъ
И лица свѣтлыя польскихъ иконъ...

Помню костелы въ далекой Польшѣ,
И цвѣтъ церковный темно-лиловый..
Вотъ: нынче звонять громче и дольше,
И ближе дѣтства глухіе зовы.

Жалобная пѣсенка.

Мальченку звали Янко,
Котенка звали Ясь.
Вставали спозаранку
И прыгали смѣясь.
Мурлыча и смѣясь
Играли Янъ и Ясь.

Чьи ночью были крики?
Чья хаточка пуста?
Что шепчутъ павилики
У чернаго креста?
Что небо было алое,

Затоптанъ садикъ малый,
Котенокъ—одичалый,
А Янко—сирота.

Л. Окуневъ.

КРАСНЫЙ КУТЬ.

Разсказъ.

У насъ на Вислѣ—вездѣ лѣса и лѣса. Они тянутся зеленой стѣною изъ-подъ самаго Сандоміра до Варшавы, а подѣ Юзефовымъ лѣса эти становятся еще гуще, и только путанныя звѣриныя тропы сплелись въ лѣсной чащѣ хитрыми петлями.

У самой стѣны лѣсовъ, черезъ Красный Куть, помѣстье пана Казимира Пшекутскаго, на Люблинѣ вьется каменный трактъ. Лютуютъ ли морозы, пурга ли наметаетъ сугробы снѣга, зной ли накаляетъ бѣлый камень, или льетъ надъ нимъ осень свои скучныя слезы,—день и ночь гремитъ трактъ возами, звенить колокольчиками, и плетется откуда-то, куда-то по тракту, мимо усадьбы пана, народъ съ котомками и палками, запыленный, обвѣтренный, изломанный длинной дорогой, которой конца нѣтъ, нѣтъ краю.

А въ эту осень какъ будто поднялась вся Польша съ насиженнаго мѣста и пошла бродить по тракту. Оставили свои гнѣзда и Юзефовъ, и Аннополь, и Липско, и даже богатый Залихвостъ, и видно день и ночь, день и ночь изъ панскаго покоя, какъ шагаютъ люди по болотамъ, по мшавамъ и гатямъ—всѣ къ варшавскому тракту, что ведетъ изъ Сандоміра въ сердце русской Польши.

Иной, кто побогаче, пролетитъ мимо на таратайкѣ съ колокольцами, съ бубенцами и стрѣлой умчится въ зеленую гущу лѣсомъ, будто за нимъ гонится цѣлая стая волковъ.

А другой проѣдетъ въ душной будѣ, которая кряхтитъ и стонетъ, таща свои старыя кости по тракту. Кто погналъ ее въ такой тяжелый путь?

Осень не спрашиваетъ, откуда и куда летятъ стаи птицъ. Война охватила пожаромъ весь этотъ край, уже бушуютъ ея злыя сѣчи, и снялись люди Божьи съ теплыхъ мѣстъ, гдѣ жили ихъ дѣды, ихъ прадѣды съ тѣхъ поръ, какъ жива Польша, и негдѣ будетъ имъ приклонить своей осиротѣвшей головы.

День и ночь неумолчно говорить дорога. Приходитъ молва и стучится посохомъ въ двери пана Казимира:

— Я изъ Будиловки подъ Кѣльцами. Мы много лѣтъ жили тамъ и вросли корнями въ Будиловскую землю. Но настали злыя времена. И полетѣли мы искать мѣста, гдѣ умирать.

— А я изъ-подъ Ожарова. Старый медъ зажегъ мои щеки румянцемъ. Мышцы мои, какъ узлы морского каната, а грудь—наковальня: бей пудовымъ молотомъ—выдержитъ. Матка Боска! Я пойду по лѣсамъ, найду дружинку лѣсную и буду бить, буду бить проклятаго шваба, который пришелъ и спалилъ мое гнѣздо.

— Я бѣдная вдова съ ребенкомъ. Проходили австрийки и нѣмцы, били людей, позорили сестеръ, а я шила саваны. Стежку за стежкой шила саваны. Сначала на мужа, потомъ на брата, а потомъ и счетъ потеряла, сколько ихъ, на кого...

— Слушайте, лѣса и поля! Слушай, Польша! У кого есть руки, а на плечахъ цѣла голова, возьми старое отцовское ружье и иди бить врага нашей отчизны...

Если бы не годы и не болѣзнь, приковавшая пана Казимира къ креслу, онъ приказалъ бы своей экономкѣ:

— Юзя! А ну, принеси-ка мой дробовикъ изъ клуни. Пойду и я за людьми бить шваба.

Но Богъ далъ пану Казимиру такую долю, чтобы сидѣть у окна и глядѣть на дорогу, какъ бѣжитъ народъ по Вислѣ къ сердцу родной Польши. И звено за звеномъ низжется въ головѣ у пана длинная цѣпь мыслей.

— Иисусъ, Марія! Вы еще здѣсь, панъ Казимиръ?— говоритъ весь забрызганный дорожной грязью панъ Яцекъ Хржонстовскій изъ Подбродья.

— Какъ Богъ святъ, нѣмцы близко. Прикажи, панъ, заложить своего мерина и бѣги, пока можно.

— Атъ!— машетъ рукою панъ Казимиръ.— Нѣмецъ! Плевать я хочу на нѣмца. Вотъ не тронусь же я изъ Краснаго Кута на зло всѣмъ на свѣтѣ нѣмцамъ.

— Но они придутъ сюда.

— Не придутъ!

— Но они подпалятъ Красный Куть.

— Не посмѣютъ!

— Посмѣютъ.

— Къ дьяволу, сатанѣ въ печенку, панъ! Сказано— не пойду, такъ не пойду. Съ тѣхъ поръ, какъ Польша живетъ, не показывали Пшекутскіе своей спины врагу... Эй, Юзя! Подай-ка намъ того меду... Знаешь какого?

Панъ Казимиръ щелкаетъ языкомъ, и Юзя понимаетъ, что панъ требуетъ того меда, отъ котораго ноги сами танцуютъ старый краковякъ.

Но панъ Яцекъ спѣшитъ. Онъ не хочетъ выпить ни одной рюмки даже такого меду, который славится по всей Вислѣ.

— Не выпьешь?

— Некогда, панъ.

— Куда ты спѣшишь? Развѣ тебѣ дали въ то мѣсто, откуда у людей ноги растутъ, что ты спѣшишь?

— Нѣтъ.

— Такъ убирайся къ дьяволу, панъ. Мы больше не знакомы.

— Досвѣданія, панъ.

— Вонъ! Юзя, подай пану его паршивую шапку. Да!

...У дочери пана Казимира, у панны Анны, глаза синіе и глубокіе, какъ небо. А слыхали ли вы когда, какъ звенить дорогое ожерелье, если его ненарокомъ обронять на полъ, и оно катится по каменной лѣстницѣ со ступеньки на ступеньку? Такой смѣхъ у панны Анны.

— Цурка моя, Ганнуся, ты поѣдешь?

Звенить ожерелье, глаза лучами зажглись, какъ море синее, когда надъ нимъ всходитъ солнце.

— Безъ тебя, отецъ?

— А ну да.

Море потемнѣло, море гнѣвно, гроза встаетъ:

— Нѣтъ.

— Ну, такъ давай сыграемъ въ шахматы.

Шахъ и матъ. Никогда того не бывало, чтобы панъ проигралъ партію, да еще женщинѣ. Не ладно что-то въ умѣ у пана: думы, думы, думы тяжелыя, какъ полетъ воронья, которое въ эту осень несется безъ конца на западь...

Прошлымъ лѣтомъ у самой усадьбы пана Пшекутскаго сломалась бричка проѣзжаго офицера. Панъ увидѣлъ это изъ окна и приказалъ позвать офицера къ себѣ. Это былъ совсѣмъ мальчикъ еще, безъ усовъ, а звенѣлъ шпорами прямо-таки, какъ полковникъ, а то и повыше.

— Панъ офицеръ водку пьетъ?— встрѣтилъ его панъ Казимиръ.

— О, нѣтъ!

— Старую водку, настоенную на померанцѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю.

— Какой же христианинъ не пьетъ старой водки? Ну, а меду панъ пригубить? Пекло, а не медъ! А?

— Благодарю, я ничего не пью.

— Тогда зачѣмъ же ваша бричка сломалась какъ разъ на моей землѣ? Поломалась бы она противъ усадьбы нѣмца Штрайха. Это недалеко отсюда. Какъ вы думаете, панъ?

Офицеръ повернулся къ двери.

— Погодите. Можетъ-быть, панъ выпьетъ наливки? Бабскій напитокъ.

— Наливку можно.

Итакъ, дѣло началось съ наливки, затѣмъ пригубили рюмку-другую меду, а потомъ добрались-таки съ Божьей помощью до дѣдовской водки на померанцѣ.

Бричка была уже давно готова, но панна Анна играла на клавесинѣ, въ кухнѣ весело щелкала на сковородкѣ яичница на салѣ. Куда спѣшить?

Подъ утро уѣхалъ офицеръ Васютовичъ и шепнулъ на прощанье паннѣ Аннѣ что-то такое, отъ чего она вспыхнула, какъ заря на раннемъ небѣ. А выѣхавъ за ворота, долго глядѣлъ, оборотясь на усадьбу, покрутилъ то мѣсто, гдѣ у него долженъ былъ вырасти усъ и сказалъ:

— М-да!

Послѣ этого почтарь каждую недѣлю привозилъ письма въ синихъ конвертахъ „въ собственныя руки панны Анны Пшекутской“, а панъ Казимиръ хитро усмѣхался, кричалъ и дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ...

Бахъ!

Съ субботы на воскресенье загрохотало за Вислой жаркое дѣло, а во вторникъ нѣмцы стояли уже на Краснокутской горѣ, въ полуверстѣ отъ усадьбы пана Казимира.

— Ой, горе, панъ, ѣдемъ!—плакала въ воскресенье экономка Юзя.

— Нѣтъ. Я не поѣду. Поѣзжай ты съ Анной, а я останусь. Меня не тронуть. Хоть они и швабы, а у нихъ тоже есть отцы.

Во вторникъ сдѣлся уже панъ Казимиръ:

— Если вы безъ меня не хотите ѣхать, поѣду и я. Везите мои старыя кости.

— Поздно, панъ. Нѣтъ проѣзда.

...Плакала осень мутными слезами, а по ту и по сю сторону Краснаго Кута шло войско: австрійцы разставили свои арматы на Краснокутской горѣ, а наши стали у лѣса. И усадьба пана Казимира была между австрійцами и нашими.

Чуть забрезжилась заря во вторникъ, изъ лѣса вышла батарея Васютовича. Онъ шелъ лѣсами и проселками къ Вислѣ, и чѣмъ ближе подходилъ онъ къ Красному Куту, тѣмъ радостнѣе и свѣтлѣе становилось въ его душѣ. А вотъ уже и Красный Куть съ веселой рощею березокъ, съ пристройками и надстройками, съ клунами и амбарами. Прошлымъ лѣтомъ пѣли тамъ клавишины, щелкала ягчица на кухнѣ, и послѣ стакана стараго меда горячъ былъ поцѣлуй въ роцѣ подъ березкой.

Ординарецъ прискакалъ. Ординарецъ подалъ Васютовичу сѣрый пакетъ.

— Немедленно открыть сильный огонь по Красному Куту.

Боже мой! Тамъ панна Анна, ея Анна! За ея спиною, на Краснокутской горѣ, стоятъ австрійцы, и надо стрѣлять, непременно надо стрѣлять, черезъ голову въ золотой коронѣ волосъ, въ врага.

А, можетъ-быть, уѣхали? Нѣтъ! Открывается желтая ставня въ ея окнѣ и мелькаетъ въ багровой листвѣ

что-то бѣлое. Быть-можетъ, она, ея кисейное платье, въ которомъ она минувшимъ лѣтомъ стояла съ нимъ подъ березкой?

Голова кружится. Въ туманѣ глядятъ на него синіе глаза и раскрываются розовые лепестки для прицѣлуя.

Ахъ, какъ больно головѣ! Тамъ, далеко назадъ, грустныя поля и пажити. Среди лѣсовъ, въ синемъ сумракѣ сѣрѣютъ избы деревень и селъ, горятъ маковки церквей, маячатъ родные бѣлые кресты на погостахъ. Тамъ, на поляхъ, на пажитяхъ, въ деревняхъ и селахъ звенить кличъ, несется чрезъ дубравы на Вислу, къ нему, къ Васютовичу:

— Немедленно открыть огонь!

— Батарея впередъ!

— Вз-з-зи! — словно разорвалъ кто-то полотнище отъ края до края. Первый снарядъ, комокъ пламени и свинца, летитъ къ Краснокутской горѣ черезъ голову любимой, и синія очи съ тревогой слѣдятъ за его полетомъ.

Васютовичъ слѣдитъ за каждымъ прицѣломъ, чтобы снарядъ не тронулъ ни одного волоса на головкѣ любимой. Въ аду, среди грохота и дыма, среди рвущихся гранатъ, перебѣгаетъ Васютовичъ отъ орудія къ орудію:

— Бери выше! Цѣль въ гору! Разъ!

Ужасный, потрясающій громъ. Бризантный снарядъ непріятели упалъ въ рощу, за нимъ другой, третій... Рощи нѣтъ, только торопливо перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто язычки кроваваго пламени.

— Вторая батарея впередъ! Бей въ гору!

И вдругъ смолкла гора, занятая непріятеlemъ, и доносится оттуда крикъ и лязгъ, топотъ и звонъ.

Весь въ мыль конь новаго ординарца.

— Давай!

Васютовичъ вырываетъ изъ его рукъ пакетъ, прыгають буквы въ его глазахъ:

— Занять артиллеріей Краснокутскую гору. Непритель выбить.

Батарея вихремъ пролетѣла мимо усадьбы, а Васютовичъ только на одну секунду свернулъ въ сторону къ панскому дому, заглянулъ въ окно.

Передъ окномъ сидитъ панъ Казимиръ. Онъ поетъ старую польскую пѣсню, ударяя въ тактъ рукою по столу.

А панна Анна сидитъ блѣдная, какъ смерть, въ креслѣ и глядитъ впередъ остановившимся отъ ужаса взоромъ.

— Я вернусь! Я сейчасъ вернусь,—крикнулъ Васютовичъ.

И вспыхнулъ румянецъ на ея блѣдномъ лицѣ, а глаза послали ему улыбку.

А старый панъ прервалъ пѣсню и, открывъ окно, сказалъ:

— Иди, мой сынъ, тебя ждуть тамъ. Да хранитъ тебя Богъ!

А потомъ снова запѣлъ . . . . .
. . . . .
. . . . .

Михаилъ Бандомирскій.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

ПОЭМА.

*Я тебя сохранию невозбранно,
И мечты, что плынительно-юны,
О, воздушная польская панна,
Я вложу въ зодотистыя струны.*

К. Бальмонтъ.

*Соборъ былъ теменъ и печаленъ
При свѣтъ стеколь расписныхъ,
И съ шопотомъ исповѣдаленъ
Мышался шумъ шаговъ глухихъ.
Ты опустилась на колѣни,
Предъ алтаремъ простерлась ницъ...
О, какъ забыть мнѣ эти тѣни
Полупоушенныхъ рѣсницъ?*

М. Кузминъ.

1.

Въ вѣкахъ измѣнчивыхъ забыли
Всю прелесть давней красоты,
Но я, проснувшись къ новой были,
Не позабылъ твои черты:

Высокій лобъ, какъ у Мадонны,
Усмѣшку гордую очей
Въ отвѣтъ на низкіе поклоны
Сѣдыхъ магнатовъ-усачей,

И двѣ косы, сплетенныхъ туго
Въ одинъ сіяющій вѣнецъ,
И грудь, что трепетно-упругой
Природы вырѣзалъ—рѣзецъ,

Твою походку, голосъ нѣжный
И обезумѣвшую рѣчь,
Когда порывъ любви мятежной
Тебя, Марина, смѣлъ увлечь.

2.

Я жилъ въ Литвѣ, гдѣ рѣдки села,
Гдѣ лишь болота, да трава,
Гдѣ только съ кафедры костела
Услышишь грозныя слова.

Но я покинулъ край мой дикій,
Меня плѣнилъ далекій міръ,
Твои воинственные клики,
Твой голосъ шумный, Сандомиръ!

Твоихъ пировъ разгуль широкій,
И храбрость рыцарей твоихъ,
И очи съ нѣжной поволокой
Красавиць юныхъ, городскихъ...

Едва изъ-за порога дѣтской,
Я смѣло родинѣ служилъ,
Іеремія Вишневецкій
Свои мнѣ шпоры подарилъ.

3.

Прошли года... И я въ Самборѣ
Ее увидѣлъ въ первый разъ
И уловилъ въ бездонномъ взорѣ —
Улыбку мнѣ сіявшихъ глазъ,

И стало радостно и зыбко
Въ душѣ восторженной моей,
И зачарованная скрипка
Запѣла мнѣ о ней, о ней:

„Она—цвѣтокъ воздушной Польши,
Она, какъ папороть-цвѣтокъ.
Спѣши, спѣши. Не вспыхнетъ больше.
Спѣши... Того желаетъ рокъ“.

И я предъ ней, склонившись земно,
Шепнулъ: „О, панна, поцади“!
И вотъ заморская царица
Къ моей прижалася груди.

И въ тихомъ танцѣ, нѣжномъ ритмѣ,
Она неслась среди гостей,
Царевичъ пламенный, Димитрій,
Слѣдилъ восторженно за ней.

А тамъ, въ углу высокой залы,
О чемъ-то спорилъ князь Адамъ,
И густо пѣнились бокалы,
И къ пьянымъ близились устамъ.

4.

Конецъ юня... на балконѣ
Стою, обрызганный луной,
Мои мечтанья, словно кони,
Меня уносятъ въ край пной.

А звѣзды радостно лепечуть,
О чемъ-то давнемъ говорятъ...
Люблю слѣдить я въ тихи вечеръ
Сіянье яркое Плеядъ.

. . . . .
Ты въ эту ночь была съ мною
Въ вѣкахъ... Томительно горя,
Пурпуровая за горою,
Погасла на небѣ заря.

И звонъ Самборскаго костела,
Звучащій мѣдью въ тишинѣ,
Затихъ, суровый и тяжелый,
И позабылся въ полуснѣ.

Вдоль узкихъ улицъ, зыбкой тѣнью,
Ты проскользнула въ часъ ночной,
И эта тѣнь, какъ сновидѣнье,
Еще витаетъ надо мной.

Въ твоей душѣ любовь и смѣлость,
Неумправшая любовь...
О, какъ моимъ устамъ хотѣлось
Съ твоими слиться—вновь и вновь!

5.

Въ монастырѣ, забытомъ всѣми,
Мы встрѣтились въ послѣдній разъ.
Безжалостно смѣялось время,
На мигъ оставившее насъ.

Чуть теплились вдали лампы,
Сокрытыя въ глубинахъ нишъ,
Вечерней тьмѣ мы были рады,
Благословляли ночи тишь.

Я цѣловалъ твои колѣни,
Твои холодныя уста...
О, мигъ страстей и упоеній
У ногъ Распятаго Христа!..

Охваченный безумной дрожью,
Вѣщалъ мнѣ голосъ твой, звеня:
„Что мнѣ корона? Хитрой ложью
Они опутали меня.

Что мнѣ Россія? Что Димитрій?
Что Польши яркая заря?
Я за тебя въ часы молитвы
Склоняюсь ницъ у алтаря.

Въ тебѣ одномъ мое затишье,
Моя мечта, мой свѣтлый храмъ...
Отнынѣ гордой паннѣ Мнишекъ
Ты путь указываешь самъ*.

6.

Огонь любви въ желанныхъ взорахъ,
Воспламененный страстью умъ,
А тамъ, вдали, неясный шорохъ,
Неясный шорохъ,—тихий шумъ.

Тамъ, за оградой монастырской
Мнѣ слышно ржаніе коней:
„То воевода Сандомирскій!
То мой отецъ! Бѣги скорѣй!“

Но мнѣ смѣшны такія рѣчи:
Со мной защитникъ—вѣрный мечъ,
При ненавистной, дерзкой встрѣчѣ
Звучитъ его стальная рѣчь.

.....
Безумный крикъ моей Марины,
(Его я слышу въ дни тоски!)
И чей-то свистъ полузмѣиный...
И голосъ Мнишка: „Гайдуки!“
.....

7.

Все это было и мишло,
Далеко въ вѣчность отошло,
Но вѣчность снова мнѣ вернула
Твое любимое чело.

Тебѣ я вѣренъ вновь, какъ прежде,
Порывъ любви во мнѣ не стихъ,
Въ моей томительной надеждѣ,
Какъ фениксъ, иламенѣть стихъ.

И я зову тебя: „Марина!“
И воскресаютъ вновь черты:
Склоняя станъ свой лебединый,
Изъ темноты возникла ты.

И въ узкой, маленькой гостиной,
Когда играютъ менуэтъ,—
Свои колѣни предъ Мариной
Склоняетъ рыцарь и поэтъ ¹⁾.

---

¹⁾ Изъ книги „Марина Мишекъ“, кн-во „Жатва“. Москва, 1914.

Синта Маръ.

ТЕБѢ ЕДИНОМУ СОГРѢШИЛА.

ПОВѢСТЬ.

(Tibi soli peccavi... ps. 50).

I.

На десертъ принесли незрѣлые персики. Какъ, опять то же самое? А гдѣ же обѣщанный пломбиръ? Мужчины стучали ножами по бокаламъ, дамы улыбались. Требовали м-мъ Гоншэ изъ кухни. Несмотря на ея запрещеніе, кто-то поднялъ шторы и раскрылъ окна, выходящія на rue Mont-Blanc. Донеслась безвкусная швейцарская музыка. Мимо маршировалъ одинъ изъ отрядовъ какой-то корпораціи съ флагами и барабаномъ, сопровождаемый мальчишками. Публика останавливалась и улыбалась.

Всѣ бросились изъ-за стола. Только Мечка Беньашъ и элегантная француженка пожали плечами.

— Поминутно одно и то же... Это смѣшно, наконецъ, — пробормотала парижанка, спокойно очищая персикъ.

Изъ кухни явилась м-мъ Гоншэ, багровая отъ плиты и ярости. Ея черное шелковое платье, слишкомъ узкое и въ пятнахъ, пропахло соусами и супами. Она двусмысленно пошутила съ коммивояжеромъ. Это очень понравилось. Къ ней потянулись чокаться. Милая, очаровательная м-мъ Гоншэ. Всѣ рѣшили, что она кормить необыкновенно хорошо.

Она обратилась къ блѣдной Мечкѣ:

— Я видѣла васъ вчера въ Notre Dame de Raquis... пѣли дивно... не правда ли?

— Вы бываете въ костелѣ? — удивилась французженка, — но это смѣшно.

Коммивояжеръ возился съ зубочисткой, стараясь подавить икоту.

— Въ костелъ ходятъ только старпки, дѣти и истерички, — заявилъ онъ.

Молодая бельгійка, носившая въ ушахъ поддѣльные жемчуга, громко разсмѣялась. Она ждала отвѣта Мечки и, забывшись, положила на скатерть свои крупные красныя руки. Ея маленькая дочь серьезно слушала споръ. Мечка не сказала ни слова. Коммивояжеръ бранилъ духовенство. М-мъ Гоншэ находила, что безъ религии нравы были бы черезчуръ распущены. Французженка жаловалась на лицемѣрие во Франціи.

— Ну... ну... — примирительно вмѣшалась бельгійка, — безъ Бога не будетъ удачи... Идемъ домой, Силли...

Она потащила малютку-дочь за руку, какъ куклу, гордо выпячивая пышную грудь.

Теперь въ столовой остались Мечка и м-мъ Гоншэ. Мечку охватила болѣзненная лѣнь. Она машинально перебирала концы своей траурной вуали. Двѣ горничныя въ высокихъ бѣлыхъ чепцахъ уносили посуду. М-мъ Гоншэ перестала улыбаться, закрыла окна и приводила въ порядокъ букеты тюльпановъ.

— Дамы растаскиваютъ цвѣты, — жаловалась она, — ахъ, Боже мой, я до сихъ поръ не сдала комнату... Я хотѣла бы найти иностранку безъ профессіи. Увѣряю васъ, онѣ — единственныя, которыя еще могутъ платить.

И бросая любопытный взглядъ на изящный костюмъ Мечки:

— Вы—такая милая, скромная.. я была бы счастлива...

— О... У меня нѣтъ средствъ для вашей квартиры, м-мъ Гоншэ, и потому я всегда предпочитаю отель...

Швейцарка согласилась. Она сказала нѣсколько сочувственныхъ словъ по поводу траура Мечки.

Молодая вдова... Второй годъ... О, это несчастіе Хорошо еще, что м-мъ не имѣла дѣтей. Что же касается ея туберкулеза, то кто теперь не боленъ туберкулезомъ? И, наконецъ, всѣ доктора мошенники и имъ не слѣдуетъ вѣрить.

Снова на улицѣ играла музыка. Изъ корридора доносились пронзительные голоса прислуги.

Спускаясь по лѣстницѣ, Мечка держалась за перила, боясь головокруженія. Для яркой весенней улицы она была слишкомъ печальна. Ея тонкое, правильное, очень блѣдное лицо освѣщалось безнадежно-усталыми синими глазами. Волосы, свѣтло-золотистые у висковъ, къ затылку переходили въ пламя. Пряди ихъ были тонки, мягки и плоски. Вѣтеръ вздымалъ ея крепь. Она подолгу останавливалась у витринъ. Нитка громадныхъ аметистовъ восхитила ее, а цвѣты за стекломъ привели въ мечтательное настроеніе.

Около Роны она тоже задержалась дольше, чѣмъ нужно.

На островѣ Руссо въ грязной водѣ кормили грязныхъ лебедей. Она напрасно хотѣла найти ихъ поэтичными.

Мечка вспомнила хвастливаго, тщеславнаго и фальшиваго философа, котораго ненавидѣла. Его „Новая Элоиза“ казалась ей кощунствомъ передъ истинной великой Элоизой.

Медленно Мечка свернула къ главной почтѣ, гдѣ выдавали письма до востребованія. Здѣсь она присѣла

на одну изъ скамей, дожидаясь очереди. За рѣшеткой мелькали чиновники. Они перебрасывались между собою словами, улыбками, жестами, равнодушные къ публикѣ, механически-точные. Одинъ изъ нихъ, самый молодой, бѣлокурый, голубоглазый, краснѣлъ при видѣ Мечки.

Она спросила его какъ-то:

— Ваше имя, м-сье?

— Жанъ Біоро, м-мъ.

Ей стало грустно отъ его растерянной улыбки. Развѣ можно полюбить съ перваго бѣглаго взгляда? Она думала, что это ужасно, и бѣлокурый чиновникъ смущалъ ее въ свою очередь.

Сейчасъ она замѣтила ксендза Игнатія Рафалко и Костю Юраша. Первый былъ настоятелемъ въ Н-скѣ, гдѣ постоянно жила Мечка, второй — тамъ же ученикомъ музыкальнаго училища.

Съ ксендзомъ Игнатиємъ у Мечки вышла зимою маленькая размолвка, когда онъ набралъ всякую шушеру въ костельный хоръ, и когда эти размалеванныя дѣвки шумѣли даже во время освященія Даровъ. Съ тѣхъ поръ у нихъ были натянутыя отношенія. Кромѣ того, онъ не внушалъ ей ни малѣйшаго довѣрія, этотъ худой, малаго роста ксендзъ съ негритянскими губами, черствый, лживый и замкнутый. Онъ казался ей опаснымъ человѣкомъ для религіи, способнымъ оттолкнуть отъ костела самаго терпѣливаго неофита. Его живые, циничные глаза мѣнялись, — то были совсѣмъ черные, то желтые, искрящіеся, какъ пиво. Пѣлъ онъ мессу гнусава, при чемъ голова, плечи и все тѣло нервно подергивались.

„Бѣдняга скрытно развратенъ, — равнодушно подумала Мечка, — но онъ все-таки поидетъ далеко, ибо лебезитъ передъ епископомъ. И еще то хорошо, что онъ

пресмыкается передъ богатыми, сидитъ всегда дома, а передъ викарными ходитъ съ молитвенникомъ“.

И она продолжала размышлять, глядя на кончики своихъ туфель:

„Я близка къ религіозности. Если бы я знала, что ксендзы Игнатіи рѣже встрѣчаются, дѣло моего обращенія пошло бы скорѣе. О, разумѣется! Но эти жалкіе комедіанты убиваютъ вѣру въ зародышѣ и дѣлаютъ смѣшной даже тоску по ней“.

Ксендзъ Игнатій и Юрашъ подошли ближе. Они поздоровались и обмѣнялись обычными любезностями, жалуясь на пыль и скуку Женевы.

Костя Юрашъ кокетливо обмахивался шляпой. Онъ былъ высокъ, широкоплечъ, гибокъ. Его темные, красивые глаза смотрѣли ласково и распутно. Онъ грубо подвелъ брови, рѣсницы и напудрился.

Ксендзъ Игнатій часто обращался къ Юрашу.

На мигъ Мечку поразила его интонація, сладкая до приторности и занскивающая. Они поговорили о новостяхъ своего города. Оказалось, что съ осени при костелѣ въ Польскомъ Домѣ откроется театръ „Синій топазъ“.

— „Синій топазъ“?—удивилась Мечка,—но, значитъ, это не театръ, а кабарэ.

— Да, разумѣется, кабарэ.—слегка смутился ксендзъ Рафалко.

— Маленькій балаганчикъ, который прогоритъ черезъ мѣсяць,—насмѣшливо заявилъ Юрашъ,—сборъ хулигановъ... Впрочемъ, антрепренеръ Ружинскій—мой другъ.

— Вы очень строги,—вкрадчиво возразилъ ксендзъ Игнатій,—тамъ есть милые люди...

Мечка была внѣ себя отъ изумленія. Кабарэ... Русское кабарэ при костелѣ!

— Какъ вы могли разрѣшить? — возмущенно воскликнула она.

Ксендзъ Игнатій встрепенулся. Это не онъ... костельный совѣтъ... синдикки... Впрочемъ, онъ лично также находить, что кабарэ нужно покровительствовать. Кабарэ заплатитъ хорошую аренду Польскому Дому, на которомъ долги.

И обидѣвшись, настоятель распрощался.

Бюро смущенно поклонился Мечкѣ. Кто-то сказалъ громко:

— Courage, mon ami!

Онъ выдалъ письмо Мечкѣ. Оно было отъ поэта Улинга, собиравшагося стать знаменитостью, и начиналось такъ: „Я пріобщился къ тайнамъ міра знакомствомъ съ вами. Я жду васъ нетерпѣливо и страстно“.

Далѣе поэтъ писалъ въ свою очередь о кабарэ „Синій топазъ“. Пусть только Мечка скорѣе возвращается въ Н-скъ, дѣло ей найдется.

Около озера Мечка взяла экипажъ и поѣхала къ Chemin de la Roseais, мимо кокетливыхъ виллъ, съ не менѣе кокетливыми названіями: Loga, Mon doux герос, Lilas bleu.

Усталые глаза отдыхали на зелени, на голубомъ акварельномъ небѣ, на красныхъ черепичныхъ крышахъ. Съ верандъ, увитыхъ дикимъ виноградомъ и мелкими яркими розами, смотрѣли женщины и дѣти. Встрѣтились двѣ монахини въ голубыхъ одеждахъ съ бѣлыми головными уборами, какъ двѣ гигантскія трепещущія бабочки.

Каждые четверть часа костельные куранты медленно пѣли и направо и налево, и тамъ за виллой, и еще гдѣ-то. Но это только такъ казалось. Куранты были на костелѣ св. Антонія.

Мечку охватила истома. Она откинула крепь, съ

наслажденіемъ подставляя лицо упругому вѣтру. Если бы взять жизнь, какъ одно празднество... если бы жить легко и просто.

„Въ сущности, я не христанка,—думала Мечка, — одинъ умный ксендзь назвалъ меня сектанткой несуществующей секты... Я вѣрю въ Бога, но не вѣрю въ загробную жизнь. Даже блѣдная надежда на вѣчность возмущаетъ меня. Смерть безъ воскресенія, по моему— высшая награда для человѣка. А догматъ Троицы? А сходство христанства съ иными религіями? А таинство брака? Бракъ, какъ таинство, я отрицаю особенно рѣшительно. Я не вижу ничего мистическаго въ физическомъ сближеніи половъ“.

Потомъ въ ней поднялись возраженія.

„Ахъ, все это можно внушить себѣ! И таинства, и догматы, и обряды, и подлинность Евангелія, и достовѣрность экстазовъ св. Терезы. Да, конечно, внушить. Привычка станетъ убѣжденіемъ. А главное, это то, что она жаждетъ вѣрить, жаждетъ быть настоящей католичкой“.

Иронія загорѣлась у нея въ глазахъ.

„Хочу душевнаго комфорта, что же“.

Экипажъ катился все быстрѣе по узкой аллеѣ, убитой щебнемъ и краснымъ пескомъ. Густой ароматъ сирени здѣсь былъ особенно явственнымъ. Солнце, вѣтеръ, мельканіе вилъ и людей уже утомляли Мечку. Она ѣхала дальше, часто кашляя, думая о своемъ тяготѣнн къ католицизму и слегка возмущаясь противъ него. Разумѣется, это душевная неудовлетворенность, неудачи супружеской жизни, страданія тѣла заставляли ее искать утѣшенія въ мистицизмѣ. А, можетъ быть, потушенная чувственность загоралась въ иномъ видѣ. Теперь было модно смѣшивать религію съ поломъ... почему она знала?.. Да и была ли она, Мечка, мистич-

ной? Вѣдь все дѣло шло о красотѣ. Красота католичества покорила ее. Католичество было не только религіей, но и искусствомъ, утонченнымъ порывомъ въ отвлеченность. Пища для души здѣсь изысканна, легка и ароматна. Наслажденія души — упоительно разнообразны. Католичество носило вѣнецъ мученичества. Католическая церковь, истинная невѣста Иисуса, была вѣчно распятой, вѣчно преданной. Ватиканъ горѣлъ единственной звѣздой на фонѣ темной повседневности, вѣрный девизу гениальнаго папы Льва XIII: *Lumen in coelo*. Ахъ, эти слова, будто выкованныя изъ золота и драгоценныхъ камней! Уже за одно папство, за великое, блистательное, изумительное папство Мечка фанатически любила римскую церковь.

— Если христіанство, то католичество, — рѣшала Мечка.

Губы у нея запылали и глаза расширились. Смертельно блѣдная, она мечтала о голосѣ, который поетъ въ *Notre-Dame de Râquis*, и потомъ снится ей.

Экипажъ крупной рысью вернулся къ отелю, гдѣ жила Мечка. М-сье Жоржъ, молодой лакей, неспѣша поднялся со стула.

— А... М-мъ вернулась?

Онъ смотрѣлъ на нее весело и нагло.

Она молча прошла мимо.

— Ба!

М-сье Жоржъ пожалъ плечами.

По утрамъ Мечка всегда бывала дома. Она пила шоколадъ, медленно одѣвалась, читала газеты, отвѣчала на письма. Слабый румянецъ окрашивалъ ея лицо. Послѣ завтрака она съ наслажденіемъ бродила по улицамъ, часто злоупотребляя разстояніемъ, не обра-

щая вниманія на погоду, наблюдая равно и людей, и животныхъ, и небо, и горы, и сады, и витрины, и воду озера.

У Роны она могла простоять часами.

Потомъ у м-мъ Гоншэ за table d'hôte'омъ она находила забавное зрѣлище людей различныхъ профессій, смѣнявшихся безпрестанно. Она замѣтила, что и тутъ мужчины оказывались интереснѣе женщинъ.

Потомъ наступала часъ, когда въ какомъ-то экстазѣ она обходила всѣ костелы. Изъ нихъ костель *Священнаго Сердца Иисуса*, густого, краснаго тона, немного странный, немного жуткій, производилъ на Мечку огромное впечатлѣніе. Notre Dame de Raquis былъ баналенъ, скорѣе похожъ на концертную залу, пріютившійся среди домовъ, какъ часовня. Но тутъ чудесно пѣли и здѣсь часто служилъ епископъ. Здѣсь же она видѣла свою любимую церемонію—торжество перваго причастія дѣтей. Она осталась недовольна. По ея мнѣнію, оно протекло черезчуръ заученно. Воздушныя бѣлыя вуали, воздушныя бѣлыя платья, бѣлые цвѣты причастницъ придавали имъ видъ новобрачныхъ. Онѣ чинно и красиво складывали свои руки, оплетая пальцы нитями четокъ. Маленькіе джентльмены громко повторяли „Отче нашъ“ за аббатомъ, постукивающимъ ле гонечко по молитвеннику. Красное одѣяніе епископа отдѣняло слоновый цвѣтъ его кожи. Какая-то молодая мать протискалась къ нему и высоко подняла ребенка. Епископъ благословилъ его отдѣльно. Это растрогало всѣхъ.

Ежедневно Мечка шла по rue Servette къ костелу св. Антонія Падуанскаго, хотя не совсѣмъ долюбивала этого знаменитаго святого, которому молятся объ утерянномъ и который кажется приторнымъ съ Младенцемъ, книгой и лиліей. На нее смотрѣли изъ ма-

ленькихъ магазинчиковъ. Потомъ ей стали ласково кланяться.

За костельной оградой обыкновенно рѣзвились дѣти. Молодой болѣзненный аббатъ устало слѣдилъ за ними. Ихъ водили и на всѣ службы. Они роняли молитвенники, платки, четки, шептались, толкались, смѣялись и отвлекали взрослыхъ.

Иногда какая-нибудь старая дама вставала и дергала ребенка съ громкимъ негодованіемъ. Тогда на эту сцену смотрѣли неодобрительно вѣрные и даже аббатъ. Что могли понимать маленькія, розовыя, счастливыя животныя около алтарей, залитыхъ слезами?

Ни въ одномъ женевскомъ костелѣ не было столько свѣта и цвѣтовъ, какъ у св. Антонія. Ароматъ чувствовался еще у двери. Въ притворѣ Мадонны *Непорочное Зачатіе* расцвѣлъ цѣлый садъ. Св. Антонію также не приходилось завидовать. Около него розы мѣшались съ тюльпанами, лиліи съ ирисами, азалии съ сиренью. Цѣлыя охапки жасмина увядали съ вѣтками шиповника. Огромные рододендры затемняли скромныя мирты. Здѣсь всегда горѣли свѣчи, невинныя жертвы молящихся.

Старая сакристіанша выдавала ихъ бережно изъ свѣтлаго шкапчика, бормоча:

— Que Dieu vous bénisse, mon cher enfant!

Вечерня шла днемъ и поэтому для Мечки теряла половину своей прелести. Кромѣ того, латинскій языкъ, чудесный языкъ папъ, Томы Аквината и Альфонса Лигури, аббатъ и хоръ произносили на французскій ладъ. Это было нестерпимо порою. Мечка садилась на скамью.

Каждый разъ она находила здѣсь что-нибудь новое,—или свѣтовой эффектъ, или иное выраженіе у Мадонны, или иначе положенное покрывало на алтарѣ.

Послѣ нѣсколькихъ страницъ странно волнующаго молитвенника, послѣ унылыхъ псалмовъ Давида, Мечка впадала въ мучительное состояніе.

Тысяча протестовъ, возраженій, возмущеній рвали ея сердце.

Неожиданно въ ней подымалась нечеловѣческая тоска по чему-то высшему, неуловимому и прекрасному, чего не давали алтари. Тоска смѣнялась надеждою. Вѣдь Богъ Іисусъ былъ здѣсь, вмѣстѣ съ нею. Еще сегодня утромъ вѣрные приняли Его въ бѣло-

снѣжной облаткѣ во главѣ съ аббатомъ. Ей стоило только преклонить колѣни передъ конфессіоналомъ, и она соединится съ Богомъ. Она упрекала себя за ложное смиреніе, излишній страхъ передъ Евхаристіей. Ей хотѣлось походить на тѣхъ сладкихъ дѣвотокъ, которыя хвалятъ Іисуса и Марію тономъ старыхъ знакомыхъ. Она упорно смотрѣла на алтарь, еле различимый въ сумеркахъ, и на аббатовъ, бѣлѣвшихъ комжами въ конфессіоналахъ, и на молящихся, угадывая ихъ профессію по позамъ.

У исповѣдаленъ женщины терпѣливо ждали своей очереди. Она представляла себѣ все сплетни и кухонные доносы, грязныя подробности ихъ грѣховъ, которые тѣ бросали въ ухо аббата. Ее пронизывала дрожь отвращенія. Съ жестомъ усталости и отчаянія она захлопывала молитвенникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу!

И почти сейчасъ же вслѣдъ за этимъ она умоляла Бога простить ей грѣшныя мысли. Лурдская Мадонна выслушивала взрывы ея жалобъ съ неопредѣленной улыбкой. Св. Антоній былъ занятъ Младенцемъ, книгой и липлей, и Мечка не улавливала его выраженія. Она начинала успокаиваться и чувствовать себя почти обращенной. Увы, сердцемъ больше!

Изъ костела Мечка шла освѣжиться въ Англійскій садъ. Часто головокруженіе мѣшало ей смотрѣть на синеватый абрисъ горъ и колеблющееся стекло озера. Ее раздражала праздничная публика, цѣлыя стада дѣтей съ боннами, шумъ моторныхъ лодокъ, веселенькіе флаги яхтъ, говоръ, смѣхъ, музыка, зеленныя скамейки.

Она возвращалась въ отель. Здѣсь тишина, цвѣты, книги, любимыя примятыя подушки на кушеткѣ скоро успокаивали ее. Она спрашивала себя не безъ ироніи:

— Быть можетъ, для того, чтобы мои вкусы измѣнились, мнѣ нужно ѣсть бифштексы у м-мъ Гоншэ?

Въ эти минуты она, подобно всѣмъ женщинамъ, мечтала о любви и желала ея. До сихъ поръ мужчина не игралъ въ ея жизни никакой роли. Ея бракъ былъ корректенъ и скученъ. Когда этотъ толстый коммерсантъ умеръ отъ удара на скачкахъ, она холодно удивилась. Наслѣдство отъ него приняла сконфуженно, какъ отъ посторонняго. И она никогда не вспоминала покойнаго.

Въ религиозныхъ книгахъ слово „любовь“ повторялось ежеминутно, только окропленное святой водою и благословленное рукою аббата. И она представляла себѣ любовь религиознымъ экстазомъ. Цѣловать—это было то же, что слушать псалмы, литанію Дѣвы Маріи или въ посту слова вечерни: *In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum...*

Эти мысли разбивали Мечку. Онѣ опьяняли голову жаждою духовныхъ наслажденій, а тѣло — нездоровымъ томленіемъ.

М-мъ Гоншэ подкараулила Мечку еще на лѣстницѣ. Она протянула двѣ визитныя карточки.

— *Bonté divine*, я сдала комнаты... Прочтите фамилии... Они -- ваши соотечественники.

— Ивонъ Лузовскій. Тэкли Лузовская. Я знаю ихъ. Они изъ моего города, — сказала Мечка.

Она вошла въ столовую, улыбаясь. Путешествіе пріучаетъ къ неожиданностямъ. Лузовскіе не удивились. У Тэкли были большіе темные глаза, нѣжный цвѣтъ лица и шляпа, подвязанная у подбородка. Около

нея сидѣла ея сестра Стѣня Зноско, совсѣмъ молоденькая дѣвушка съ очень разсудительнымъ видомъ. Дамы ходили въ бѣлыхъ швейцарскихъ платьяхъ, и сквозь шитье на груди у нихъ голубѣли банты рубашекъ.

За табльдотомъ иностранки произвели впечатлѣнне.

Бельгійка кивала головою Мечкѣ и громко пояснила дочери, что это польки. Коммивояжеръ находилъ польскій языкъ похожимъ на англійскій, а парижанка не понимала, почему польскіе романы такъ скучны.

— Они еще скучнѣе русскихъ... это прямо смѣшно.

На другомъ концѣ стола докторъ поднялъ старый споръ о воспитаніи дѣвухекъ. Онъ требовалъ, чтобы онѣ знали въ совершенствѣ курсъ акушерства.

Дамы пришли въ ужасъ. Парижанка храбро приняла сторону доктора.

Мечка рассказала Лузовскимъ, что встрѣтила здѣсь недавно ксендза Игнатія Рафалко и Юраша.

Яркая краска залила лицо Тѣкли.

— Да, — сказала она глубокимъ голосомъ, — но ксендзъ Игнатій уже уѣхалъ въ Россію.

Лузовскій странно засмѣялся. Мечка посмотрѣла на него. Сначала онъ производилъ впечатлѣнне уроды, — длинный, худой, съ огромнымъ горбатымъ носомъ. Потомъ это впечатлѣнне исчезло и не возвращалось.

— Ксендзъ Игнатій имѣетъ огромное вліяніе на мою жену, — замѣтилъ онъ.

Стѣня пожала плечами.

— Если бы ксендза Пшелуцкаго не убили, все было бы иначе, — спокойно возразила она.

И на удивленно-вопросительный взглядъ Мечки Стѣня рассказала печальную исторію.

Ксендза Пшелуцкаго убили на свадьбѣ Тэкли, когда онъ проходилъ пустырь около дома, чтобы сѣсть на извозчика. Музыка въ саду заглушила его крики. Хулиганы были пойманы и посланы на шесть лѣтъ въ каторгу. Удары они наносили камнями и бутылками... Да, это было ужасно...

— Замолчи, Стэня, — попросила Тэкли, блѣднѣя.

Потрясенная Мечка молчала.

Лузовскій замѣтилъ, что онъ знаетъ только одного порядочнаго ксендза — это ксендза Ришарда Юдко. Но онъ держитъ себя, какъ свѣтскій, богатъ и эпикуреецъ.

Скоро онъ пріѣдетъ сюда.

Послѣ десерта Лузовскіе простились, обѣщая навѣщать Мечку.

М-мъ Гоншэ снова ждала ее на лѣстницѣ.

Кто такіе эти иностранцы? Можетъ быть, *cette petite femme* только потаскушка? Тогда нужно набавить цѣну на комнаты.

— Откуда у васъ подобныя мысли? — сухо отозвалась Мечка, — они вполне приличныя люди.

Цѣлую недѣлю шелъ непрерывный дождь. Несмотря на это, національныя торжества протекали въ большемъ великолѣпнн. Отели переполнялись иностранцами и пріѣзжими изъ Лозанны, Цюриха, Монтрэ. Отъ утра до вечера то тамъ, то сямъ играла музыка, маршировали взрослые и дѣти, а къ окнамъ бросались любопытные. На почтѣ была давка. Нѣсколько безобразныхъ, банальнѣйшихъ арокъ съ надписью „Добро пожаловать“ выросло на главныхъ улицахъ.

Мальчишки продавали жетоны и медали въ честь этихъ дней.

Въ садахъ дождь стекалъ ручьями съ деревьевъ, мялъ траву, платья, портилъ прически и шляпы дамъ, тогда забирались на веранды, бесѣдки, но всетаки танцевали, пѣли, пили и ѣли.

Ежедневно городъ бывалъ иллюминированъ. Цѣпи разноцвѣтныхъ фонариковъ повисали на мостахъ, унизывали дома, балконы, горѣли на лодкахъ. Въ казино давались балы и концерты.

У м-мъ Гоншэ теперь обѣдали не въ определенное время, и столовая была полна новыми людьми. Молодая бельгійка пользовалась большимъ усердіемъ и оказалась любительницей маленькихъ кутежей. Ея дочь, сидя въ кухнѣ м-мъ Гоншэ, помогала чистить фрукты, за что получала тартинку съ вареньемъ.

Тэкли уѣхала съ мужемъ въ горы, а Стэня осталась. Она занялась разборкой бѣлья, платьевъ, счетами Лузовскихъ и писала длинныя хозяйственныя письма къ ихъ экономкѣ. Потомъ она навѣщала Мечку, спокойная, чинная, нарядная, и, беря въ руки какую-нибудь религіозную книгу, спрашивала равнодушно:

— Это очень интересно, не правда ли?

Сама она ничего не читала. Она рассказала Мечкѣ, что обыкновенно живетъ съ бабушкой и младшей сестрой Янкой въ Б. „Бабця“ больна ногами, Янка посѣщаетъ рисовальную школу, все хозяйство на Стэнѣ. Лѣтомъ же она гоститъ у старшей сестры, Тэкли.

Однажды она замѣтила, изнемогая отъ гнѣва, что сестра слишкомъ мучитъ Ивона, а тотъ заслуживаетъ лучшей участи.

— Подумать только, вѣдь Тэкла была влюблена въ ксендза Пшелуцкаго... Она едва съ ума не сошла, когда его убили... ну! Съ нея должно быть достаточно... Но теперь она подчиняется, какъ собачонка, ксендзу Игнатию... О...

Послѣ этого взрыва она стихла,правила платье, какъ будто стряхнула что-то и предложила Мечкѣ прогулять. Но Мечка собиралась къ вечернѣ. Стѣня покачала головой. Ну, нѣтъ... туда она не ходитъ... Даже ксендзъ Іодко не могъ заставить ее повѣрить, а она уважала его. Она слишкомъ положительно и твердо ступаетъ по землѣ.

— Вы никогда не задумывались надъ религіей, Стѣня?

— Потеря времени.

— Можетъ быть, ваше воспитаніе...

— Нѣтъ. Бабця—вѣрующая. Тэкла—ханжа. Янка — трусиха насчетъ Бога. А я равнодушна.

Мечка чувствовала себя дурно. Вороха религіозныхъ книгъ лежали у нея по столамъ. Ахъ, если бы только стиль этихъ „твореній“ былъ лучше! Ей попались на польскомъ языкѣ письма ксендза Антонія Шандляревскаго къ Боженѣ. Эта книга показалась Мечкѣ абсолютно прекрасной. И ксендзъ Антоній и Божена умерли въ разлукѣ. Она думала о нихъ съ глубокой печалью, взволнованная трагизмомъ любви. Потомъ она жадно читала, перечитывала Эрнеста Гелло. Онъ явился для нея откровеніемъ.

Въ библиотекѣ старичокъ завѣдующій спрашивалъ ее уже вторично:

— М-мъ — конвертитка?

Мечка разсердилась.

— Вы находите, что только конвертитки могутъ интересоваться католичествомъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Я не люблю крайностей. Недавно помѣшалась моя молоденькая служанка. Сначала она пѣла псалмы, разглаживая юбки моей жены, потомъ стала ежедневно бѣгать на исповѣдь, таскать отъ аббата брошюры, образки, медальки на голубой ленточкѣ. Затѣмъ она стала бесѣдовать съ Иисусомъ и, наконецъ, приобщилась къ сонму святыхъ женъ... да... Съ тѣхъ поръ она только смѣется и кормитъ собою паразитовъ. Религія — опасная игрушка.

Онъ вытеръ очки и положилъ на мѣсто книги: „Причастіе — моя жизнь“, „Осушенные слезы“, Sursum corda, принесенныя обратно Мечкой.

— Конечно, я противъ Хиникви, — бормоталъ онъ, — я считаю Хиникви продувной бестіей... Однако аббаты симпатичнѣе падали.

Онъ разстроилъ Мечку.

Теперь она облюбовала себѣ крошечную, свѣтлую кофейню противъ собора. Этотъ соборъ былъ отнять у католиковъ протестантами, о чемъ часто вспоминали жители и газеты католическаго направленія.

Мечка медленно выпивала свой шоколадъ, задумчиво глядя, какъ гнулись деревья вокругъ зеленоватосѣрыхъ стѣнъ собора.

Не менѣе часто заходила она въ магазинчикъ сестеръ Дэрингъ. Здѣсь продавалась костельная утварь, распятія, статуэтки Мадонны и святыхъ, молитвенники. Мечка встрѣчала тутъ „голубую монахиню“, сестру Бертю, приносящую бѣлье и разныя вышивки. Всѣ онѣ говорили о религіи.

Мечка интересовалась лучшими проповѣдниками и хотѣла узнать, не было-ли легендъ о мѣстныхъ костелахъ или чудесъ въ окрестностяхъ. Старшая Дэрингъ жаловалась, что костелы бѣднѣютъ и ces pauvres

prêtres голодаютъ. Ея сестра ядовито замѣчала, что женщины стали умнѣе и рѣже влюбляются и въ Бога и въ сатану. Сытое лицо монахини выражало полное равнодушіе. Она не понимала столь длинныхъ разговоровъ о столь скучныхъ вещахъ. Но монахиня веселѣла, когда рѣчь заходила объ аббатахъ. По ихъ мнѣнію, кюре — аскетъ и человекъ тяжелый, за аббатомъ Гюнэ водились темныя денежныя дѣлишки, а этотъ милый аббатъ Клозъ любезенъ только съ молоденькими прихожанками. Аббатъ Вальди исповѣдывалъ черезчуръ коротко, аббатъ Липэнъ заставлялъ краснѣть. Конечно, стоило послушать проповѣдь стараго миссіонера, но гораздо лучше дождаться очереди аббата Савари.

Онѣ пускались въ интимныя подробности и оказывались очень догадливыми. Но, несмотря на чудовищныя обвиненія, которыя онѣ возводили на своихъ исповѣдниковъ, ихъ все-таки тянуло къ клиру и онѣ были готовы выцарапать глаза за каждую сутану. Эти разговоры смущали Мечку. Пристыженная, она, однако, не трогалась съ мѣста. Все равно лиль дождь, было хмуро, скучно, а Лузовскіе и Стэня гостили въ Монтрэ.

Звонили къ вечернѣ. Мечка торопливо прощалась. Теперь она посѣщала исключительно Notre-Dame de Raquis. Здѣсь всѣ конфессіоналы всегда были заняты. Это заражало. Костель жилъ, работалъ. Ея мѣстечко было противъ конфессіонала аббата Клозъ. Часто она провожала глазами бѣлокураго спокойнаго аббата, изящно носившаго свою кружевную комжу.

Мечка успокаивалась только тогда, когда раздавался знакомый любимый псаломъ Dixit Dominus Dominus deo...

Пѣль мужской голосъ, и сго Мечка не забыла всю свою жизнь. Онаумышленно ничего не узнала о пемъ.

Тончайшая восторженная благодарность осталась въ ней. Она думала, что такъ можно пѣть лишь въ экстазѣ, пѣть, будучи святымъ. Она оставалась на колѣняхъ цѣлую вечерню, съ закрытыми глазами, почти страдая отъ восторга.

Дома она отрезвлялась и находила свое поведение истеричнымъ. А послѣ новаго взрыва невѣрія, возмущенія и насмѣшки надъ самой собою она кончила тѣмъ, что очутилась передъ окошечкомъ конфессіонала, зеленая занавѣсочка изнутри отдернулась, и рѣзкій профиль аббата Клозъ нагнулся къ ней: „Eh bien, mon enfant!“...

Его методъ былъ простъ и наивенъ. Аббать требовалъ хорошаго стола и крѣпкаго сна.

Онъ напелъ сомнѣнія Мечки несущественными.

— Кто сомнѣвается въ Богѣ, тотъ въ Него вѣрить. Это не я говорю, это давно сказано кѣмъ-то.

Онъ зазвалъ ее къ себѣ и далъ книгу, отъ которой можно было возненавидѣть католичество.

„Наши ксендзы умнѣ“,—подумала она, разочарованная.

На другой день месса была въ шесть часовъ утра. Мечка встала съ головной болью и когда приняла облатки, ей показалось, что она теряетъ сознаніе отъ слабости.

Освященный алтарь, аббать, мальчикъ со свѣчей и колокольчикомъ, бѣлая пелена балюстрады раздвоились и поплыли у нея передъ глазами. Она еле дотащилась до своей скамьи и не нашла въ причастіи никакой радости.

Арки, выстроенныя въ честь празднествъ, давно снесли, а дождь продолжался. Онъ даже какъ будто усилился. На улицахъ мѣсили бѣло-сѣрую грязь, и всѣ шли крадущимся шагомъ, держась ближе къ домамъ. Многіе бѣжали въ горы. Мечка лежала больная. Кашель и лихорадка измучили ее. Руки и лицо приняли желтоватый оттѣнокъ. Она очень страдала отъ невозможности посѣщать мессу.

Лузовскій получилъ дурныя извѣстія изъ Россіи, гдѣ онъ имѣлъ крупное торговое дѣло. Поэтому Стѣня цѣлые дни писала подѣ его диктовку и уединялась съ нимъ на прогулки. Тѣкля часто уѣзжала, но все-таки она не забывала Мечку.

Мечка испытывала къ ней нѣжность, хотя не любила такихъ женщинъ, какъ Тѣкля. Она находила ее черезчуръ терпимой къ людямъ. Для Тѣкли не было непростительнаго поступка. Она даже жалѣла подлецовъ какой-то особой жалостью. Мечка хорошо представляла себѣ Тѣклю—и въ институтѣ, и въ семьѣ, и замужемъ. Вездѣ она тихая, кроткая и слегка удивленная. Мечка понимала также ея вѣру: слѣпую и сказочную. Можетъ быть, въ глубинѣ души она не отрицала ни фей, ни русалокъ, ни заколдованныхъ принцессъ. Еще яснѣе была для Мечки драма Тѣкли—любовь къ убитому ксендзу Пшелуцкому. Тутъ не помогли бы никакіе анализы и успокоенія. Она считала ее чѣмъ-то, дѣйствительно, позорнымъ и только недоумѣвала, почему такой ужасъ стряся именно надъ нею. Она была загипнотизирована прошлымъ. Она всегда возвращалась къ нему, воскрешала его умышленно.

Она пріѣзжала къ Мечкѣ обыкновенно въ сумеркахъ. На ней былъ темный костюмъ, дорогіе мѣха, длинный шелковый шарфъ, отъ котораго пахло тонко и сладко. Она садилась близехонько и радостно гово

рила о близкомъ отъѣздѣ въ Россію. Какъ-то она призналась въ тоскѣ, что брачная жизнь съ Лузовскимъ представляется ей кошмаромъ.

— Я не могу выносить ласкъ. Не могу...

Ея глаза наполнились слезами и ужасомъ.

— Но почему же вы не уйдете?...

— Развѣ ксендзъ Игнатій позволить?...

Мечка покачала головой. Она находила Тэклю нѣсколько странной женщиной. Ей доставило огромное удовольствіе провести ее пѣшкомъ по тихимъ, пустымъ улицамъ.

Дождь кончился. Отъ садовъ вѣяло глубокой свѣжестью. Вѣтки роняли крупныя капли. Нѣсколько блѣдныхъ звѣздъ заблудились среди тучъ.

Лузовскіе уѣхали.

Мечка не поправлялась. Докторъ неодобрительно относился къ ея одиночеству.

Въ отелѣ ничего не имѣли противъ того, чтобы ея комната освободилась.

О больной прислала справиться м-мъ Гоншэ, крайне недовольная отъѣздомъ Лузовскихъ.

Наконецъ, когда всѣ уже листья пожелтѣли, Мечка встала.

М-сье Жоржъ снесъ ея вещи на новую квартиру. Онъ ни за что не хотѣлъ, чтобы она взяла экипажъ. Тронутая, она щедро расплатилась съ нимъ.

Теперь Мечка жила у какого-то нѣмца, гдѣ былъ садъ, цвѣтники и шумный, прозрачный фонтанъ, дѣлающій два прыжка—съ камней на площадку и съ площадки въ бассейнъ.

Она снова ходила на мессу и снова читала религиозныя томики съ длинными заглавіями. Втайнѣ она сознавала, что въ своихъ религиозныхъ исканіяхъ и порывахъ топталась на мѣстѣ. Правда, она исповѣды-

ввалась и причащалась каждую субботу. Но это доставляло ей совѣсти очень небольшое облегченіе. Аббаты были терпѣливы, благожелательны и безсильны. Аббатъ Клозь недавно отказалъ вести ея душу, холодную и какъ бы засохшую. Онъ рѣзко предостерегалъ Мечку отъ излишняго анализа. Въ уныніи она роптала. Слѣпая вѣра умерла еще въ юности, изнасилованная прозой и пошлостью. Вѣра черезъ разумъ не могла зародиться, ибо Мечкѣ не доставало знаній. Она могла примѣнить къ себѣ слова Мицкевича: „Черезъ чудо—это слишкомъ скоро, черезъ науку — это слишкомъ долго“.

Мечка молилась передъ Распятіемъ, раны котораго оживали при закатѣ. Она распростиралась на полу, когда аббатъ высоко поднималъ Бога, ставшаго плотью и укрытаго въ солнцѣ облатки. Она вкладывала всю душу въ кротчайшую изъ молитвъ: „Ангель Божій возвѣстилъ Дѣвѣ Маріи“, и рыдала въ изступленіи, повторяя слова псалма *Expandi manus meas ad te...*

Если она оставалась холодной къ самому Богу, тѣмъ пламеннѣе любила Его алтари. Съ упоеніемъ слушала она пѣніе и органъ, не пропускала ни мессы, ни вечерень, мечтала о богомольномъ путешествіи въ Римъ, Лурдъ или Ченстоховъ. Она всѣмъ сердцемъ прилѣпилась къ готическимъ, воздушнымъ куполамъ, расписнымъ окнамъ, благоухающимъ алтарямъ и темнымъ притворамъ. Она была заморожена изяществомъ ветхихъ, тускло-золотыхъ покрывалъ, мелодичнымъ звяканьемъ матовыхъ кадильницъ, бѣлизною длинныхъ кружевъ на комжахъ аббатовъ, благородной роскошью ихъ орнаментовъ. Конфессіоналы съ таинственными занавѣсками волновали ее до изнеможения, и она влюблялась въ тишину, насыщенную подавленными вздохами, ароматами и любовью.

Такимъ образомъ, она стала католичкой безъ Бога, вѣрной служанкой безъ господина, фанатичной рабыней мертвыхъ вещей, миражныхъ настроеній. Она усвоила себѣ языческое обожаніе ритуала, горячечную любовь къ клиру. Она такъ изступленно полюбила форму, что стала довольствоваться ею, какъ чѣмъ-то настоящимъ, божественнымъ, сверхъестественнымъ. Правда, порою ея душа достигала экстаза и низводила съ неба Божество, равнодушное къ мольбамъ и страданію. Правда, временами она чувствовала Бога, почти осязала Его. Временами она снова переполнялась высшей, трепетной, пламенной любовью къ Иисусу. И какъ ни рѣдки были эти минуты благодати, чистоты, прозрачности сердца, онѣ сильно укрѣпляли Мечку. Воспоминаніе о нихъ не умирало въ ея душѣ и, когда тоска по небу превышала силы, она шла къ нимъ на поклоненіе.

Однажды, сидя въ саду, Мечка услышала скрипъ щепня. Она оглянулась.

Къ ней шель высокій, широкоплечій, немолодой ксендзь, держа въ рукахъ соломенную шляпу. Она замѣтила бѣлизну его лба, красивую форму головы, рѣзкое противорѣчіе между внимательнымъ, пронизательнымъ взглядомъ и очень нѣжнымъ рисункомъ рта. Но даже и въ губахъ было противорѣчіе, — онѣ были чувственны, добры, насмѣшливы и скорбны. Это противорѣчіе восхитило Мечку. Она встала навстрѣчу улыбаясь.

Онъ представился.

Ксендзь Ришардъ Іодко.

Онъ сѣлъ на скамью, какъ разъ противъ Мечки, у фонтана, и рассказалъ, что привезъ поклоны отъ Лузовскихъ. Тѣкля прихворнула дорогой. Эта маленькая женщина недолговѣчна, безъ сомнѣнія! Стѣня уже уѣхала къ бабушкѣ.

Мечка слушала его съ громаднымъ удовольствіемъ. Радость струилась въ этомъ человѣкѣ. Ей казалось, что она стоитъ, вся залитая солнцемъ и овѣянная свѣжестью моря. Какой онъ былъ сильный, простой... Она смотрѣла на него съ восхищеніемъ, безпричинно улыбаясь. Потомъ они пошли и сидѣли долго въ ея комнатѣ. Хозяйка-нѣмка сервировала имъ чай, поглядывая на нихъ не безъ лукавства. Мечка знала теперь, что ксендзъ Іодко—настоятель въ южномъ городкѣ У., что у него вышли непріятности съ правительствомъ и что, обыкновенно, онъ много путешествуетъ. Онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ пересмотрѣлъ ея книги.

— Ахъ, не будьте дѣвоткой!

Когда ксендзъ Іодко ушелъ, Мечка осталась въ нѣкоторомъ волненіи.

„Право же, онъ — чудесный человѣкъ“, бормотала она, пряча подальше томикъ съ длинными заглавіями.

На другой день ксендзъ Іодко служилъ мессу въ костелѣ св. Антонія Падуанскаго.

Мечка подумала, что этотъ костель, залитый свѣтомъ, голубой, радостный, весь въ цвѣтахъ, особенно подходилъ къ нему самому.

Она сказала ему въ то утро:

— Я бы хотѣла исповѣдаться у васъ...

Ксендзъ Ришардъ уклонился:

— Развѣ здѣсь мало аббатовъ?

Въ концѣ недѣли онъ зашелъ къ ней проститься. Какъ и въ первую встрѣчу, Мечка сидѣла въ саду.

Солнце горѣло на ея волосахъ. Онъ снялъ соломенную шляпу и смочилъ ее въ бассейнѣ. Его пальто съ перериной слегка раздувалось.

— Не правда-ли,—сказалъ онъ, шутя и брызгая на нее водою, — не правда ли, мы еще встрѣтимся съ вами?

Послѣ его отъѣзда она ходила нѣсколько дней, словно въ туманѣ. Ея мысли къ нему были молитвами, и ея восхищеніе передъ нимъ—нѣжнымъ и очень грустнымъ. Когда изъ Вѣны она получила его первое письмо, ласковое и чуть-чуть насмѣшливое, ей показалось это цѣлымъ событіемъ.

Она стала ежедневно ходить на почту. Бюро смотрѣлъ на нее жалкими глазами.

Ей пришла мысль уѣхать изъ Н-ска и жить въ У., около ксендза Іодко. Въ сущности, она давно хотѣла выбрать новый городъ, ибо она знала, какъ переменна возрождаетъ человѣка. Кромѣ того, она не была связана ни матеріально, ни духовно ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ.

Она ходила растерянная по Женевѣ и только послѣ настоящей борьбы съ самой собой ей удалось потушить это желаніе.

„Неужели же я стану дѣлать новыя глупости?“

И она думала о печальномъ примѣрѣ Тэкли.

„Нѣтъ, привязаться къ ксендзу... Нѣтъ...“

Она снова обѣдала у м-мъ Гоншэ. Тамъ были перемѣны. Коммивояжеръ, парижанка, докторъ давно уѣхали. У красивой бельгійки умерла ея маленькая дочь, объѣвшись фруктами на кухнѣ. И теперь молодую женщину развлекали наперебой. Агентъ страхового общества занялъ квартиру Лузовскихъ и за табльдотомъ чувствовалъ себя главной персоной. Въ день своего отъѣзда Мечка застала м-мъ Гоншэ на кухнѣ.

Швейцарка торжественно указала на громадную корзину. Между нѣжными бѣлыми нарциссами, розами и ирисами торчали пупырчатая, желтовато-синія зарѣзанныя куры, круглые аппетитные хлѣбцы, овощи, бутылки съ чѣмъ-то, фрукты не перваго качества.

— Вы должны были давно уѣхать, м-мъ,—воскликнула швейцарка,—этотъ климатъ поѣдалъ васъ.

И она занялась счетомъ, мгновенно позабывъ о Мечкѣ.

Мечка зашла и на почту. Она не ждала писемъ, но ей хотѣлось увидѣть Бюро.

Увидѣвъ ее, Бюро принужденно улыбнулся.

— М-мъ вернется обратно?

— Я не знаю, м-сье.

— М-мъ осталась довольна Женевой?

— Да, м-сье.

Они пожали другъ другу руки, чтобы болѣе не встрѣчаться.

Осенній вечеръ, въ который уѣзжала Мечка, былъ нѣженъ и ровень. Мечка медленно гуляла по вокзалу. Съ удовольствіемъ смотрѣла она на вагоны.

II.

Въ Н-скѣ домъ, гдѣ жила Мечка, былъ старый, съ темнымъ подъѣздомъ, безъ швейцара. Нижній этажъ занимала контора г. Пашица, второй переполняли жильцы, а въ третій недавно переѣхалъ самъ хозяинъ. На одномъ углу улицы красовалась гостиница, еще не снявшая лѣтнихъ парусиновыхъ маркизъ, на другомъ—скверъ. Сквозь рѣдкія деревья можно было видѣть, какъ по ту сторону бѣгалъ трамъ и какъ по широкимъ ступенямъ банка подымались люди.

Тошій, развинченний г. Пашиць сдѣлалъ визитъ Мечкѣ. Онъ просилъ ее похлопотать у ксендза Игнатія Рафалко о постоянной скамьѣ въ костелѣ для французскаго консула, считая Мечку дамой-патронессой и дѣвоткой. Мечка засмѣялась и отослала его къ самому ксендзу. Однако знакомство состоялось.

Въ ближайшее воскресенье она поѣхала къ Лузовскимъ.

Осенній день былъ великолѣпенъ, и публика гуляла, какъ весною, въ городскомъ саду, и въ скверахъ, и около церквей.

Домъ Лузовскихъ стоялъ почти за городомъ, глубоко запрятавшись въ саду, а къ нему примыкалъ пустырь. На немъ Мечка замѣтила множество битыхъ бутылокъ. Всѣ онѣ сверкали и переливали на солнцѣ, какъ опрокинутыя зеркала, среди выжженной травы и камней. Отъ заката нѣжно розовѣла земля, заборы, осенніе листья деревьевъ. Въ голубомъ небѣ парила какая-то птица.

Мечка вспомнила, что именно на этомъ пустырѣ убили ксендза Пшелуцкаго. У нея началось сильное сердцебіеніе, и она кашляла, кашляла безъ перерыва, съ росинками пота на лбу.

Тѣкля и Лузовскій показали ей всю квартиру. Обстановка была помѣщичья. Библіотека съ портретами Скарги, Костюшки, Мицкевича занимала цѣлую комнату. Окна ея выходили на пустырь.

— Я провожу здѣсь цѣлый день, — сказала Тѣкля.

— Она ни за что не хочетъ, чтобы я продалъ домъ, — тихо пожаловался Лузовскій.

Мечка представила себѣ одиночество этой женщины въ старомъ домѣ, съ неотступными мыслями о прошломъ.

Она уѣхала отъ Лузовскихъ совершенно разстроенная.

Мечку посетилъ Ружинскій, антрепренеръ и создатель кабаре „Синій топазъ“. Отъ былъ въ плоской шапочкѣ и плащѣ не первой свѣжести. Его круглое лицо съ краснымъ носомъ выражало почти дѣтское добродушіе. Не успѣлъ онъ представиться, какъ явился художникъ Тарасовъ, а за нимъ поэтъ Улингъ.

Всѣ трое усѣлись вокругъ стола и просили Мечку принять участие въ судьбѣ кабаре. По ихъ словамъ, имъ нужно было лицо въ административную комиссію, знающее хорошо польскую колонію и могущее отстаивать интересы кабаре передъ ксендзомъ Игнатіемъ. Это лицо, естественно, будетъ получать не деньги, а почетъ и уваженіе. И Ружинскій съ жаромъ распространялся: кабаре арендуетъ помѣщеніе у костельнаго совѣта, ибо Польскій Домъ на костельной землѣ. Предсѣдатель совѣта—ксендзь Игнатій. Онъ него зависить прибавить или убавить цѣну на залъ, отъ него зависить и сдать самый залъ. Они добавили, что весь городъ заинтересованъ „Синимъ топазомъ“. Двѣ газеты, враждовавшія между собою, на время объединились и писали хвалебныя статьи учредителямъ. Самые интеллигентные люди въ Н-скѣ заявили, что кабаре нужно, какъ воздухъ. По проекту участниковъ, „Синій топазъ“ вмѣститъ литературную, музыкальную, художественную и драматическую секціи и „дастъ широкую свободу всякой талантливой инициативѣ“. Кабаре будетъ устраивать концерты, выставки, балы и, кромѣ того, имѣть постоянную труппу. Ружинскій сознался, что артисты собраны „съ бору да съ сосенки“. Но это никого не пугало.

Послѣ нѣкотораго колебанія Мечка согласилась. Она рѣшила, что общеніе съ многими людьми сразу будетъ полезно для нея. За послѣднее время она слишкомъ уходила въ самоё себя и, страдая, становилась черствой.

Ружинскій и Тарасовъ откланялись. А Улингъ остался. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, раскачиваясь и заложивъ руки въ карманы. Длинные волосы пачкали ему воротничокъ. Его грустные свѣтлые глаза нѣсколько разъ пристально остановились на Мечкѣ.

— О,—бормоталъ онъ,—я очень страдаю!

И послѣ паузы:

— Знаете, какъ я васъ называю мысленно?

— Нѣтъ.

— Всѣхъ скорбящихъ радость.

Желая отъ него отдѣлаться, она встала и предложила ему чудесную сорванную камелію.

— Жаль, она безъ запаха.

— Я принесъ вамъ когда-то камелію съ запахомъ, только вы не приняли ея.

Она сдѣлала видъ, что не слышитъ.

Поздно вечеромъ Мечка складывала и перебирала свои книги. Она положила на ночной столикъ Гюисманса и въ постели читала его. Но это творчество, холодное, тягостное и двусмысленное, только утомляло душу. Ее угнетало внезапно появившееся равнодушіе къ костелу. Она приходила туда такъ, какъ будто это стало ея скучной привычкой. Проповѣдь ксендза Игнатія была сухая, затверженная пошлость. Капелланъ отличался ханжествомъ и нетерпимостью. Красивый викаріи Северинъ путался и заикался на кафедрѣ, изрекая нѣчто вродѣ слѣдующихъ истинъ: „Богъ — есть Богъ, Дѣва Марія — Дѣва Марія“.

Въ сущности, польская колонія шла въ костель, какъ на пунктъ своего сборища. Всѣ они ссорились между собою, сплетничали, интриговали и, казалось, пороки ксендза Игнатія заразили всю паству. Мечка испытывала безсильное раздраженіе.

Мысль о ксендзѣ Юдко терзала ее. Этотъ человѣкъ

уже вошелъ въ ея жизнь и имѣлъ на нее вліяніе даже издали. Письменно онъ обѣщалъ пріѣхать въ Н-скъ среди зимы. Она страстно ждала его, оправдываясь сама передъ собою.

„Я впечатлительна. Внѣшность играетъ для меня огромную роль. Ксендзъ Іодко съ его движеніями медвѣженка и съ дѣтскимъ ртомъ нравится мнѣ. Только нравится? Больше. Интересуетъ, влечетъ. Я увѣрена, что у него на исповѣди я буду избавлена отъ циничной грубости ксендза Игнатія и отъ двусмысленныхъ вопросовъ ксендза-капеллана, и отъ благодушнаго равнодушія ксендза Северина. Онъ пропишетъ мнѣ первыя правила душевной гигиены и не слишкомъ допотопныя лѣкарства“.

И добавляла почти съ отчаяніемъ:

„Если онъ не поможетъ мнѣ, то кто же?“

Польскій Домъ, каменное зданіе очень неопредѣленной архитектуры, перестроенное изъ прежняго стараго, было рядомъ съ плебаніей. Затѣмъ шелъ садъ и готическій небольшой костель. Сосѣдство кабарэ шокировало не одну Мечку. Многіе изъ поляковъ демонстративно отвертывались отъ ярко-голубыхъ афишъ „Синяго топаза“,

Самое зданіе было еще сырое, но относительно приличное. Лучшее всего казалась зала модернъ съ круглыми низкими ложами въ два яруса и съ галлереей. Сцена годилась только для любителей. Ея ровная свѣтло-зеленая занавѣсь скрывала убогія декораціи и лѣстничку внизъ къ уборнымъ. Онѣ были холодны, малы, безъ мебели. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался

второй небольшой залъ, канцелярія и буфетъ. Дамская комната пріютилась недалеко отъ вѣшалки, мужской не было. Предполагалось, что мужчины будутъ курить въ раздѣвальной и тамъ же довольствоваться зеркаломъ. Прислуга—поляки—говорила по-русски лучше, чѣмъ по-польски.

Сегодняшнее собраніе членовъ кабаре „Синій топазь“ оказалось многолюднымъ. Сюда пришли люди, совершенно неизвѣстные въ городѣ, а также и тѣ, которые именовали себя „голосами изъ публики“. Эти господа очень мѣшали собранію. Выяснилось скоро, что „Синій топазь“ будетъ только кабаре, а не чѣмъ-то исключительнымъ. Мѣстные музыканты, художники, литераторы демонстративно покидали залъ. Остался одинъ художникъ Тарасовъ, сконфуженный, но втайнѣ довольный. Декораціи и панно переходили подъ его „высокую руку“.

Около одиннадцати часовъ еще никто ни о чемъ не столковался, однако половины публики уже не было. Остальные вздохнули свободно, баллотировались и наскоро создали программу перваго спектакля. Въ административную комиссію вошли Ружинскій, артистъ Фиксманъ, его жена Эрна, художникъ Тарасовъ, журналистъ Позыничъ и Мечка Беняшъ. При голосованіи увидѣли, что въ члены кабаре попали сотрудники только одной газеты, болѣе богатой и вліятельной. Это сильно раздражало многихъ. Въ нижней залѣ собрались подозрительные молодые люди и странно одѣтая барышня, просившіе работы. Ружинскому понадобилось добрыхъ полчаса, чтобы успокоить и отпустить всю эту компанію.

И снова Мечка подумала:

„Балаганъ возлѣ костела! Какая оскорбительная для вѣрующихъ небрежность“.

Первый спектакль „Синяго топаза“ шелъ съ аншлагомъ. Залъ украсили громадными пано художника Тарасова—фантастическія женскія фигуры въ легкихъ тканяхъ съ лиліями, звѣздами, драконами и водопадами. Въ нижней залѣ повѣсили шаржи на участниковъ кабаре. Публика не поняла шутки и разглядывала ихъ изумленно-недовѣрчиво.

Въ городѣ ходили преувеличенные слухи о всѣхъ этихъ великолѣпіяхъ. Тѣ, кто не досталъ билета, смиренно просили входныхъ.

Многочисленные знакомые спрашивали Мечку, какъ они должны относиться къ „Синему топазу“. Всѣ боялись быть въ смѣшномъ положеніи.

Мечка стояла на лѣстницѣ, когда пріѣхали Лузовскій и Тэкля. Ихъ сопровождалъ почему-то Костя Юрашъ. Тэкля быстро подошла къ Мечкѣ.

— Ксендзь Игнатій здѣсь? — спросила она, слегка задыхаясь.

Его еще не было, но онъ взялъ ложку для себя и викаріевъ.

Первый разъ Мечка сказала устало и грустно:

— Ксендзь Игнатій не заслуживаетъ вашихъ чувствъ. Вы ослѣплены, мой другъ.

— Можетъ быть,—возразила та, блѣднѣя,—но все равно... Никто, ничто не поможетъ мнѣ.

Дѣйствительно, убѣдить ее въ томъ, что ксендзь Игнатій не святой, было невозможно. Ея чувство къ нему походило на длительный сонъ на яву, умопомраченіе, гипнозъ.

Самъ Лузовскій остался около Мечки. Его блѣдное лицо страдальчески морщилось.

— Какой вздоръ,—бормоталъ онъ,—какой вздоръ.

Мечка почувствовала къ нему острую жалость и рѣшила дать ему высказаться. И онъ высказался.

— Я наканунѣ разоренія. Когда я буду нищимъ, я пушу себѣ пулю въ лобъ, но теперь я хочу любить свою жену. Тэкля чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе. Да, отвращеніе... Съ этимъ уже ничего не подѣлаешь.

И съ жестомъ отчаянія:

— О, если бы не письма Стэнни!... Дѣвушка привязана ко мнѣ.

Программа вечера оказалась несложной. Лекція о театрѣ кабаре, скучно прочитанная скучнымъ литераторомъ. Монологъ Шницлера, въ которомъ Ивановская костюмомъ походила на нимфу. Затѣмъ музыка молодого композитора, неизбежная декламация и какой-то полу-фокусъ. Когда опустили занавѣсъ, публика мѣшкала уходить. Ружинскій воспользовался этимъ и предложилъ ужинъ совместно съ публикой. Артисты, плохо разгримированные, таскали стулья и столы преувеличенно-оживленно. Въ ложахъ смотрѣли на это, какъ на добавленіе къ спектаклю, но участвовать никому не пришло въ голову.

Молодой богачъ Риксъ, съ фіалковыми глазами, сказалъ Мечкѣ:

— Въ Парижѣ подобныя вещи легки, какъ кружево... А здѣсь вмѣсто кабаре — грубая пародія.

Въ ложѣ верхняго яруса Мечка замѣтила настоятеля—ксендза Игнатія, потомъ викарія, ксендза Северина и за ними болѣзненнаго капеллана. Они кланялись. Она пошла къ нимъ.

Ксендзъ Игнатій разсыпался въ комплиментахъ. Капелланъ тонко улыбался. „Я здѣсь случайно“,—говорило его худое овальное лицо съ воспаленными глазами. Мечка знала его по проповѣдямъ: винегретъ изъ обшихъ мѣсть, подогрѣтый ложнымъ паѳосомъ и направленный залежавшимся націонализмомъ. Сейчасъ она попробовала поболтать съ нимъ. Онъ отвѣчалъ осто-

рожно, подыскивая выраженія, посмѣиваясь, когда хотѣлъ скрыть свои мысли. На ея вопросы о ксендзѣ Іодко капелланъ морщился. По его мнѣнію, ксендзъ Іодко былъ смѣль, едва ли не модернистъ. Мечка подумала, что ксендзы всегда дурно говорятъ другъ о другѣ, и оглянулась на ксендза Северина. Этотъ въ бинокль старательно разсматривалъ залу. Онъ былъ идоломъ мѣстныхъ дамъ, благодаря своей красотѣ, томности, слабости и порочности. Во всей его высокой фигурѣ со впалой грудью разливалась какая-то болѣзненная лѣнь. Онъ завѣдывалъ пріютомъ для мальчиковъ. По секрету рассказывали, что своими выхоленными руками онъ бьетъ ихъ больше, чѣмъ нужно. Около его губъ, дѣйствительно, легла глубокая складка сладострастной изысканной жестокости.

Неожиданно, но шутливо Мечка замѣтила:

— Какъ странно видѣть васъ ксендзомъ!

Онъ кокетливо засмѣялся, опуская бинокль и отвѣчая двусмысленно:

— Это всегда бываетъ, если замѣшается третій...

Ксендзъ Игнатій грубо расхохотался.

— Любовь—не картошка... правда?..

Пыльный воздухъ душилъ Мечку. И, чувствуя себя усталой, смутно-печальной и лишней, она тяжело кашляла, откидываясь въ ложѣ.

Наконецъ, ксендзы удалились. За столиками тоже рѣдѣло. Въ группѣ артистовъ произносили тосты и говорили рѣчи.

„Синій топазъ“ ставилъ спектакль за спектаклемъ, но дѣла его, несмотря на аншлаги, были далеко не

блестящи. Никакихъ секцій, кромѣ драматической, въ немъ не оказалось. Никакихъ трюковъ онъ съ малыми средствами придумать не могъ. Публика шутя называла его „рестораномъ“. Сюда являлись для свиданій, а не для зрѣлища. Можно было смѣло сказать, что публика приходила сюда всегда одна и та же. Если пропускали одинъ спектакль, то, значить, смотрѣли два слѣдующіе. Неизмѣнно въ партерѣ сидѣлъ Божановскій, архитекторъ города и Польскаго Дома, корректный, внимательный, благодушный. Рядомъ съ нимъ Лузовскіе и Войцарскій, интимный другъ ксендза Игнатія, хитрый, двуличный старикъ, недавно женпвійся на юной консерваторкѣ. Темные грустные глаза послѣдней, очень похожіе на глаза Тэкли, трогали Мечку. Дальше, около профессора Оскерко, бросалась въ глаза великолѣпными обнаженными плечами его глупенькая жена Эмма. Въ городѣ рассказывали, что профессоръ всячески ругалъ и билъ ее, даже при свидѣтеляхъ. Съ нею часто гуляла въ фойѣ директорша, пепельная блондинка, безукоризненнаго поведенія, слывающая ханжой и благотворительницей. Всегда здѣсь бывала семья адвоката Кульчицкаго, многочисленная, тщеславная, дородная, державшая сторону ксендза Игнатія въ его спорахъ съ прихожанами и хотѣвшая главенствовать въ польской колоніи. [Неизбѣжно являлся адвокатъ Шептицкій и собиралъ вокругъ себя группу передовыхъ людей города. Среди золотой молодежи блисталъ молодой Риксъ и сыновья банкира Никольскаго. Нѣкоторыя дамы также были аккуратны. Жена инженера Войнаровичъ, съ тысячными брилліантами, пріѣзжала ко второму акту. Ее сейчасъ же находила красавица Піотровская, стройная блондинка, скандализировавшая польскую колонію своими романами и кутежами. Надменно шеголяла соболями жена

банкира Фирсова. Посѣщаль „Синій топазь“ и французкій консуль, чахоточный брюнетъ, гулявшій подъ руку съ г. Пашицемъ. Онъ говорилъ уныло Мечкѣ о своей женѣ.

— Мадамъ хочеть танцовать, но гдѣ же теперь танцуютъ?

Мечка замѣтила, что французская колонія держалась особнякомъ и выдѣлялась туалетами своихъ дамъ. Купечество, обыкновенно, занимало ложи. Невозможно было запомнить и перечестъ всѣ богатя еврейскія семьи, терпѣливо выносящя кабарэ изъ-за его почти цѣликомъ еврейской труппы.

Но самымъ аккуратнымъ посѣтителемъ кабарэ можно было считать ксендза Игнатія Рафалко. Странно-одинокій въ толпѣ, красный, сладкій, то заискивающій, то надменный, онъ вызываль тихія насмѣлки. Онъ заговариваль съ артистами, съ мелкими служащими, дѣлаль видъ, что каждый пустякъ его безнокоитъ и охотно торчалъ за кулисами. Многие находили непристойнымъ его всегдашнее сидѣние въ ложѣ перваго яруса, когда Ивановская играла полуобнаженной. Въ критическихъ мѣстахъ онъ надѣваль очки, и это было нелѣпо до жалости. Завидя ксендза, режиссеръ Фикманъ ругался. Актрисы высказывали циничныя предположенія.

Мечка блѣднѣла отъ негодованія. Когда она возвращалась къ себѣ, ея лицо болѣло отъ тысячи улыбокъ, которыя она раздарила за вечеръ. Сотни разъ она спрашивала себя:

--- Зачѣмъ я впуталась въ эту исторію?

Она чувствовала, какъ нѣчто липкое осѣдаетъ на ея душу.

Послѣднее время она неохотно посѣщала зрительную залу, а проходила чаще за кулисы. Актрисы ко-

сились на нее. Всѣ онѣ жаждали богатыхъ любовниковъ, дорогихъ туалетовъ, быстрого успѣха и полной праздности въ будущемъ. Общая уборная порождала обоюдныя колкости и безобразныя непристойности. Мужчины были также мелочны и сварливы. Фиксманъ затѣвалъ истории изъ-за пустяковъ, а Ружинскій не успѣвалъ мирить всѣхъ. Ссорились рабочіе съ механикомъ, суфлеръ съ бутафоромъ, буфетчикъ съ контролерами.

Здѣсь же толкался отвратительный старикъ, по воскресеньямъ просившій милостыню у костела. Его поставили на колосники. Во время спектакля въ щелочку декораций онъ наблюдалъ за игрою актрисъ съ видомъ сатира.

Одной изъ неприятностей для Мечки былъ еще Улингъ. Она простила ему социалистическія утопіи, еврейскій акцентъ, безобразную внѣшность, низкое происхожденіе, нищету, лѣнь, распущенность, но не могла выносить его нечистоплотности.

— Право же, вы черезчуръ небрежны, — говорила она, краснѣя.

Онъ пожималъ плечами.

— Это мой стиль. Я физически грязенъ. Душа моя тоже грязна.

И, чтобы смягчить дурное впечатлѣніе, онъ читалъ ей свои музыкальные стихи, закрывая глаза. Онъ обвинялъ себя въ подражаніи Ришпену только потому, что обожалъ его „Богохульства“.

Однажды Улингъ объявилъ ей легкимъ тономъ, скрывая ноющее безпокойство, что оставилъ своихъ родителей, бѣдныхъ ремесленниковъ, жившихъ около фабрики за валомъ, и нанялъ отдѣльную комнату.

— Зачѣмъ? — спросила она разсѣянно.

— Для вашихъ посѣщеній, разумѣется.

Изъ жалости она промолчала. Изъ того же побужденія навѣстила его. Въ дешевой мѣщанской комнатѣ, рядомъ съ терракотовыми крестьянками, онъ повѣсилъ портретъ Бетховена и крупную фотографію Мечки.

— Теперь я въ чудесномъ обществѣ.

Она почувствовала его руки на своихъ плечахъ.

Она уклонилась, оскорбленная и сконфуженная. Она не могла понять, чего онъ хочетъ отъ нея. Его безумная любовь не была для нея, разумѣется, ни основаніемъ, ни оправданіемъ.

— Вы будете знамениты,—проговорила она со слабой попыткой утѣшить,—у васъ будетъ куча денегъ и вы создадите себѣ прочную семью. Въ вашемъ народѣ — дружныя семьи.

Онъ перебилъ грубо:

— Я люблю васъ! Я не хочу ждать!

Она сѣла, положила подбородокъ на кисти рукъ и спросила безъ интереса:

— За что вы меня любите?

Изъ умныхъ глазъ Улинга посыпались насмѣшливыя искры.

— Какой вопросъ!... Развѣ на это можно отвѣтить?

Ей стало неприятно, что она позволила ему говорить о любви. И она торопливо ушла, не обѣщая вернуться.

Для Мечки настало очень вялое время. Казалось, пошлая суетня „Синяго топаза“ вошла въ ея душу. Какъ это случилось? Она не знала. Она была, безъ сомнѣнія, больна, ее терзала бессонница, лихорадка, тоска.

По утрамъ она вставала, мертвенно блѣдная, съ опухшими темно-лиловыми вѣками и оставалась праздною, дурно одѣтой, питаясь убогими новостями кабаре или плоскими романами.

Цѣлыми часами у нея топился каминъ. Влюбленная въ прыгающій веселый огонь, она просиживала здѣсь въ полудремѣ, сгорбленная и унылая, какъ старуха. Отъ золотой груды углей тянуло жаромъ.

Ея тѣло переставало дрожать и ныть, и душа тоже приходила въ нѣкоторое равновѣсіе. Она думала о Ксендзѣ Юдко. Мало-по-малу онъ превратился въ тѣнь, въ мечту, которая приснилась.

Оживленіе, надежда, странная радость, плеснувшая отъ него, забылись, стерлись, потускнѣли. Онъ писалъ ей нерѣдко, но писалъ о ней же, не сообщая о себѣ ничего, кромѣ краткихъ словъ: „я здоровъ“, „я занятъ“. Это не удовлетворяло Мечку. Конечно, она посѣщала костель. Часто она прослушивала мессу, не открывая молитвенника, безъ одинаго жеста и слова, не сводя глазъ только со свѣчей.

Свѣчи имѣли для нея всегда притягательную, таинственную силу... Трепещущее пламя, овальный синій лепестокъ, по краямъ желтоватый, не уставало танцовать, рваться, качаться, словно хотѣло оторваться отъ ствола и улетѣть къ Богу.

Месса кончалась. Ксендзъ читалъ *Zdrowas Marya* и уходилъ съ мальчикомъ, надѣвъ свой беретъ.

Теперь становилось тихо, совсѣмъ тихо, ибо зимними утрами народу почти не было. И Мечка начинала плакать безсильными, почти гнѣвными слезами. Эти крики ея голодной души въ небо, которое разумомъ она считала пустымъ, а сердцемъ — населеннымъ, эти вѣчныя колебанія между сомнѣніемъ и увѣренностью, желаніемъ вѣрить и равнодушіемъ, отъ

усталости къ энергіи, отъ ироніи къ благоговѣнію, — ахъ, какъ все это разбивало ее! Ей хотѣлось вернуться къ сосредоточенному состоянію, жить, какъ въ Женевѣ, среди мессъ, молитвенниковъ, ксендзовъ, съ неотступной мыслью о небѣ.

Можетъ быть, она приобрѣтетъ Бога трудомъ, скромной регулярностью своихъ религіозныхъ обязанностей, неустаннымъ чтеніемъ св. отцовъ?

Богъ посѣщаетъ внезапно. Ей надо терпѣливо ждать Его и смиренно приготовить не упреки, а чистую душу. Она сознавала, что всѣ эти благочестивыя мысли отравлялись чудовищно-искренней ироніей. Она вспоминала тогда о дьяволѣ... вѣдь, по ученію костела, дьяволъ всегда бродитъ около насъ. И эта иронія—отъ дьявола, безъ сомнѣнія.

А вернувшись домой и грѣясь у камна, она думала съ горечью, что въ приключеніяхъ своей души въ погонѣ за чѣмъ-то, отвлеченнымъ и, вѣрнѣе всего, несуществующимъ, она растеряла единственное сокровище — цѣльность.

Мечка писала ксендзу Іодко:

„У меня нѣтъ ничего новаго, кромѣ новыхъ рецептовъ. И это самое ужасное. Мною овладѣла черная меланхолія. Отъ тупого равнодушія къ людямъ я перехожу буквально къ ненависти. Когда кто-нибудь обращается ко мнѣ, я жду услышать глупость или гадость. Иногда мнѣ приходится потолкаться среди людей полчасика, тогда я не могу отрѣшиться отъ ощущенія, будто я въ синематографѣ. Люди здоровые кажутся мнѣ животными, а если они больны, я обвиняю ихъ въ симуляціи. Я не знаю, зачѣмъ я живу. Когда-то я мечтала повѣрить въ Бога и этимъ освятить все то, что я дѣлаю и сдѣлаю въ будущемъ, но... но... вѣдь, прежде чѣмъ повѣрить въ Іисуса, Его

нужно полюбить. Не вы ли сами говорили мнѣ это“?

На этотъ разъ ксендзъ Іодко отвѣтилъ, что онъ согласенъ исповѣдывать ее. Пусть она хорошо подготовится. Онъ пріѣдетъ скоро.

Листокъ бумаги задрожалъ въ рукѣ Мечки. Нѣсколько разъ она глубоко вздохнула. Ахъ, видѣть его, говорить съ нимъ, идти рядомъ всю жизнь — слишкомъ большое счастье! Она же боялась счастья, какъ опасности. Не было ли оно немного вульгарнымъ?

Къ этимъ неяснымъ, спутаннымъ мыслямъ Мечка возвращалась съ болѣзненной настойчивостью.

Нѣсколько плохихъ спектаклей въ „Синемъ топазѣ“ открыли собою цѣлый рядъ неудачъ для кабаре.

Управленіе Польскимъ Домомъ перешло изъ рукъ костельнаго совѣта къ новому обществу „Польскій клубъ“. На выборахъ въ члены правленія ксендзъ Игнатій былъ проваленъ. Въ мѣстной газетѣ появилось письмо адвоката Кульчицкаго—громовая защита ксендза. Ему возражали. Надъ этимъ инцидентомъ очень подсмѣивались.

Наконецъ, ксендзъ Игнатій напечаталъ нѣчто вродѣ оправданія. Онъ чувствовалъ себя неважно и прятался на спектакляхъ за кулисами. Впрочемъ, его наглости и скандаламъ не было конца. Такъ, онъ цѣлый годъ преслѣдовалъ швейцара за женщину, съ которой тотъ жилъ, не повѣнчавшись. Швейцаръ наградилъ его по-

щечиной. Тогда онъ забѣгалъ по синдикамъ, безстыдно разглашая эту исторію и слезно прося защиты. Швейцара уволили, но репутація ксендза окончательно пошатнулась.

Публика послѣднихъ спектаклей была новая, блѣдная, скептическая публика окраинъ. Партеръ торжественно пустовалъ. Впрочемъ, его уже давно не видѣли иолнымъ. Ложи заняли контрамарочники. Они покровительственно апплодировали во время дѣйствія и издѣвались въ фойѣ.

Группа молодежи высмѣивала панно Тарасова, а его самого вслухъ называли „декадентской выдрой“. Взбѣшенный художникъ пришелъ за кулисы и грозился выйти изъ кабарѣ.

Барышни, слонявшіяся подъ руку въ нижней залѣ, говорили громко и небрежно:

— Ничего особеннаго... Лучше было бы сходить въ драму...

Пришлось уговаривать буфетчика, который жаловался на грубость ксендза и матеріальные убытки.

— Кабарѣ нужно спасать,—замѣтила Мечка Фиксману.

— Мы спасемъ его на Рождествѣ,—отвѣтилъ тотъ, не безъ цинизма разсматривая ея фигуру.

Ружинскій мрачно разсмѣялся.

Публика насмѣшливо осматривала эту группу.

Послѣ спектакля артисты собрались въ канцеляріи. Всѣ были злы, устали и тревожны. Рѣшили идти къ Тарасову пить чай и совѣщаться. Мечка хотѣла уклониться. Ее упростили. Въ ней заговорило товарищеское чувство, и она согласилась. Была метель. Они съ трудомъ шли по глубокому снѣгу и гнулись отъ бѣшеннаго вѣтра.

Мечка шла подъ руку съ Ружинскимъ. Долетали

отрывистые возгласы и слова артистовъ, то возмущенные, то циничные, то насмѣшливые.

Красивая Эрнэ громко смѣялась. Она распалилась и бѣгала по сугробамъ, распахнувъ жакетъ.

Въ угрюмой бѣдной студіи Тарасова топилась желѣзная печь. Старуха принесла грязный самоваръ. Булки лежали въ бумажномъ пакетѣ, лимонъ удалось найти между книгами, но къ чаю никто не притронулся.

Фиксманъ вынулъ полосатую феску съ кисточкой и натянулъ ее до носу. Онъ дремалъ. Въ эту минуту ему все было безразлично. Эрнэ смотрѣла на него съ откровеннымъ презрѣніемъ. Ружинскій жаловался на всеобщее легкомысліе.

Улингъ сказалъ Мечкѣ:

— Зачѣмъ вы здѣсь? Вы насъ ненавидите... вамъ тутъ не мѣсто.

Она возразила нѣсколько разъ, но спокойно:

— Что съ вами?.. Нѣтъ, право же, что съ вами?..

Недавно Улингъ забылъ у нея свою тетрадь стиховъ, и Мечка нашла тамъ письмо, въ которомъ она прочла: „Я пріобщился къ тайнамъ міра знакомствомъ съ вами, Эрнэ. Я жду васъ у себя нетерпѣливо и страстно“. Она вспомнила его женевское письмо, и ей стало неловко и грустно.

Сейчасъ онъ говорилъ, что у Мечки много достоинствъ, но всѣ они незамѣтны отъ ея страшной холодности. Когда она подымаетъ свои огромные усталые глаза, кажется, что она никогда не плачетъ, не радуется.

Кругомъ болтали вздоръ, вспоминали скандальный ужинъ въ „Версалѣ“, гдѣ артисты не заплатили по счету, находили, что въ труппѣ „нѣкоторые“ интригуютъ. Ружинскій предложилъ „вытурить изъ залы

ксендза, ибо онъ надоѣлъ всѣмъ до тошноты“. Передъ Мечкой извинились. Она холодно пожала плечами.

— Роль антрепренера не къ лицу ксендзу,—пробормотала она.

Эрна потрясла уснувшего Фиксмана.

— Да проснитесь же, чортъ возьми,—повторяла она, искажая свое прекрасное лицо и едва не плача отъ ненависти.

Программу выработали. Для новой пьесы „Ирма“ рѣшили просить кое-что изъ мебели у богача-мецената, генерала П. Мечка обѣщала лично съѣздить къ нему.

Она вернулась къ себѣ поздно, изнемогая отъ усталости. Ивонъ Лузовскій ждалъ ее. Горничная занимала его разговорами, которыхъ онъ не слышалъ. Мечка вскрикнула отъ изумления.

— Что случилось?

— О, ничего новаго...

Тѣкля болѣла. Таинственная печаль пожирала ее. Все свободное время проводила она въ костелѣ или исполняла порученія ксендза Игнатія. Бѣдняга Лузовскій изнывалъ отъ ревности.

Въ Мечкѣ вспыхнуло негодование.

— Какъ вы безобразно слабы!.. Такіе господа, какъ ксендзы Игнатіи, не должны жить. Вы виноваты! вы!

И сейчасъ же она устыдилась своихъ словъ, замѣтивъ, что Лузовскій плачетъ.

Мечка исполнила свое обѣщаніе и поѣхала къ генералу П. Ее ввели въ залъ, гдѣ стоялъ рядъ аквариумовъ разныхъ величинъ и формъ.

Генераль П., высокій, худой, съ краснымъ, обвѣтреннымъ лицомъ сосредоточенно слѣдилъ за рыбами. Вре-

менами онъ накачивалъ воздухъ гуттаперчевымъ насосомъ. Напрасно звали его въ сосѣдную комнату къ завтраку. Онъ покался Мечкѣ въ страсти къ рыбамъ.

Въ ожиданіи его дочери Мечка сѣла и заразилась этимъ молчаливымъ созерцаніемъ.

Генераль позволилъ взять мебель и шутилъ по поводу кабарэ.

— Почему именно „Синій топазъ“? Это декадентство. Уже лучше „Окунь“, „Карпъ“ или „Щука“.

Его дочь Рита, молоденькая дѣвушка, показала кресла, столы, японскія вещи, атласныя ширмы. На каждую вещь она клала свою слабую руку.

Мечка записывала предметы.

— Господинъ Пашицъ много говорилъ мнѣ о васъ,— сказала Рита, краснѣя,—я давно хотѣла познакомиться съ вами...

Она провела Мечку въ свою комнату, скромно указала на шкафъ. Тамъ были католическіе богословы и творенія святыхъ отцовъ. На столѣ лежала раскрытая апологетика Вэйса.

Оказалось, Рита изучаетъ католичество и думаетъ о переходѣ.

— Я завидую вашему образованію,—замѣтила восхищенная Мечка,—вы читаете на четырехъ языкахъ... вы столько знаете... вы изучаете детально исторію римскаго костела... О, вы должны быть счастливы!..

— Пока еще нѣтъ,—живо перебила Рита,—но когда я стану католичкой...

И съ цѣломудреннымъ колебаніемъ:

— Часто мнѣ кажется, что я плыву куда-то и вижу берегъ...

Мечка спросила, какъ она готовится къ переходу.

— Ежедневной мессой, изученіемъ богословія, стро-

гимъ ехатеп de consience. Письменно мною руководить ксендзъ Іодко...

— Ксендзъ Іодко?—переспросила Мечка, боясь измѣниться въ лицѣ и мѣняясь.

Рита взяла альбомъ и, раскрывъ, отыскала фотографію ксендза Ришарда. Обѣ на минуту склонились надъ нею.

— Мы познакомились въ Италіи... три года тому назадъ.. У меня было очень странное состояніе послѣ смерти мамы... видѣла сны... Ксендзъ Іодко умѣлъ встряхнуть меня... да, встряхнуть... вернуть къ жизни.

Она задумалась. Мечка не могла побороть въ себѣ непріятнаго чувства.

„О, это глупо!“ — подумала она въ смятеніи. И вслухъ:

— Ксендзъ Іодко пріѣзжаетъ скоро.

— Да.

Лицо Риты осталось замкнутымъ.

Она провожала Мечку и еще стояла нѣсколько минутъ на лѣстницѣ, перебирая свое блѣдно-розовое ожерелье.

Эта встрѣча очень взволновала Мечку. Неожиданно ее потянуло бросить Н—скъ, „Синій топазъ“, свои скучныя комнаты и уѣхать далеко. Дни казались ей нестерпимо длинными. Она посѣщала „Синій топазъ“ черезъ силу.

На первое представленіе „Ирмы“ публика явилась. Генераль П. нашелъ Мечку за кулисами.

Между прочимъ, краснѣя и путаясь, онъ просилъ не касаться католичества въ разговорахъ съ его дочерью.

— Какъ же я могу обѣщать вамъ это?—спокойно отозвалась Мечка,—вѣдь я католичка.

Рита была въ ложѣ. Она напрасно хотѣла заинтере-

соваться пьесой и напряженно улыбалась. Отдаленно она напоминала Тэклю,—удивленными глазами и голосомъ.

Пьеска провалилась. Половина публики ушла до окончанія. Фиксманъ кричалъ въ бѣшенствѣ: „Чортъ бы побралъ всю эту сволочь!“—и неизвѣстно, къ кому относились его ругательства.

Хорошенькая Ивановская разгримировалась и уѣхала съ комендантомъ. За кулисами очень оживленно обсуждали этотъ инцидентъ. Объясняли, что она спасала юнкера, своего любовника, отъ ареста.

На Рождествѣ „Синій топазъ“ снова далъ нѣсколько новинокъ. Все было напрасно. Публика не интересовалась имъ больше. Поговаривали о неминуемомъ крахѣ.

Мечка пришла въ „Синій топазъ“ около двѣнадцати часовъ дня. На нее никто не обратилъ вниманія. Репетировали что-то подъ аккомпанементъ рояля. Эрна сидѣла въ партерѣ, заложивъ ногу за ногу, и курила. Въ пикантныхъ мѣстахъ она пронзительно смѣялась.

Мечка напомнила Фиксману, что сегодня ей нужно отнести деньги ксендзу Игнатю за помѣщеніе кабарэ. Онъ посоветовалъ обратиться къ Ружинскому. Въ нижней залѣ группа артистовъ также репетировала, поэтому въ канцелярію шли на цыпочкахъ. Актрисы, не снимая шляпъ и жакетовъ, сидѣли на диванѣ. Онѣ зѣвали и вполголоса жаловались. Служители тутъ же мыли полъ. Панно и шаржи при дневномъ свѣтѣ казались особенно безобразными. Особенно выдѣлялся уродствомъ Улингъ.

Мечка только вчера встрѣтила его. Онъ уѣзжалъ въ столицу и готовился дебютировать книгой стиховъ. Какъ всегда, Мечка посулила ему извѣстность.

Вмѣсто отвѣта онъ бросилъ:

— Моя мать умерла.

И сейчасъ же небрежно:

— Отъ слишкомъ продолжительной діэты... въ ожиданіи моихъ успѣховъ...

Улингъ сдѣлалъ отчаянный пируэтъ и поймалъ слетавшую шляпу.

Мечка поздоровалась съ артистками. Онѣ выразили сомнѣнія по поводу уплаты денегъ; вѣдь сборъ послѣдняго спектакля 23 руб. 50 коп. Онѣ злорадствовали, точно это не касалось ихъ самихъ. Ружинскій далъ деньги. Онъ долго считалъ ихъ въ сѣтчатомъ ящикѣ. Журналистъ Позыничъ, читавшій афишу и мимоходомъ составлявшій замѣтку о кабаре, сказалъ лѣниво:

— О вашемъ ксендзѣ Игнатіи рассказываютъ скандальныя исторіи.

И вертя палкой, на которую надѣлъ старую фетровую шляпу:

— Вчера мы видѣли Костю Юраша. Онъ уже не въ музыкальномъ училищѣ.

Ружинскій засмѣялся, покосившись на Мечку.

Вошелъ Фиксманъ, усталый и грустный.

— Ого... тутъ деньгами пахнетъ.

Но журналистъ, который только что просилъ денегъ у Ружинскаго и не получилъ, не хотѣлъ продолжать разговоръ на эту тему.

— Юрашъ — ловкій малый, — объявилъ онъ, — не мытьемъ, такъ катаньемъ... Д-да... А ксендзъ не дуракъ.

Фиксманъ слушалъ ихъ напряженно и не улыбнулся.

— При чемъ тутъ Юрашъ?—играя въ наивность, спросилъ Ружинскій, тщательно сворачивая деньги въ столбики.

— При чемъ тутъ ксендзъ?—насмѣшливо откликнулся журналистъ.

— При чемъ тутъ Лузовская, правовѣрная католичка?—устало пробормоталъ Фиксманъ.

Рѣшительно, онъ думалъ о комъ-то съ гримасой боли. „Это чудовищно“, подумала сраженная Мечка.

Она вышла изъ „Синяго топаза“, прошла во дворъ и поднялась по лѣстницѣ въ квартиру ксендза Рафалко.

Толстый мальчикъ-лакей открылъ ей дверь. Ей пришлось ждать, такъ какъ ксендзъ былъ въ школѣ.

Среди пошлости дешеваго кабинета она холодно отмѣтила обиліе мальчишекъ. Два мальчика несли фонарь—неуклюжая и грубо раскрашенная игрушка. Мальчишка въ натуральную величину сидѣлъ на скамеечкѣ. Мальчишки пріютились по этажеркамъ и улыбались съ гравюръ.

Въ глубокой задумчивости Мечка прошлась взадъ и впередъ.

„Это чудовищно,—думала она все одними и тѣми же словами,—это чудовищно“.

Она повертѣла серебряный разрѣзной ножъ съ латинской надписью: *Dose me facere voluntatem tuam qui Deus meus es tu... ps. 142.*

— Это отъ Тэкля Лузовской.

И съ неопредѣленной улыбкой читая грустные слова „tout passe“ на зеленой кожѣ блокъ-нота:

— И это Текля Лузовская.

Она тронула бѣлыя, нѣжныя, увядающія розы въ бокалѣ.

— Текля хочетъ быть всегда съ нимъ...

Ксендзъ Игнатій вернулся. Онъ кланялся, изгибался, смѣялся, словно приплясывалъ на мѣстѣ. Онъ разсказалъ, что былъ у оперной артистки и благодарилъ ту за пѣніе въ костелѣ. Артистка, дѣйствительно, пріѣхала и пропѣла Ave съ презрительнымъ видомъ. Остальную часть мессы она сидѣла, заложивъ ногу на ногу, напоминая своимъ античнымъ профилемъ Эрну Фиксманъ.

— Да,—сказала Мечка,—я была на главной мессѣ съ пани Лузовской.

Ксендзъ Игнатій искалъ квитанціонную книгу, бормоча, съ гримасой:

— Э... пани Лузовская... Э...

— Что такое?—изумилась Мечка.

Онъ хохоталъ.

— Я не виновать... Конечно, я не виновать...

— Вы не виноваты?...

Мечка совсѣмъ потерялась. Ксендзъ Игнатіі кокетничалъ своими карими циничными глазами.

— Вы—серьезная, умная женщина. Вы меня поймете. Пани Лузовская высказываетъ мнѣ такія чувства... да, такія чувства...

И, вынимая изъ кармана письмо Тэкли, онъ прочелъ, паясничая, нѣсколько строкъ, не понимая раздражающей тоски ея коротенькихъ фразъ.

Подъ пристальнымъ взглядомъ Мечки онъ измѣнилъ тонъ.

— Какъ вы думаете, пани Лузовская нормальна?

— Ксендзъ пробоць смѣется надо мною?

Рафалко смѣшался. Онъ напустилъ на себя искренность.

Когда ксендза Пшелуцкаго убили, эта молодая женщина чуть не сошла съ ума. Онъ взялъ ее подъ свое покровительство. Онъ хотѣлъ руководить

ею. Съ мужемъ она несчастна. Ахъ, хотя бы ее кто-нибудь облилъ кислотою, чтобы она не была такой хорошенькой! Теперь онъ боится быть скомпрометированнымъ.

— Почему вы не поговорите съ нею откровенно?—спросила Мечка.

— Это бесполезно,—уклонился онъ.

Чтобы собраться съ мыслями, она нагнулась и нюхала розы.

— Для кого онъ вянуть?—сентиментально вздохнулъ ксендзъ Игнатій.

Она возненавидѣла его. Подъ какимъ-то предлогомъ ксендзъ Игнатій спустился съ Мечкой въ кабарэ.

Репетиція еще продолжалась. Сегодняшній спектакль былъ въ пользу общества трудящихся женщинъ. Около кассы толпилась молодежь. Плотники въ двухъ шагахъ строили загородку и шумѣли на все помѣщеніе. Въ нижней залѣ было засѣданіе членовъ „Польскій клубъ“, туда никого не пускали, и это приводило въ отчаяніе Ружинскаго.

— Миѣ пужна канцелярія, поймите же...—едва не плакалъ онъ.

Фиксманъ издѣвался надъ нимъ.

Приѣхали дамы-патронессы.

-- Костя Юрашъ, — сказалъ Фиксманъ за спиною Мечки.

Юрашъ здоровался съ ксендзомъ Игнатиємъ. Они трясли другъ другу руки и смѣялись. У Мечки закружилась голова. Она безпомощно оглянулась на Фиксмана. Отгадывая ея мысли, тотъ пожалъ плечами.

— Я зналъ одну женщину, любившую ксендза Игнатія...

— Вы знали?...

— Да. У нея было милое имя: Роза-Беата. Никогда потомъ я не встрѣчалъ такихъ большихъ глазъ... Она полюбила его на школьной скамьѣ. Ксендзъ Игнатій выдалъ ее замужъ. Роза-Беата ждала его любви. Потомъ она овдовѣла. И ждала его снова. Потомъ случайность открыла ей глаза. И Роза-Беата умерла.

— Она умерла?

— Выбросилась изъ окна. О, этотъ субъектъ мучилъ ее не безъ таланта!...

Мечка вернулась къ себѣ. Неожиданно она начала рыдать безудержно, страстно, почти грубо.

— Роза-Беата!—твердила она между рыданіями,— Роза-Беата!

Потомъ она сѣла на кровати, оглядываясь сухими, блестящими глазами и чувствуя, какъ въ ней умерла еще частица прекраснаго, возвышеннаго и чистаго.

„Синій топазъ“ ставилъ спектакль за спектаклемъ— по очереди каждому благотворительному обществу, и, наконецъ, когда перешелъ къ игрѣ уже въ свою пользу, зала была пуста.

Обыватели возненавидѣли „Синій топазъ“.

Ружинскій и Фиксманъ ѣздили къ предсѣдателю Польскаго Дома и униженно умоляли оставить за ними помѣщеніе хотя бы до весны.

Въ труппѣ появились новыя лица, а Эрнэ Фиксманъ, Ивановская и многіе другіе мало-по-малу выбыли. Отказался работать и Тарасовъ. Журналистъ Позыничъ повелъ цѣлую кампанію въ газетѣ, обличая кабарэ въ порокахъ, тайныхъ и явныхъ.

Мечка давно вышла изъ административной комис-

сіи. Цѣлыми днями и часами она ждала приѣзда ксендза Іодко. Ждала, какъ избавленія. Его задерживали хлопоты по переводу въ другой приходъ.

Однажды, придя на мессу, она увидѣла его.

Ксендзъ Іодко сидѣлъ въ конфессіоналѣ, раскраснѣвшійся, вопросительный, съ дѣтски надутыми губами, и очень внимательно разсматривалъ молящихся. Глаза ихъ встрѣтились. Глубокое волненіе охватило Мечку. Она опустилась на колѣни, не будучи въ силахъ сдѣлать ни одного шага. Ксендзъ Іодко ушелъ въ сакристію шумно, какъ вихрь.

Однако еще нѣсколько дней Мечка не могла приготовить себя къ исповѣди такъ, какъ хотѣла. Ей начало казаться, что многое въ ней будетъ лишнимъ, многое останется неяснымъ, о многомъ страшно даже заикнуться, а за истину и точность каждаго своего слова она не поручится. Она не знала также, какъ объяснить ксендзу Ришарду то, что она приступаетъ къ таинству, не будучи твердо вѣрующей.

Нѣсколько разъ у нея являлось даже малодушное желаніе сказатьсь больной и отложить. Она поборолась не безъ труда.

Была суббота. Мечка пришла въ костелъ почти первая. Она знала, что набожная тишина и Ave по четкамъ укрѣпятъ ее. Она созерцала алтарь въ мучительномъ волненіи. Что-то высшее коснулось ея мертвой души, слабая надежда на исправленіе, жгучая, хотя нѣмая мольба къ Богу о вѣрѣ. Она чувствовала себя у порога обращенія, словно уже слышала возгласъ воскресшаго Иисуса: „Марія!“ И отъ одной мысли, что на этотъ разъ вѣра можетъ зародиться чудеснымъ мистическимъ образомъ, все ея существо было потрясено. Слезы струились у нея по щекамъ, но она ихъ не чувствовала.

Послѣ любимыхъ псалмовъ и Magnificat она довольно

нетерпѣливо прослушала *Salve Regina*, неизячно исполненную ничтожнымъ хоромъ.

Ксендзъ Іодко прошелъ къ конфессіоналу. Онъ замѣтилъ Мечку. Легкая краска выступила у него пятнами.

Пѣли „Ангель Божій возвѣстилъ Дѣвѣ Маріи“.

Мечка исповѣдывалась послѣдней.

Плѣненная человѣкомъ, она ждала отъ него помощи, которую не получила у Бога. Къ своему удивленію, она не очень страдала отъ неизбѣжныхъ то умалчиваній, то преувеличеній. Наоборотъ, ей казалось, что первый разъ въ жизни она говоритъ нужную правду и только правду. Радость ея удвоилась, когда она увидѣла, какъ хорошо понималъ ее ксендзъ Іодко. Онъ приходилъ ей на помощь съ суровой нѣжностью. Онъ страдалъ вмѣстѣ съ нею, не рылся въ интимностяхъ, но не было комнаты въ ея душѣ, гдѣ бы онъ не открылъ двери и окна. Обаяніе этого человѣка, обаяніе ласковыхъ тонкихъ словъ, все то, что она полюбила въ немъ съ первой встрѣчи стремительно и на смерть, она приняла за таинство.

И она уже не боялась своей прежней неувѣренности въ себѣ самой, ибо имѣла человѣка, на котораго духовно опиралась.

Цѣной своей души ксендзъ Іодко купилъ ея душу.

III.

Мечка положила газету на столикъ, гдѣ стылъ утренній кофе, раскрыла дверь на веранду, выдвинула кашалку и сѣла, не переставая улыбаться.

Солнце грѣло ея тѣло черезъ лиловый шелковый халатикъ. Воздухъ былъ прозрачный, но душистый густой, слегка расслабляющій.

Горы, съ подножья ярко зеленыя, къ верхамъ—лиловыя, даже синяя, небо—высокое и блестящее.

Во-время она приняла лѣкарство, потомъ лежала, завтракала на верандѣ, въ пять обѣдала, затѣмъ вышла къ морю, но, испугавшись толпы, вернулась. Вечеромъ она читала умную Рашильдъ, и ея мысли были полны веселой и легкой ироніи. Уже въ постели она вынула и положила къ себѣ на одѣяло письма ксендза Іодко. Перечитывать ихъ не было смысла, ибо она уже знала каждую строчку на память. Она мечтала о немъ. Самое позднее, онъ пріѣдетъ въ іюль... Тогда это южное мѣстечко для нея обратится въ настоящій рай.

Такъ проводила она день за днемъ. Разъ въ недѣлю ее навѣщаль докторъ. Ей все-таки пришлось имѣть дѣло съ докторами,—такъ щедро разметала она свое здоровье въ „Синемъ топазѣ“.

Покуда докторъ писалъ рецепты, они успѣвали поспорить о философіи, подразумѣвая подъ этимъ строгимъ словомъ житейскіе пустяки.

Внезапно Мечка стала поправляться. Такъ же быстро, какъ передъ тѣмъ ослабѣвала. Это было одно изъ свойствъ ея природы. Она разомъ покончила съ меланхоліей, рано вставала, выбирала свѣтлыя платья (она давно сняла трауръ) и уходила къ морю.

Жила она недалеко отъ бѣлаго недостроеннаго костела. На него никакъ не могли собрать нужныхъ денегъ, и онъ стоялъ убогій и прекрасный въ своей нищетѣ.

По бульвару круто пѣнился горный ручей, весь зеленый отъ близко растущихъ кипарисовъ. Шумъ его и деревьевъ часто врывался сквозь двери и окна въ костель и сопровождалъ мессу, какъ слабый аккомпанементъ. Мечка безумствовала. Все здѣсь опьяняло ее.

„Богъ возвращается ко мнѣ,—думама она,—о, Богъ добръ!“

Въ будни мессу приходилось ждать, и эта неаккуратность постоянно повторялась. По утрамъ высокій, немолодой ксендзъ, съ лицомъ римскаго воина, возился то около цвѣтовъ, то въ своемъ виноградникѣ. Его паства еле насчитывалась двумя сотнями. Большею частью это были чахоточные, недоѣдавшіе Господу Богу молитвами о своемъ здоровьѣ. Ксендзъ Лоскусъ мало церемонился съ ними.

— Что васъ привязываетъ къ жизни, чортъ возьми?— восклицалъ онъ.

Всякая слащавость, повидимому, претила ему. Онъ радовался, что у него въ костелѣ нѣтъ дѣвотокъ. Онъ шелъ въ конфессіональ, какъ вихрь, и говорилъ во весь голосъ.

Мечка смотрѣла на него, еле подавляя нѣжную улыбку. О, какъ онъ напоминалъ ксендза Іодко!...

Ксендзъ Лоскусъ столкнулся съ нею въ костельномъ саду послѣ вечерни. Онъ заговорилъ рѣзко, потомъ смягчился и сѣлъ рядомъ.

— Вы—не курортная бабочка? Отлично. Приходите завтра ко мнѣ на кофе. Кажется, я васъ обидѣлъ, не въ пять, не въ девять. Извините.

Ей пришлось выслушать его жалобы на прихожанъ и море. Первые были грубы, скупы, невнимательны, второе раздражало его нестерпимо.

— Я не понимаю, какъ можно пріѣзжать сюда. Эта голубая, зеленая, розовая, молочная и еще Богъ знаетъ какая махина, которая движется, плюется, рычитъ, безобразничаетъ, можетъ свести съ ума. Здѣсь хорошо лишать себя жизни.

Онъ находилъ, что правительство дѣлаетъ хитрость, посылая въ глушь ксендза Іодко, человѣка энергичнаго и образованнаго.

— Чортъ возьми, ксендзь Іодко будетъ дуракомъ, если не сопьется здѣсь!...

И ксендзь Лоскусъ ушелъ въ сильнѣйшемъ раздраженіи.

Во дворѣ бѣдили новую плебанію, а ксендзь Лоскусъ жилъ покуда въ крошечномъ флигелькѣ. Онъ снялъ двери съ петель и спалъ на чистомъ воздухѣ, увѣряя, что иначе задохнется. Его сутана залоснилась, оборвалась и пропала потомъ.

Однажды Мечка застала его очень возбужденнымъ. Его суровое лицо римскаго воина пылало. Онъ пилъ коньякъ и стучалъ по столу.

— Чортъ возьми, я уже сто разъ долженъ былъ бы быть епископомъ... И если бы я былъ глупъ, я бы сдѣлалъ карьеру. Но я уменъ на свое несчастіе...

Въ другой разъ онъ набросился на Мечку.

— Я видѣлъ васъ у конфессіонала... Я нарочно не вышелъ изъ сакрестіи. Вы—интеллигентная женщина! Какъ вамъ не стыдно! Какіе могутъ быть у васъ грѣхи?... Влюбились? Собираетесь влюбиться? Ну, и на здоровье! А исповѣдь—это переливаніе изъ пустого въ порожнее! Я васъ исповѣдывать не стану.

Онъ очень разсердился. Нѣсколько разъ онъ возвращался къ той же темѣ. Въ Бога онъ вѣритъ, въ адъ и рай кое-какъ, но все остальное—обрядъ. И онъ ненавидитъ обрядъ.

Иногда къ нему приходили племянницы, воспитанницы Краковскаго монастыря, гостившія здѣсь. Онѣ нѣжно ворковали о добрыхъ ангелахъ, о добромъ Іосифѣ, о томъ, гдѣ лучше молиться—у главнаго алтаря или въ притворахъ. Ксендзь Лоскусъ угрюмо выпроваживалъ ихъ.

— Можете не прыгать предо мною... У вашего дядьки все равно ни гроша за душою.

Бѣдныя дѣвочки краснѣли до слезъ.

Онъ сдѣлалъ визитъ Мечкѣ. Она приняла его, какъ свѣтскаго. Это ему понравилось. Онъ оживился, сталъ остроумнымъ, почти блестящимъ. Вѣроятно, онъ былъ очень хорошъ собою въ молодости. Они заговорили о celibатѣ. Ксендзъ Лоскусъ считалъ его возможнымъ.

— Я могу поручиться за чистоту нѣкоторыхъ монашескихъ товарищей, — спокойно заявилъ онъ, — условія нашей жизни очень помогаютъ въ этомъ. Ватикану нужно вѣрное и свободное войско. Ксендзъ можетъ имѣть сотню женщинъ, если захочетъ, ему запрещена только одна.

Иронія придавала его улыбкѣ отблескъ жестокости.

Послѣ его ухода Мечка еще долго сидѣла на террасѣ.

Ночь была темная, и ароматъ розъ силенъ почти до осязанія. Смутныя желанія забродили въ Мечкѣ. Съ неслыханной для нея дерзостью она хотѣла взять что-то преступно-увлекательное, грѣшное отъ жизни. Чистая и цѣломудренная, она хотѣла упиться этимъ, упиться до пресыщенія. Уже по сладости этихъ мыслей она предвкушала восторгъ обладанія. Любовь къ ксендзу Юдко не испугала ея, хотя явилась неожиданно. Она ни минуты не сомнѣвалась, что ихъ тяготѣнїе обоюдное. Они только до сихъ поръ никогда не говорили, не писали объ этомъ. Они подходили къ счастью робко, неувѣренно и хотѣли вкушать его такъ, чтобы не уронить ни одной крошки.

Наконецъ, какъ прежде передъ таинствами, такъ теперь передъ любовью, Мечка хотѣла приготовить свою душу. Впрочемъ, уже заранѣе мысленно принимая его любовь, она ни на минуту не сомнѣвалась, что дорого заплатитъ за нее. И, покупая счастье страданіемъ, она радовалась, ибо нѣтъ ничего безвкуснѣе, вульгарнѣе слѣпое, сытаго счастья.

IV.

Въ городкѣ появилось много ксендзовъ. Ждали на день епископа. Епископъ приѣхалъ, и его чествовали обѣдомъ. Между гостями присутствовала и Мечка. Онъ былъ высокаго роста, съ великолѣпными черными глазами, аристократичный, утонченный, обаятельный, высоко-снисходительный.

Мечка отнеслась къ нему съ набожнымъ восторгомъ. Онъ замѣтилъ это, какъ мужчина, и говорилъ съ нею, какъ епископъ. Вечеромъ онъ уѣхалъ.

Ксендзъ Лоскусъ нашелъ Мечку въ своемъ саду.

Она сидѣла, усталая, но удовлетворенная.

— Какой день! воскликнула она.

Онъ посмотрѣлъ на нее и изумленно покачалъ головой.

Въ эту минуту его сходство съ ксендзомъ Іодко было поразительно.

— Вы полюбили въ католицизмѣ худшее — его внѣшность; лучшее, внутреннее — не замѣтили.

И послѣ долгаго молчанія:

— Я боюсь за васъ... ваше тяготѣніе къ клиру... Мало шансовъ на счастье.

Она очень смутилась.

Одну секунду онъ внимательно смотрѣлъ ей въ глаза.

— Но вѣдь я давно все понялъ, — сказалъ онъ.

Слегка насмѣшливое и вмѣстѣ нѣжное выраженіе его глазъ поразило Мечку. Онъ стоялъ прямо, какъ король, и чуточку улыбался.

— Я пережилъ много. Теперь я только зритель чужихъ страданій и своихъ собственныхъ.

Она воскликнула со слезами:

— Нигдѣ, никогда я не забуду васъ.

И, дѣйствительно, воспоминаніе о ксендзѣ Лоскусѣ присоединилось потомъ къ воспоминанію о голосѣ, поющемъ въ Notre Dame de Raquis, и осталось въ ея сердцѣ, одѣтое парчою и драгоцѣнными камнями. Черезъ недѣлю ксендзъ Лоскусъ уѣзжалъ изъ прихода. Мечка застала въ передней нѣсколько человѣкъ прихожанъ, а его самага надъ чемоданомъ.

— Ни единого слова,—рѣзко закричалъ онъ,—я ненавижу прощанія.

Дома Мечку ждали два письма. Первое отъ Тэкли Лузовской съ заграничной маркой. Они снова жили въ Женевѣ, и Стэня Зноско была съ ними. Другое—отъ Риты П. Его Мечка долго сохраняла.

„... Теперь я католичка и мечтаю поступить въ шаритки. Вы спрашиваете меня, гдѣ я обрѣла вѣру? Не знаю, сумѣю ли я отвѣтить. Переходъ изъ одной религіи въ другую—невозможность безъ Бога. Первая мысль о переходѣ—это сильнѣйшее потрясеніе, это то, что мы не можемъ, не смѣемъ приписать себѣ. Ничто не возмущаетъ меня такъ, какъ обвиненіе ксендзовъ въ пропагандѣ. У насъ, конвертитовъ, хотять отнять не только разумъ, но и волю. Не ксендзамъ, а Богу было угодно привести меня въ зимнюю ночь на ступени костела; не ксендзы, а Богъ захотѣлъ, чтобы я искала и находила нужныя нравственныя католическія книги; не ксендзы, а Богъ столкнулъ меня съ челоуѣкомъ, котораго я любила и который былъ для меня недостижимымъ въ этомъ мірѣ. Богъ далъ мнѣ страданія, какъ выкупъ за слишкомъ большое счастье—быть католичкой. Ксендзъ Іодко научилъ меня вѣрить во все, чему учитъ костель, слѣпо и полно. Богъ принимаетъ такую вѣру и укрѣпляетъ ее. Теперь я счастлива. Мнѣ кажется, я прошла долгій путь, но я не чувствую никакой усталости“.

Ксендзъ Лоскусъ уѣхалъ, а ксендзъ Іодко все еще не пріѣзжалъ на его мѣсто. По утрамъ, однако, костель открывали, и нѣсколько старушекъ, служанокъ, да дѣвочекъ-подростковъ занимали скамейки. Молодой органистъ объяснялъ въ сакристїи, что пробоща ждутъ съ минуты на минуту. Томительное ожиданіе у Мечки перешло въ безпокойство. Отъ ксендза Іодко не было къ ней ни писемъ, ни телеграммъ. Возвращаясь къ себѣ, черезъ костельный садъ, по дорожкѣ, выложенной камнями, она задерживалась у виноградника. Новую плебанію выбѣлили; двери и окна въ бѣлыхъ брызгахъ и потекахъ стояли раскрытыми настежь. Нищенски казенную мебель тоже всю закапали. А кое-какіе ковры, половики и еще груды драпировокъ закрыли рогожами.

Органистъ жаловался, что трудно достать поденщицъ. Два синдика приходили взглянуть на этотъ разгромъ и ушли, возмущаясь беспорядками. Они ничего не хотѣли предпринимать безъ ксендза.

Мечка томилась. День былъ знойный, и она минутно испытывала легкое головокруженіе. Сидя у себя на верандѣ, она читала крошечную, пламенную книжечку стиховъ покойнаго ксендза Эдварда Милковскаго.

Неожиданно ей пришла въ голову мысль, что она ошибается, и ксендзъ Іодко не любитъ ея. Всѣ ея предчувствія могли быть обманчивыми, внушенными. Она испугалась, растерялась, ощутила нестерпимую боль. Въ смятенїи она бросилась перечитывать его старыя письма. Нѣтъ, они были ласковы, нѣжны, тонки... Нѣтъ, безъ сомнѣнїя, она значила для него что-нибудь. Она вздыхала съ облегченіемъ, останавливаясь на словахъ, которыя казались ей особенно красивыми и таинственно-отвѣтными на ея мысли.

Но беспокойство, тоска и сомнѣнія вернулись очень скоро и съ удвоенной силой. Не находя себѣ мѣста, она бродила съ веранды въ комнату и обратно. Она медленно переодѣлась, медленно распустила волосы.

Глухой шумъ, шорохи листьевъ, внезапная темнота и свѣжесть заставили ее снова прійти на веранду. Здѣсь она сѣла и смотрѣла на обильный, стремительный южный дождь.

Теперь она была уже убѣждена, что всю исторію съ ксендзомъ Іодко она сочинила сама и сама въ нее же повѣрила. Она вообразила, что у нея—сокровища, а она—нищая. Ей хотѣлось кричать и звать на помощь.

Въ корридорѣ давно пробило девять. Края веранды были мокры. Она ничего не видѣла, не слышала.

Кто-то тихо окликнулъ ее.

Мечка подняла голову и увидѣла ксендза Іодко.

Это было такъ неожиданно, такой ударъ по ея натянутымъ нервамъ, что, слабо вскрикнувъ, она начала рыдать.

— О, вы!.. вы такъ мучите меня,—твердила она между слезами.—Гдѣ вы были? Почему вы не ѣхали?.. Боже мой, Боже мой...

Очень взволнованный, онъ взялъ ея руки въ свои.

— Что случилось?.. Дорогая моя, что случилось?

Она рыдала, припавъ головой къ его рукамъ. Тогда онъ началъ осыпать поцѣлуями ея голову, глаза, губы, распущенные волосы, повторяя съ нѣжностью и мольбой:

— Но вѣдь я уже пріѣхалъ къ тебѣ.. Я пріѣхалъ.

Онъ продолжалъ ласкать ее и успокаивать, какъ ребенка.

— Я не хотѣлъ посылать телеграммы изъ осторожности... У меня въ плебани—разореніе... я сдалъ вещи органисту, а самъ поѣхалъ въ отель переодѣться... Я

не могъ же явиться къ тебѣ весь въ пыли? Это заняло лишнихъ два часа времени..

Мало-по-малу она стихла. Очень блѣдная, съ потемнѣвшими, расширенными глазами и еще мокрымъ лицомъ, она страстно обнимала его. Она смотрѣла на него теперь такъ, словно боялась проснуться. Тотъ ужасъ, который она пережила только что, заставилъ ее не скрывать своей любви, и она не стыдилась крѣпко обвивать его шею.

Темнота вокругъ нихъ увеличилась. Они уже плохо видѣли другъ друга. Дождь пересталъ, но рѣдкія капли еще шуршали кое-гдѣ въ листьяхъ. Стало очень свѣжо. Тогда она увела его къ себѣ въ спальню и отдалась ему со всей стремительностью, нѣжностью и любовью, на какія только была способна.

Въ послѣдующія мгновенія она испытывала сладкую приниженность, какою - то отчужденностью отъ всего міра, утонченное и почти болѣзненное наслажденіе покорностью, грѣхомъ и любовью.

И, обнимая его на прощанье, она прошептала:

— Я не знала, что счастье такъ нѣжно!

Въ костельномъ дворѣ органистъ возился около виноградника. Изъ флигеля иногда выходила его мать и выплескивала воду прямо на траву. Они поклонились Мечкѣ.

Въ плебаніи окна и двери вымыли, но полъ еще оставался грязнымъ, и вездѣ валялись рогожи. Нераспакованные сундуки ксендза Іодко стояли тутъ же.

Мечка тихо, какъ духъ, прошла пять огромныхъ комнатъ, пустыхъ и гулкихъ. Она натолкнулась на переносную лѣстницу, прислоненную къ стѣнѣ.

— Ау!—крикнула она.

— Кто тамъ?

И ксендзь Ришардъ быстро открылъ дверь.

Онъ стоялъ посрединѣ комнаты, единственной убранной и обставленной, какъ нужно. Онъ только что вернулся изъ города, и на немъ было его лѣтнее пальто съ пелериной.

— Это я,— сказала Мечка, смѣясь и убѣгая, дѣлая стремительный кругъ по всѣмъ комнатамъ, легкая и увертливая, какъ ящерица. Онъ было догналъ ее, но Мечка взлѣзла на лѣстницу. Ему пришлось потрясти эти дрожащія жердочки, и тогда она бросилась внизъ въ его объятія, задыхаясь отъ смѣха.

Оказалось, по случаю праздника, поденщицы работали только до полудня. Пустая, огромная плебанія казалась заколдованнымъ, заброшеннымъ дворцомъ. Звуки со двора долетали не яснѣе вѣтра. Какъ здѣсь было свѣтло! Сколько воздуха! И какъ звонко звучали ихъ голоса и шаги!.. Слабый запахъ краски, извести, новаго дерева смѣшивался съ запахомъ сирени и жасмина изъ оконъ. Они обошли комнаты, распахивая шкапы, осматривая полки, переворачивая груды олеографій и книгъ, заглядывая во всѣ уголки, какъ любопытныя дѣти.

Потомъ они вернулись въ спальню — единственный оазисъ среди этого разгрома, чувствуя себя забытыми всѣмъ міромъ. Здѣсь же они устроили себѣ сборный завтракъ—изъ кофе, холоднаго мяса, варенья, пирожныхъ. Все казалось имъ восхитительнымъ. Сладостный туманъ, совершенно особенная легкость, обольстительное опьянѣніе охватили Мечку. Она порозовѣла, и ея глаза стали синими, какъ влажный барвинокъ, и прозрачными, теплыми, расширенными любовью и восторгомъ.

— Ты совсѣмъ другая...—говорилъ онъ, улыбаясь,— ты—ужасно разная... Среди ласкъ ты особенно хорошѣешь...

— Ты сразу полюбилъ меня?

— О, да...

— Но почему?.. Я въ Женевѣ болѣла... была такая...

— Ты была слаба и несчастна. Ты производила впечатлѣніе всѣми покинутой и забытой.

Она покачала головой.

— Тебѣ нравятся слабые?

— Да, только слабые...

Нѣжность уколола ее. Она схватила его за руку.

— Это потому, что ты добрый и сильный, Рипшась...

— Не философствуй и прилягъ лучше...

Съ наслажденіемъ покорилась она его маленькимъ заботамъ. Онъ устроилъ ей мягкое и уютное мѣстечко.

Вѣтеръ скрипѣлъ окнами и дверями, но глубокая тишина попрежнему стояла въ домѣ. Все забылось. Больше не было ни времени, ни мѣста, ни сознанія, ни словъ.

Онъ провожалъ ее по той же дорожкѣ, выложенной камнемъ, показывая кусты розъ, свѣже-окопанные, виноградныя лозы съ новыми бѣлыми палками, маленькія туи, которыя самъ подрѣзалъ утромъ.

Костель бросалъ длинную, густую тѣнь. Органистъ звонилъ на Angelus.

Теперь было трудно сказать, что именно такъ чудесно пахло—земля, деревья, кусты или даже камни, или даже само небо. Только всѣ запахи соединились въ одинъ плѣнительный и чувственно-волнующій. Мечка, всегда чуткая къ запахамъ, просто качалась отъ нихъ.

— Завтра ты у меня?

— У тебя,—отвѣтилъ онъ, нѣсколько удивленный,— развѣ я могу тебя не видѣть?

Когда Мечка вернулась къ себѣ, она пспытала по-

требность броситься плашмя на кровать и думать, думать... Это было невозможно. Ни одна мысль не хотѣла логически вязаться съ другою. Онѣ прыгали, разбѣгались, прятались. Она могла только чувствовать его губы на своихъ губахъ и тонуть въ глубочайшемъ, цѣломудренномъ и несказанномъ блаженствѣ.

Конечно, то представленіе о ксендзѣ Іодко, какое Мечка имѣла годъ назадъ, очень приближалось къ мечтѣ маленькой дѣвочки о кардиналѣ, одѣтомъ въ пурпуръ. Это былъ идеаль, совершенно лишенный плоти и крови.

Теперь же онѣ сталъ близкимъ ей, какъ только можетъ быть близкимъ одинъ человѣкъ другому, и она думала, что это вовсе не плохо, если наши идеалы спускаются на землю.

Она нашла большое и совершенно новое очарованіе въ будничныхъ мелочахъ, разъ онѣ касались ксендза Ришарда. Она радовалась чистотѣ, просторности его комнаты, свѣжести его пищи, милой нарядности изменнаго сада. Она радовалась, что у него новый органистъ, дѣльный, добрый старикъ, вѣжливый и ловкій сакристанъ, здоровая, сильная служанка. Она съ наслажденіемъ перебирала его толстыя богословскія книги и съ жаромъ перечитывала казенныя бумаги то на русскомъ языкѣ, то на латинскомъ. Въ томъ, что этотъ человѣкъ нарушалъ изъ-за нея долгъ (не догматъ, а долгъ), и въ томъ, что она совершала кощунство, она также нашла свое упоеніе, острое и ранящее.

Она испытывала сладостный трепеть, когда онѣ шель въ конфессіональ, и горькую, необыкновенно глубокую тоску во время его мессы.

Она не могла не жалѣть объ утраченной исповѣди у него же, однако не испытывала ни пресыщенія, ни раскаянія, ни желанія переменъ. Часто ей приходила въ голову соблазнительная и опасная мысль найти Бога черезъ грѣхъ, увѣровать въ Бога черезъ счастье, прийти къ Богу черезъ радость.

Можетъ быть, она слишкомъ тѣсно соединила любовь, сладострастіе и душевный голодь, — стремленіе къ чему-то высшему, но только ея душа стала шире, глубже, богаче. Она не отказалась отъ своей странной тоски по чему-то отвлеченному и, вѣрнѣе всего, несуществующему. Никогда по-настоящему не умѣла она забыть о лѣстницѣ на небо, гдѣ обитаетъ Богъ, таинственный, могущественный и желанный. Все же вмѣстѣ взятое, это разнообразіе чувствъ, колебаній, ощущеній, тысяча тоновъ, оттѣнковъ въ ея любви, было чѣмъ-то одуряющимъ, тонкимъ, сладострастнымъ, мучительнымъ и волнующимъ, волнующимъ безмѣрно.

Иногда она вспоминала, въ напрасномъ ожиданіи остраго укола сожалѣнія, о своей прежней свободѣ и равнодушіи, о цѣломудриіи тѣла. Но сейчасъ же она ясно понимала, что отъ прежняго остался лишь пепель, горсточка пепла въ урнѣ. Съ трепетомъ и восторгомъ Мечка познавала настоящее.

Мечка съ утра чувствовала слабость. Она лежала, и на синей шелковой кушеткѣ ея бѣлое пышное платье напоминало рѣдкій цвѣтокъ.

Вездѣ, гдѣ только было возможно, поставила букеты розъ. Часто ихъ основательно вспрыскивала, и потомъ онѣ роняли прозрачныя капли, словно росу. Темно-

красныя жалюзи, планками, сквозь которыя просвѣчивало солнце, хорошо защищали отъ зноя, однако Мечка почувствовала его. О, это неистовство солнца, это неистовство южнаго вѣтра!..

Разнѣженная, она брала любимыя духи ксендза Ришарда и капля по каплѣ лила изъ массивнаго флакона, наслаждаясь запахомъ и чуть-чуть упрекая себя въ чувственности. Ахъ, духи—это тотъ же поцѣлуй!..

Она чутко прислушивалась, не идетъ ли ксендзъ Ришардъ.

Онъ пришелъ раньше обыкновеннаго. Нѣсколько разъ она порывисто обняла его. Потомъ, вся блѣдная, откинулась на подушки, не будучи въ силахъ ни стоять, ни сидѣть, ни сидѣть какой-либо жести. Онъ наклонился надъ нею, нѣжно разбирая ея длинныя, плоскія, блѣдно-рыжеватые волосы.

— Меньше стремительности, — молилъ онъ. — Ну, вотъ... Теперь ты плачешь отъ волненія.

— Нѣтъ, отъ любви.

Онъ былъ очень грустенъ.

— Я не вѣрю, чтобы ты была счастлива со мною. Вѣдь ты не получаешь того, что должна получить отъ любви. Я тоже не могу такъ любить, какъ могу и хочу. Это дико, но это такъ. Почему ты не хочешь, чтобы я снялъ сутану?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—закричала она въ ужасѣ.

У нея даже голова закружилась отъ этой мысли. Ей отнять служителя отъ костела! Ей, для которой ксендзъ безъ сутаны являлся худшимъ изъ дезертировъ! Она готова была кричать, что ея грѣхъ не долженъ быть явнымъ. Грѣхъ падеть на нее, только на нее одну! И все это не для Бога, разумѣется, ибо въ Богѣ она сомнѣвалась, но ради идеи церковности, которую возлюбила выше Бога и всего на свѣтѣ. Она умоляла

его... развѣ Ришась способенъ причинить ей такое горе?

У него вырвался усталый жестъ.

— Любовь ксендза всегда приноситъ несчастье—и ксендзу, и женщинѣ.

— О, замолчи... Ты меня мучишь.

— Тебя начинаютъ замѣчать...

— Миѣ все равно...

— Ты не боишься?

— Чего? Доносовъ? Ничуть. Презрѣнія? Еще меньше. Чего я должна бояться, Ришась?

Тогда онъ обнялъ ее и цѣловалъ, почти изступленно.

— Мы не разстанемся... Мы не разстанемся.

А она, суевѣрно пугаясь, спрашивала себя мысленно: „Можно-ли быть безнаказанно счастливой?“

Иногда они вмѣстѣ выходили изъ отеля, — онъ впереди, она на нѣсколько шаговъ отставая, съ видомъ людей, совершенно незнакомыхъ. Это всегда гѣшило Мечку. Его развѣвающаяся сутана имѣла для нея таинственное очарованіе, притягательную силу. Современемъ она стала для нея настоящимъ фетишемъ.

Очень любила Мечка спѣвки костельнаго хора. Онѣ обычно происходили между девятью и десятью часами вечера. Въ костелѣ зажигали свѣчи только на хорахъ. Нужно было долго посидѣть, чтобы различить алтарь, кафедру, образа, хоругви. Мужскіе и женскіе голоса неувѣренно разучивали мессу. Они повторяли нѣсколько разъ Кугіе, и Gloria, и Agnus Dei...

Лучше всего у нихъ выходило Ave Maria, такъ нѣжно летѣвшее къ потолку и кшарисамъ. Иногда они заканчивали спѣвку наивной, почти дѣтской пѣсней:

Назаритянскій чудесный цвѣтокъ,

Что ты дѣлаешь въ этомъ мірѣ?

Наконецъ, они сбѣгали всѣ чутьточку по-школьнически, и ксендзъ Ришардъ болталъ съ ними минуточку. Мечка проходила мимо. Кое-кто кланялся ей, остальные долго смотрѣли вслѣдъ.

Безъ сомнѣня, ее давно замѣтили. О ней говорили «Пани прѣехала съ пробощемъ». Нѣсколько разъ она слышала двусмысленный смѣхъ и грубые слова. Ей было безразлично. Она не притворялась— ей было безразлично. Оскорбленія скользили по ней, не задѣвая ни ея души, ни мыслей. Она думала: «Не перенести подобнаго вздора?.. ради него? ради него?»

Однако, въ томъ, что ея любовь для другихъ была лишь пикантнымъ анекдотомъ, непростительнымъ паденіемъ, кощунствомъ или развратомъ, въ томъ, что приходилось такъ много лгать, скрывать, изворачиваться, таилась бездна горечи, оскорбленія, печали. И отъ этого на ея любовь, чувства, мечты, желанія ложился слабый налетъ недужной усталости, какъ тончайшій слой пыли на дароносицѣ.

Однажды, глубокой осенью, ксендзъ Іодко пришелъ къ ней очень поздно. Его пальто покрылось холодными, блестящими каплями дождя. Онъ казался страшно измученнымъ.

— Правительство не утвердило меня,—сказалъ онъ просто,—меня переводятъ въ Ю.

И, беря ея руку, съ блѣдной улыбкой:

— Правда, жаль сада?.. И нашей комнаты?

— Все равно, — пробормотала она, — мы не расстаемся.

— Да.

Они замолчали. Они думали о мѣстѣ, гдѣ были такъ счастливы.

V.

Дверь открыла молодая женщина съ испуганными и гнѣвными глазами.

— Отдается?

— Да.

Мечка прельстилась сиреновой комнатой, гдѣ на стѣнахъ выступали выпуклые овальные медальоны съ ирисами и гдѣ тонко пахло увядающими розами и старыми журналами. Другая комната была нѣсколько темная, съ окномъ, начинающимся отъ пола. Мечку пріятно удивило, что все здѣсь было мягко, немного поношено, старинно: и занавѣси плотнаго кружева, на которомъ плясали феи, и кровать съ пологомъ, и полу-кресла, и туалетъ широкій въ драпировкахъ.

Молодая женщина сказала рѣзко:

— Это негигиенично, но я люблю тишину и мракъ... Если къ вамъ часто приходятъ гости...

— О, нѣтъ... у меня рѣдко бываютъ, — улыбнулась Мечка.

Она оставила комнаты за собою.

Встрѣчаясь въ корридорѣ, женщины только кланялись другъ другу. Горничная начала было рассказывать, что барыня замужемъ, богата, но Мечка оборвала эти сплетни. Потомъ, уже какъ-то зимою, сюда пріѣзжалъ на автомобилѣ эlegantный господинъ. На другой день молодая женщина ходила съ повязанной головой, смертельно блѣдная, съ глазами еще болѣе испуганными и гнѣвными. Мечка ничего никогда не узнала о ней.

Ежедневно, по утрамъ, Мечку вызывалъ къ телефону ксендзъ Іодко.

— Доброе утро, — говорила она, стараясь уменьшить дрожь голоса.

- Доброе утро. Какъ ты спала?
- Отлично.
- Ты идешь на мессу?
- Разумѣется.
- Гдѣ мы встрѣтимся сегодня?
- У тебя или у меня, Рипась.
- Утромъ—у меня. Вечеромъ—у тебя.
- О... Ты неостороженъ!
- А ты слишкомъ благоразумна.
- Какъ, даже послѣ вчерашняго?
- Даже послѣ вчерашняго, мое счастье, моя радость, жизнь моя.

А, этотъ голосъ... Она изнемогала отъ любви, бурно приливавшей къ ея сердцу. Она возвращалась въ комнату, чтобы взять свой молитвенникъ.

Въ Ю. было два костела: польскій и французскій. Французскій былъ малъ, кокетливъ, парадень. Онъ сиялъ чистотою покрываль, ковровъ, сосудовъ; бронзовые огромные подсвѣчники на алтарѣ блестѣли, какъ золотые. Вечеренъ не служили. Конфессіоналы занимали лишь по утрамъ. Съдѣньскій аббатъ, кряхтя и охая, тащился черезъ дворъ. Онъ былъ глухъ, и исповѣдь у него являлась дѣломъ рискованнымъ. Сакристанъ въ черномъ сюртукѣ ставилъ свѣчи съ видомъ равнодушнаго порицанія.

Мечка приходила сюда порою ради статуи *Непорочнаго Зачатія*, но тепленькое благочестіе, разлитое кругомъ, возмущало ее.

Архитектура польскаго костела была ничтожна, если не безобразна. Первое, что бросалось въ глаза, это — широкій алтарь съ двумя неуклюжими золочеными ангелами по бокамъ—шедевръ безвкусія и мѣщанства. На четырнадцати стаціяхъ Иисусъ былъ размалеванъ уродливо до богохульства. Но еще хуже обстояло дѣло

съ св. Себастьяномъ, который померещился художнику жирнымъ и съ женственными грудями. Одинъ изъ наиболѣе трогательныхъ культовъ католическаго костела, нѣжный и пылкій культъ Священнаго Сердца Иисуса, остался здѣсь заключеннымъ въ жалкую, невыразительную статую.

«Какое варварство!»—думала Мечка, вспоминая костель *Сердца Иисуса* въ Женевѣ.

Мессу главнаго алтаря можно было хорошо видѣть лишь изъ центра, по бокамъ ее затемняли колонны Каедрa для проповѣдей, круглая и нестерпимо некрасивая, прилѣплялась, какъ ласточкино гнѣздо.

Все здѣсь, отъ крупнаго до мелкаго, было безвкусно и банально. Глазъ могъ отдохнуть развѣ только на кровавой розѣ неугасяемой лампы, мерцавшей издали. Темно-коричневые конфессионалы ютились недалеко отъ входныхъ дверей. Огромные часы звонили въ простѣвкѣ. Иногда они торжественно, какъ колоколь, били время, заглушая хриплый кашель нищенки, сидѣвшей подъ ними на колѣняхъ.

«Да, все это вызываетъ насмѣшливую досаду,—подумала Мечка.—И вспомнить только костель *св. Анны* въ Вильнѣ... или *св. Яна*... или *Святого Креста* въ Варшавѣ.. А какъ поютъ!.. Великій Боже, да они голосають, какъ шарманщики!»

Съ весны ксендзъ Игнатій Рафалко исполнялъ здѣсь обязанности декана. Его перевели изъ Н-ска, онъ интриговалъ для этого не одинъ годъ.

Вице-деканомъ былъ ксендзъ Кецарисъ, мало-интеллигентный литовець, съ широкимъ лнцомъ, нестерпимый на каедрѣ. Фарисей и ханжа, онъ любилъ принимать у себя швей, горничныхъ, кухарокъ, ибо съ ними безопаснѣе и выгоднѣе.

Другой викарный, полный, холодный и осторожный, казался относительно интереснымъ.

— Лицемѣренъ и вѣроломный человѣкъ, — неустанно повторялъ онъ въ проповѣдяхъ и слалъ проклятія на безпечныхъ.

Это была комедія, однако довольно прилично сыгранная.

Третій викарный, хрупкій, болѣзненный, съ лицомъ затравленнаго школьника, поющій мессу чистымъ, приятнымъ голосомъ, былъ черезчуръ незначителенъ.

Наконецъ, шумно, какъ вихрь, проходилъ въ свой конфессіональ ксендзъ Іодко. И когда дверца исповѣдальни замыкалась съ легкимъ стукомъ, Мечка испытывала глубочайшее удовлетвореніе, странное ощущеніе безопасности.

Часто, глядя на него съ глубокой нѣжностью, она вспоминала ксендза Лоскуса. Она вспоминала тоску, неисцѣлимую и загадочную, этого высокаго, сильнаго человѣка съ лицомъ римскаго воина, носившаго свою сутану, какъ власяницу. Ей казалось, что съ тѣхъ поръ протекла цѣлая вѣчность.

Сосѣдка по скамейкѣ указала Мечкѣ на двухъ русскихъ конвертинокъ изъ купечества, родственницъ.

— Вы только поглядите на этихъ комедіантокъ... ежедневное причастіе... О... о...

Старшая, Татьяна Ващенкова, высокая, плоская шатенка, съ лицомъ кретинки, во всякую погоду являлась задолго до мессы. Медленно опускалась она на колѣни и устремляла блуждающій взглядъ на ксендза Игнатія. Причащалась она ежедневно, принимая при этомъ позы, которыя ей самой казались верхомъ изысканности и утонченности. Со стороны казалось, что эта нестерпимая, самодовольная лгунья заведена, какъ механическій приборъ. Иногда она притаскивала сюда

двух мальчишекъ, сыновей, и когда они начинали болтать, читала имъ натаціи, на виду у всѣхъ.

— Она позируетъ,—удивлялась Мечка,—для кого же? для окружающихъ, для семьи, для ксендза Игнатія, своего духовника? Или ей просто хочется выдѣляться, и переходъ въ католичество она считаетъ платьемъ парижскаго покроя?

Младшая Ващенкова, Анна, были приличнѣе, хотя некрасивѣе. Ее сильно портилъ ротъ, крупный, грубый, выдававший ея неутомное тщеславіе... Она исповѣдывалась во французскомъ костелѣ, а причащалась ежедневно въ польскомъ. Маленькая прогулка между алтарями, перемѣна декорацій! Между родственницами чувствовался тайный антагонизмъ. Онѣ слѣдили другъ за другомъ. Порою сюда же являлся ея мужъ, хилый, желтый субъектъ, съ манерами маньяка и видомъ импотента. Эта чета играла роль среди колоніи русскихъ католиковъ. Ихъ отмѣчали газеты и, боясь католической пропаганды, преувеличивали значеніе этихъ жалкихъ ничтожествъ. Ходили слухи, что Ващенковы богаты. Они внушали уваженіе швейцару, дѣвоткамъ, нищимъ и всей остальной шушерѣ, глядѣвшей въ руки. Была здѣсь еще группа конвертитокъ-учительницъ, до смѣшного похожихъ другъ на друга и между собою знакомыхъ. По субботамъ вся эта компанія исповѣдывалась, и тогда другимъ приходилось долго ждать очереди. Татьяна Ващенкова читала свою исповѣдь по бумажкѣ, какъ крошечная пансіонерка, придавая таинству покаянія пошлость домашняго счета. Но, трепеща гнѣва Божьяго, онѣ еще больше трепетали полиціи. Ихъ паспорта оставались чистыми. Оффициально это были дщери православной церкви. Занимательныя прятки, веселый маскарадъ, благочестіе слишкомъ благородное, чтобы нарушать личные интересы!

Мечкѣ начали кланяться то съ правой стороны, то съ лѣвой. Оказалось, весь бо-мондъ девятичасовыхъ мессѣ былъ знакомъ между собою, отмѣчая зорко и точно каждую новую шляпу, новый туалетъ, пропущенную мессу сосѣдки или ея черезчуръ длинную исповѣдь.

Однажды, когда Мечка подѣ проливнымъ дождемъ пришла на мессу, она изумленно увидѣла тонкій профиль Тэкли Лузовской. Черная вуаль и черное свободное пальто придавали ей видъ вдовы. Она была очень блѣдна и худа.

Дверь сакристїи отворилась. Новый деканъ,—ксендзъ Игнатїй Рафалко. Онъ шелъ медленно, стискивая платокъ въ рукѣ, съ миной благонаправнаго мальчика.

Съ тѣхъ поръ какъ его видѣла Мечка, онъ растолстѣлъ. Его негритянскїя губы были ярки, какъ вымазанныя кровью. Всѣ женщины смотрѣли на него. Онъ остановилъ двусмысленный взглядъ на Тэклѣ Лузовской. Она сейчасъ же опустилась на колѣни. Татьяна Ваценкова, густо краснѣя, направилась къ его конфессіоналу. За нею потянулись и другїя конвертитки. Мечка опять вспомнила Розу-Беату,—Розу-Беату, покончившую самоубійствомъ.

Послѣ мессы она подошла къ Тэклѣ. Та устало подняла свои красивые глаза, не выражая особой радости и не вставая съ мѣста. Какъ будто нехотя, она написала адресъ на визитной карточкѣ Мечки.

— А панъ Ивонъ?

— Онъ остался въ Н—скѣ.

Ни на слѣдующій день, ни черезъ недѣлю Мечка не увидѣла Тэкло. Лузовская явно избѣгала ее. Зато Мечка встрѣтила во дворѣ, около польской библіотеки, ксендза Игнатїя. Онъ преувеличенно-вѣжливо кланялся.

— Судьба насъ сталкиваетъ.

— Да.

— И вашъ духовникъ?..

— Ксендзъ Іодко, по счастью, здѣсь...—рѣзко оборвала она.

— Я все-таки совѣтовалъ бы вамъ..

Онъ хитро прищурился. Она ждала гадости.

— Вы—молодая, красивая женщина. Васъ вездѣ замѣчаютъ... Ксендзъ Іодко..

Деканъ смѣшался и вдругъ залепеталъ жалобно:

— Я, конечно, не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла... Я отрѣзанъ отъ міра... Я вѣдь только странникъ...

Возвращаясь домой, Мечка устало клала молитвенникъ. О, эти уродливые ангелы на алтарѣ!.. Этотъ жалкій, порочный деканъ, ксендзъ Игнатій! Эта лицемѣрная банда конвертитокъ, служанокъ, елейныхъ дураковъ, лѣнтяевъ, ханжей самой гнусной закваски, съ ежедневнымъ причастіемъ! О, эта пошлость, пошлость, убивающая лучшія намѣренія, чувства, молитвы, пошлость, унижающая и католичество и Бога!

„Господи,—думала она съ отчаяніемъ,—если къ Тебѣ нужно идти рядомъ съ этими животными или уподобиться имъ, я предпочитаю быть въ сторонѣ и мечтать о Тебѣ издали“...

Но по утрамъ, въ половинѣ девятаго, она уже торопилась выпить кофе, и шла на мессу, жаждущая, тоскующая и возмущенная.

Къ четыремъ часамъ дня Мечка ждала, обыкновенно, ксендза Іодко. И, когда впускала его, радостнаго и взволнованнаго, она вскрикивала и бросалась цѣловать его руки, плечи, голову, дѣтскія губы. Естественно, имъ было здѣсь труднѣе видѣться. Маленькими хитростями она умѣла продлить ихъ коротенькія свиданія. Потомъ они разставались измученные, без-

сильные, неудовлетворенные, не зная, проклинать или благословлять свою муку.

Мечка напрасно ждала къ себѣ Тэклю Лузовскую. Тогда она сама отыскала ее. Тэкля жила у литвинокъ, въ темной сырой комнатѣ. Здѣсь давались „домашніе обѣды“, и запахъ кухни пропиталъ всѣ предметы. По-минутно звонили, входили, уходили какіе-то люди.

Тэкля лежала. Ея глаза опухли, какъ послѣ долгихъ слезъ.

— Jezu-Marja, куда вы забрались? — ужаснулась Мечка.

— Не говорите такъ, другъ мой... это очень набожная семья. Мои хозяйки — терціарки.

— Пусть такъ... Гдѣ ваша сестра?.. Стѣня?

— Съ бабушкой, разумѣется..

— И если я поѣду къ нимъ?..

— Не дѣлайте бесполезнаго, Мечка... Я все равно не вернусь къ мужу... Я хочу позаботиться и о своей душѣ немножко.

— А что говоритъ на это ксендзъ Игнатій?

— Но что же онъ можетъ сказать, Мечка? Онъ очень мною доволенъ.

Перемѣна въ Тэклѣ ошеломила Мечку. Она уходила, совсѣмъ удрученная. Въ дверяхъ она столкнулась съ Анной Ващенковой. Онѣ недружелюбно посмотрѣли другъ на друга.

Мечка взяла извозчика и поѣхала къ Зноску. Зноско жили въ собственномъ домѣ, при чемъ второй этажъ соединялся съ первымъ винтовой лѣстницей. Въ комнатахъ, очень большихъ, очень свѣтлыхъ полъ былъ цвѣта воска, мебель и портьеры желтыя.

„Бабця“, тучная, больная ногами, цѣлыми днями чинила бѣлье или плела кружева. А по праздникамъ сидѣла съ толстымъ молитвенникомъ и, полузакрывъ глаза, бормотала ружанецъ. Съ плѣшивымъ котомъ „Чихо“ она болтала по-китайски. „Бабця“ долго жила въ Японіи. Тамъ она потеряла мужа, здоровье и половину состоянія; сюда привезла много хлама, воспоминанія о цвѣточныхъ выставкахъ Токио и философское отношеніе къ жизни. Мечкѣ она обрадовалась.

— Вы можете мнѣ спасти нашу одержимую,—выразилась она о Тэклѣ.

Вышла Стэня, ничуть не измѣнившаяся, спокойная, разсудительная, и познакомила Мечку съ Янкой.

Янка была высокая, гибкая, черноволосая, съ узкими, блестящими глазами. Она держала себя развязно, куррила, и дѣти сказали бы про нее, что она „дразнится“ „задирается“. Обѣ сестры обѣщали навѣщать Тэклю Бабця откровенничала съ Мечкой.

— Стэня—хорошая дѣвушка,—шопотомъ сообщала она,—Стэня—хозяйка. Какъ она вышиваетъ гладью... Весь домъ на ея рукахъ. Янка—хорошая, но... она вообразила себя художницей. Тутъ уже не будетъ толку.

Мечка привязалась къ этой семьѣ. Она бывала у нихъ чуть не ежедневно. Стэня могла посидѣть съ гостьей только минуточку. Ее отрывали то въ кухню, то къ телефону. Бабця засыпала надъ иголкой. Мечка поднималась къ Янкѣ.

Стэня провожала ее лишь до двери.

— Тамъ натурщица,—говорила она, краснѣя.

Весь верхній этажъ принадлежалъ Янкѣ. Первая комната, небрежно убранная, даже грязная,—спальня. Во второй—сундуки, пыльные книги, старая мебель. Третья—круглая, со стекляннымъ потолкомъ, заманчивая, восхитительная комната—студія. Здѣсь и дорогіе

мѣха, и дорогія гравюры, и пуфы, и ковры, и маленький полузапрятанный драгоценный столикъ-игрушка. На немъ элегантныя письменныя принадлежности, тяжелые альбомы изъ кожи съ серебряными застѣжками. Здѣсь всегда цвѣты и горьковатый запахъ краски.

Янка никогда не подымалась, если сидѣла. Она созерцала написанное, распѣвая во все горло. Туфля спадала у нея съ ноги. Ея черные волосы бывали подхвачены чѣмъ-то огненнымъ, а платье разорвано подъ мышками.

— Я—бездарность. Чортъ возьми, это ясно, какъ день!—воскликнула она.

Мечка ничего не понимала въ живописи. Однако ей казалось, что Янкѣ недостаетъ оригинальности.

Однажды Мечка изумленно застала здѣсь Эрну Фиксманъ. Эрна позировала обнаженной.

— Ахъ, что вы, м-мъ Бэняшъ?—спокойно сказала она.—Какъ вы страшно исхудали.. У васъ остались только одни глаза...

У Мечки слегка закружилась голова. Она и не подозрѣвала, что можно быть прекрасной безъ платья. Она боялась смотрѣть на Эрну. Ей казалось, что она косвенно оскорбляетъ Фиксманъ. Эрна замѣтила впечатлѣніе и пришла въ веселое настроеніе.

— Сознайтесь, вы испугались?

— Нѣтъ, но... я не привыкла.

— Говорите, это только чувственность.

Потомъ Эрна вывалила цѣлую кучу новостей. Ея мужъ Фиксманъ увлекся кокаиномъ и отравился. Ивановская очень удачно вышла замужъ, а Ружинскій голодаетъ въ Петербургѣ. „Синій топазъ“ распался. Объ Улингѣ пишутъ во всѣхъ газетахъ. Костя Юрашъ...

— Будь осторожна, — закричала Янка, — это мое послѣднее увлеченіе!

— Костя Юрашъ здѣсь. Онъ рисуетъ плакаты и хорошо зарабатываетъ.

Янка зѣвнула и натянула чулокъ.

— Если бы я вышла замужъ, то только за него, — объявила она, — Юрашъ крѣпокъ, какъ свѣжее яблоко.

— Вы съ ума сошли?—испугалась Мечка.—Юрашъ—ходячій порокъ.

Янка прищурилась. Возразила съ удареніемъ, мѣшая краски на палитрѣ:

— Во-первыхъ, порокъ — достоинство. Кто на все способенъ, тотъ всего можетъ достигнуть. А во-вторыхъ, съ ксендзомъ Игнатіемъ онъ разошелся.

— О!...

— Да... Ксендзъ Игнатій сталъ остороженъ.

Янка принялась за работу. Она отставляла далеко ногу, свистѣла, пѣла, бросала двусмысленности, снова молча увлекалась кистью и была счастлива.

Эрна соображала что-то.

— Сегодня натурщица, завтра барыня,—нѣсколько разъ повторила она.

Мечка думала, что сюда, какъ когда-то къ сестрамъ Дэрингъ, ее гнала тоска. Она не могла ежедневно видѣться съ ксендзомъ Іодко. Цѣлый заговоръ составился вокругъ нихъ. Она боялась всѣхъ въ домѣ, начиная отъ швейцара.

Около его конфессіонала толпились женщины. Она изнывала отъ ревности. Любовь превращалась въ пытку. И она уныло задумывалась, склоняясь надъ каталогомъ „Салона“.

По окнамъ сбѣгали дождевыя струйки. Лужи на улицахъ и въ саду морщились, собирались въ складочки. Вѣтеръ поднималъ юбки женщинъ и срывалъ шляпы съ мужчинъ.

Наконецъ, постучали въ полъ. Это изъ нижняго этажа длиннымъ шестомъ колотила Стэня. Она находила занятія сестры непристойными и радовалась, обрывая ихъ.

Иногда Мечка испытывала потребность оторваться отъ своей монотонной жизни, увидѣть другихъ людей, другую обстановку, забыть хоть на мгновеніе то, что болѣло въ ней. Нѣсколько разъ Мечка посѣтила театръ, большой концертъ, послушала какихъ-то знаменитостей и ѣздила къ Бааль смотрѣть извѣстныхъ кокотокъ.

Среди новыхъ многочисленныхъ знакомыхъ Мечка чаще всего бывала у нѣкоей Шевыревой. Здѣсь подавался чай, по-англійски, между четырьмя и шестью часами, и всѣ разговаривали, не вставая изъ-за стола. Мечку забавляла Шевырева, блондинка съ мягкими линіями, черными глазами и ртомъ необыкновенно чистаго рисунка. Она ходила по своей квартирѣ, какъ чужая, не умѣла отдавать приказаній, не спрашивала, какія и откуда средства у ея мужа, еще менѣе, пожалуйста, знала что-нибудь о себѣ самой.

Шевырева часто принимала Мечку въ гостиной, гдѣ висѣли французскія гравюры, проникнутыя духомъ геройства, распушенности и легкомыслія. Она любила проводить рукою по своимъ плечамъ и даже груди, — жестъ безстыдный и вмѣстѣ наивный.

Оставаясь среди нихъ неизмѣнно холодной, равнодушной и смертельно усталой, Мечка очень скоро ощутила скуку. Всѣ эти люди, съ ихъ вялой добродѣтелью и прѣснымъ развратомъ, никогда не испыты-

*

вали душевнаго голода. Они также слишкомъ часто говорили о любви, и та утратила свою таинственность. Даже драмы ихъ были тяжеловѣсны, грубы и обычны. Мечка осталась чужда этому обществу, а они ей.

Если она и не мнила себя чѣмъ-то исключительнымъ, то все-таки считала возможнымъ предъявлять кое-какія требованія къ окружающимъ. И, не найдя ничего интереснаго въ этой средѣ, къ великому удовольствію ксендза Іодко, она снова вернулась на мессы и снова читала на ночь латинскіе псалмы. Въ костелѣ зимними утрами бывало очень темно. Въ центральномъ паникадилѣ зажигали двѣ-три электрическія свѣчи, это мало помогало. Не только лицо ксендза, но даже его жесты, ковчегъ, подсвѣчники казались затушеванными.

Русская конвертитка Анна Ващенкова письменно просила Мечку назначить ей свиданіе. Неинтеллигентный почеркъ удивилъ ее. Она знала, конечно, почему конвертитка ищетъ встрѣчи. Это касается Тэкли Лузовской, безспорно. Какая дичь! И легкая иронія дрожала въ глазахъ Мечки, когда на другой день она приняла Ващенкова. Ея предчувствія оправдались.

Конвертитка не понимала, какъ Мечка — хорошая католичка и не повліяетъ на Тэклю.

— Откуда вы знаете, что я — хорошая католичка? — возразила Мечка, — и какое вліяніе я должна имѣть на Тэклю?

— Лузовскую нужно спасать... Она должна измѣниться..

— Въ чемъ именно?

— По отношенію къ отцу Игнатію.

— А!

Разъ вся эта исторія была извѣстна, Мечка только

пожала плечами. Бѣдная Тэкля!... Но развязность Ващенковой забавляла ее.

— Тэкля больна теперь...

— Да. Ее нужно спасать...

— И вы часто спасаете?

— Мы — христианки. Это нашъ долгъ.

Мечка покачала головой.

— Вы говорите священникъ, а не ксендзъ?

— Да. Я — русская католичка. Меня шокируетъ...

— Вотъ какъ!

Онѣ помолчали.

— Вы принимали здѣсь католичество?

— Нѣтъ, въ Парижѣ. Мѣстная колонія насчитываетъ около трехсотъ конвертитокъ, но настоящихъ только тридцать...

— Настоящихъ?

— Да. Мы ежедневно причащаемся.

И, видя улыбку Мечки, раздраженно:

— Я живу только для церкви.

Она не умѣла объяснить, что это значитъ на практикѣ. Она употребляла выраженія вродѣ: „живое слово священника“, „благодатное вліяніе обѣдни“, „спасительная вѣра“ и т. д. Она говорила объ искусствѣ: „оно развращаетъ“, и о наукѣ: „она никому не нужна“. Она рассказывала о собраніяхъ конвертитокъ у нея на квартирѣ, гдѣ онѣ читали душевспасительныя книги.

Мечку утомила эта неумная женщина, произносившая каждое слово значительно и тщеславно. Онѣ холодно простились.

Тэкля производила жалкое впечатлѣніе. Напрасно Мечка, и Стѣня, и бабця умоляли ее хотя перемѣнить комнаты, хотя лѣчиться.

И только въ рождественскій постъ Лузовскій при-
ѣхалъ лично и насильно увезъ жену въ Мерань.

Была суббота. Мечка переодѣлась, готовая выйти
на вечерню. Но пришла Стэня Зноско. Вся она облипла
снѣгомъ.

— Какая метель! Неужели же вы выходите?

— Да. Извините меня, Стэня...

— Ничего. Я посижу у васъ минуточку...

— Какъ здоровье бабци?

— Благодарю. Тоскуеть о Тэклѣ...

— Развѣ Тэклѣ?..

— О, нѣтъ... она — молодцомъ. Но бабця считаетъ за-
границу адомъ.

Потомъ Стэня заговорила съ гнѣвомъ... Янка окон-
чательно влюбилась въ Юраша. Юрашъ принимаетъ
католичество и весною они поженятся. Бабця плачетъ
цѣлыми днями, однако обѣщала отдать имъ дачу и
уже готовить приданое.

— Все это штучки ксендза Игнатія. Недаромъ Янка
бѣгала къ нему... О, уродъ!

Онѣ вышли вмѣстѣ.

Вечерня уже началась, когда Мечка сѣла на свою
скамью возлѣ колонны. Сильное головокруженіе навело
ее на грустныя мысли.

-- Ришарду будетъ трудно безъ меня.

Какъ разъ ксендзъ Іодко шелъ мимо. Ихъ взгляды
встрѣтились, и она прочла въ его глазахъ безпокой-
ство и вопросъ. Пѣли Magnificat. Клубы ладана под-
нялись изъ матово-серебряной кадилаицы.

Мечка думала грустно:

„Я не забываю, что Ришардъ—ксендзъ... или это всегда такъ?... Если я даже совершаю кощунство, то почему же я не ощущаю грѣха? И почему меня тянетъ къ таинствамъ? Передъ смертью я хотѣла бы исповѣдаться у него... Ахъ, да, сначала нужно обратиться къ другому ксендзу, покаяться, проклясть свою любовь, отречься отъ нея, получить отпущеніе грѣховъ... потомъ можно снова исповѣдаться у Ришарда... только онъ будетъ тогда уже *ксендзъ* Ришардъ Іодко... Цѣлая пропасть ляжетъ между нами... Ахъ, какой ужасъ, какая боль!.. Какъ мое счастье грустно“...

Странная слабость и темнота въ глазахъ заставили ее опустить молитвенникъ.

„О, какъ мнѣ плохо“!

Она думала съ глубокой печалью:

„Ришардъ былъ и есть для меня—все. Однажды онъ спасъ мою душу отъ отчаянія. Потомъ онъ показалъ мнѣ, какой прекрасной можетъ быть жизнь при обоюдной любви... Теперь онъ приготовитъ меня къ смерти, чтобы я не слишкомъ мучилась передъ нашей разлукой...“

Она снова взялась за молитвенникъ, но дурнота увеличилась. Почти ничего не видя, Мечка вышла изъ костела. Кто-то подаль ей руку и усадилъ на извозчика.

Дома она нѣсколько пришла въ себя, переодѣлась, заказала чай. Электрическій свѣтъ смягчался кружевнымъ абажуромъ. Бѣлыя розы, присланныя вчера ксендзомъ Іодко, тонко и сладко примѣшивались къ аромату духовъ. Темный мѣхъ красиво отѣнялъ матовый блескъ ея кремоваго шелковаго пенюара. Она иначе причесалась и надѣла кольца съ аметистами, подарокъ ксендза Іодко. Аметисты, осыпанные брил-

ліантами, такъ нѣжно играли. Она хотѣла быть красивой.

Нѣсколько разъ въ нетерпѣннн подходила она къ окну. Коверъ заглушалъ ея легкіе и словно робіе шаги. Тяжелая занавѣсъ отдергивалась по кольцамъ. Кольца легонечко постукивали, какъ кастаньеты. Улица была пуста. Снѣгъ сыпалъ и сыпалъ безъ устали. Вѣтеръ намель цѣлый сугробъ около противоположной стѣны.

Наконецъ, телефонъ позвонилъ.

— О, Ришардъ... такъ долго!

— Прости... Сегодня очень много исповѣдывалось...
Что съ тобой, дитя?.. Ты ушла, какъ смерть...

— Мнѣ было плохо.

— Я сейчасъ ѣду къ тебѣ.

— Я жду.

Черезъ четверть часа она впустила его. Ксендзъ Іодко обнялъ Мечку. Никогда еще она не видѣла его такимъ зловѣще-спокойнымъ.

— Тебѣ пора на югъ...

— Раньше весны?... Ни за что!

— Но ты понимаешь ли свое состояніе?... Ты умрешь.

— Можетъ быть.

Онъ чуть-чуть улыбнулся и положилъ ея руку себѣ на глаза.

— Если ты умрешь теперь, я проклянуп нашу встрѣчу.

Она испугалась. Что же ей дѣлать? Она должна была умереть. Она это чувствовала. Она знала это раньше отъ врачей. Давно уже дѣло шло къ концу. Старый знаменитый Кухельбахъ сказалъ ей: „Вы будете ходить до послѣдней минуты... у васъ нечеловѣческіе нервы... потомъ вы ляжете, не встанете и

умрете въ три-четыре дня. Я считаю ваше истощеніе опаснѣе туберкулеза“...

Такъ это будетъ, конечно! Боялась ли она смерти? Нѣтъ. Вѣдь Мечкѣ смерть представлялась лишь паденіемъ въ пустоту.

Она напрасно пыталась развлечь его. Они сидѣли передъ каминомъ, крѣпко обнявшись, въ полномъ молчаніи, словно передъ разлукой. Она догадывалась, какъ онъ долженъ былъ самъ страдать,—вдвойнѣ страдать, ибо онъ никогда ничего не говорилъ о себѣ.

И когда онъ ушелъ, она осталась сидѣть въ той же позѣ, словно печаль сковала всѣ ея движенія.

Она припоминала его замкнутое безстрастное лицо, пряди сѣдѣющихъ волосъ, чуть-чуть согнутыя плечи, на которыя словно легла невидимая тяжесть.

Что она могла сдѣлать для него? Что она могла измѣнить?

Теперь англійскіе чаи у Шевыревой протекали при дневномъ свѣтѣ, слегка голубѣвшемъ къ пяти часамъ.

За столомъ собиралось больше мужчинъ, чѣмъ дамъ, ибо дамы предпочитали кататься или гулять.

Въ эту среду Шевырева увидѣла у себя только Мечку и одну драматическую актрису. Онѣ пили чай, сосали ломтики ананаса или конфету и вспоминали городскія сплетни. Артистка принуждена была поминутно натягивать бархатныя брѣтели на свои обнаженныя плечи. Казалось, ея зеленоватое платье съ пѣной желтоватыхъ кружевъ то и дѣло спадаетъ внизъ. Она говорила, что сегодня у милой м-мъ Г. вечеръ, куда приглашены Эрнъ Фиксманъ и поэтъ Улингъ. Ей польстило изумленіе Мечки.

Закуривая, она пустилась въ подробности. О, да! судьба этихъ двухъ не совсѣмъ обыденна. Эрна попала въ руки мецената и готовится въ драму. По словамъ другихъ, у нея большіе задатки. А Улингъ уже и теперь знаменитость. Его стихи восхитительны. Онъ безобразенъ и очарователенъ.

Шевырева предложила поѣхать къ Г.

— Но у меня нѣтъ приглашенія, — сказала Мечка.

— Туда пріѣзжаютъ запросто... а вы вѣдь знакомы къ тому же?

— Да.

Онѣ живо поднялись. Толпа гуляющихъ была огромна. Экипажи часто останавливались. Красивая головка Шевыревой въ парчевой шапочкѣ съ султаномъ иногда высывалась изъ мѣха и кланялась.

Мечка начала тяжело кашлять, закрывая свой лихорадочно пылающій ротъ букетомъ фіалокъ. Она жалѣла, что поѣхала. Лучше было бы остаться у себя, велѣть зажечь огонь, самой приготовить чай и ждать ксендза Юдко... Возможно, онъ вырвался бы на минуту.

— Какъ вы, однако, кашляете, — замѣтила Шевырева, — отчего вы не уѣзжаете на югъ?

Артистка вкусно сплетничала о домѣ, куда онѣ ѣхали.

Мальчишки бѣжали съ левкоями за экипажемъ. Нигдѣ еще не зажигали электричества. Небо блѣдное, настолько блѣдное, что напоминало стекла витринъ, одно оставалось спокойнымъ.

Въ большой залѣ м-мъ Г. открыли всѣ окна. Дамы кутались въ мѣха, не снимая шляпъ. Онѣ продушили своими юбками всю квартиру — запахъ неопредѣленный, смѣсь различныхъ духовъ и цвѣтовъ, острый, вѣдающійся, безпокойный.

Эрна Фиксманъ, ослѣпительно одѣтая, сидѣла, окру-

женная молодежью. Она кивкомъ головы поздоровалась съ Мечкой и посмотрѣла на нее понимающими глазами. Да, эта умѣла завоевывать жизнь!...

Туть же стоялъ Улингъ, непроницаемо равнодушный, слегка щуя свѣтлые, усталые глаза. Хозяйка дома вдѣла ему въ петлицу бѣлую камелію.

— Она съ запахомъ, — сказалъ онъ двусмысленно Мечкѣ.

Потомъ онъ переходилъ отъ одной группы къ другой, выслушивая комплименты. По всѣмъ угламъ шептались о немъ.

Янка Зноско, въ короткой юбкѣ и жилетѣ мужского покроя, имѣла свой обычный преувеличенно-развязный видъ. Она спорила объ искусствѣ съ виднымъ художникомъ и потѣшала того безмѣрно.

Въ другой гостиной Мечка натолкнулась на Юраша. Ахъ, вотъ ужъ кто былъ приличенъ, элегантенъ до нельзя! Отъ его грима и небрежности не осталось и воспоминаія.

Онъ поцѣловалъ руку у Мечки. Какъ давно они не встрѣчались! Онъ вспомнилъ Женеву, „Синій топазъ“, свои мытарства.

— Я едва не потерялъ душевнаго равновѣсія, — сознался онъ доврчиво.

Потомъ Юрашъ засмѣялся.

— А вы видѣли мою невѣсту? Янка—премиленькая сегодня.

Зноско шла къ нимъ въ эту минуту, безцеремонно зѣвая.

— Тебя ищетъ Улингъ, — бросила она жениху.

Мечка смотрѣла вслѣдъ Юрашу.

— Итакъ, это рѣшено, Янка?

— Что именно?

— Ваша свадьба.

Янка усмѣхнулась, прямо глядя на нее.

— Не вы одна, Мечка, дѣлаете безумства...

— Я не понимаю васъ...

— Ба! Грѣхъ тянетъ.

И живо схвативъ Мечку за руку:

— Я сказала гадость, простите меня. Я вѣдь ничего не знаю о васъ опредѣленнаго... такъ... намеки... слухи...

— А если бы знали?

— О... Я бы осудила васъ. Васъ всѣ тогда осудятъ. Янка понизила голосъ.

— Если женщина выбираетъ ксендза, она должна быть нечеловѣчески дерзка... Ксендза всѣ жалѣютъ, а женщину всѣ бранятъ...

— Да, женщина должна быть смѣлой, — сказала Мечка медленно, — и для такой женщины не существуетъ чужого мнѣнія.

Послѣ долгихъ уговоровъ ксендза Юдко Мечка рѣшилась уѣхать на югъ. Впрочемъ, она уступила ему только тогда, когда онъ пообѣщаль добиться отпуска и когда пришло извѣстіе о смерти Тэкли Лузовской въ Меранѣ. Странно, семья Зноско приняла эту вѣсть съ облегченіемъ. Стэня уѣхала въ Н—скъ помогать Лузовскому ликвидировать его дѣла. Ни для кого не было тайной, что теперь она приметъ въ судьбѣ Ивона живѣйшее участіе.

У Мечки былъ довольно долгій маршрутъ. Сначала въ Р., грязный городокъ на границѣ, тамъ она хотѣла повидать свою тетку—и потомъ крутой скачекъ на югъ, къ морю и кипарисамъ. Она мечтала о садикѣ, гдѣ

цвѣль бы миндаль, дикія розы, о балконѣ, увитомъ виноградомъ, о бѣлыхъ воздушныхъ платьяхъ, такъ плѣнительно красивыхъ подъ солнцемъ и яркимъ зонтикомъ. Ей казалось, что это лѣто должно быть самымъ счастливымъ для нея.

Она представляла себѣ сладкую праздность при отсутствіи всякихъ заботъ, волненій, сожалѣній, мечтала о длинныхъ прогулкахъ на пароходѣ, рука объ руку съ ксендзомъ Ришардомъ, когда вѣтеръ такъ ласково треплетъ длинную вуаль и цѣлуетъ волосы, о сладостныхъ, короткихъ, свѣтлыхъ, угарныхъ ночахъ, когда садъ кажется бѣлымъ, словно въ снѣгу, и ничего нѣтъ запретнаго для страсти и ничего чрезмѣрнаго для любви.

Можетъ быть, поэтому она простилась съ ксендзомъ Юдко просто, безъ слезъ и тревоги.

Вѣдь она ѣхала къ счастью...

Въ Р. Мечку ждала неприятность. Тетка не жила здѣсь больше. Ея домъ перешелъ во владѣніе какого-то лавочника. Въ темномъ бакалейномъ магазинѣ покупатели толпились около бочекъ съ подозрительной рыбой. Всѣ оглянулись. Толстая женщина дала ей краткія объясненія.

Мечка помнила, какъ дѣвочкой играла въ этомъ саду. Теперь садъ былъ почти срубленъ, кое-гдѣ торчали кривыя, низкія яблони, нѣсколько кустовъ сирени, а остальное ушло подъ огородъ.

Визжали поросята, запертые въ хлѣву. Чья-то лошадь терпѣливо ждала, переступая съ ноги на ногу, привязанная у калитки.

Мечка поѣхала въ гостиницу. Сизый туманъ, такой плотный, что, казалось, его можно ощупать и разорвать руками, опустился на городъ. Тяжелыя, прозрач-

ныя капли падали съ вѣтокъ, и молоденькіе листочки размякли, какъ тряпочки.

Въ гостиницѣ пахло сыростью, ѣдой и уборной. Горничная принесла ей кофе съ вѣнскими булочками, расплескавъ его на подносикѣ. Факторъ, молодой щеголеватый брюнетъ, спросилъ, не понадобятся ли его услуги. Онъ говорилъ по-польски. Она послала отправить телеграмму ксендзу Ришарду, сама же пошла въ костель.

Костель былъ довольно далеко. Онъ стоялъ въ глубинѣ широкаго и пустого двора. Звонилъ мальчикъ-реалистъ. На паперти, залитой водой, болтало нѣсколько бабъ. Полъ въ костелѣ только что вымыли, и онъ былъ влаженъ и увеличивалъ холодъ.

Всѣ хоругви стояли въ бѣлыхъ новыхъ чехлахъ, и этотъ бѣлый цвѣтъ тоже напоминалъ о холодѣ.

Костель былъ неприятно новъ, весь блестѣлъ нестертой грубой позолотой, весь дышалъ краской, масломъ, только что купленными матеріями, деревомъ едва внесенныхъ скамеекъ. Гулкое эхо катилось подъ его сводами. Алтарь старо-розоваго тона, очень широкій и большой, напоминалъ гробницу. Надъ нимъ уносила среди хора ангеловъ мурильевская Мадонна, съ выраженіемъ нѣжнаго экстаза, почти любовной радости. Искусственные цвѣты, некрасивыя вазы, дешевые ковры, нѣсколько раскрашенныхъ и дурно исполненныхъ статуй, также кошунственное безобразіе картинъ Голгоѣы въ коричневыхъ рамахъ,—все это испортило чистую и прекрасную гармонію готическаго костела.

Женщины и мужчины, еще одѣтые тяжело, тепло и грубо, пѣли длинную пѣсню, припѣвъ которой начинался словами: „Ach, Jezu, mój kochany!“ Эти слова: „Ach, Jezu“ мужской голосъ бросалъ съ глубочайшимъ, почти негодующимъ, состраданіемъ. Онъ возмущался

незаслуженной мукой Иисуса. Онъ находилъ его милосердіе чрезмѣрнымъ.

„Это никогда не вышло бы такъ сильно и страстно у женскаго голоса“, рѣшила Мечка.

Она сидѣла, пронизанная холодомъ, сыростью, грустью и безсиліемъ.

„Какъ я люблю костель, — думала она съ отчаяніемъ, — какъ я люблю! Каждый камень здѣсь я готова цѣловать, вѣчность готова простоять передъ этимъ на колѣняхъ!“

Блаженствомъ и страданіемъ наполнило ее воспоминаніе о ксендзѣ Іодко въ комжѣ и съ лиловой ступой. Она боготворила его въ конфессіоналѣ. Она опьянялась его мессой.

На другой день Мечка была уже далеко. Мѣнялась мѣстность, мѣнялся климатъ. Мимо поѣзда бѣжали сады, бѣлые отъ цвѣтущихъ деревьевъ. На вокзалѣ продавали вѣтки миндаля и сирени.

Мечка сдѣлала остановку и поѣхала на лошадахъ до слѣдующей станціи.

Старья, громадныя ароматныя яблони высоко поднимались надъ плетнями. Отъ нихъ вѣтеръ приносилъ свѣжій, крѣпкій, чуть-чуть винный запахъ.

Встрѣчались озера прозрачной, не очень глубокой воды, и деревья вокругъ нихъ казались растущими прямо изъ этой голубо-зеленой прохлады. Дорога часто была вся бѣлая отъ извести. По краямъ ея росли рѣдкія, скрюченныя, толстыя ивы. Мечку наполнила безудержная радость жизни.

Туда, гдѣ она была такъ счастлива съ ксендзомъ Іодко, Мечка пріѣхала ночью. Кипарисы казались черными, застывшими, строго-таинственными, какъ на гравюрахъ. А стѣны домовъ — мраморно-бѣлыми, чуть-чуть съ зеленоватымъ отливомъ при лунѣ. Коляска мед-

ленно везла ее въ гору. Скоро она начала различать шумъ ручья.

Бульваръ и костель были, значить, близко. Въ отелѣ ее помнили и ей обрадовались.

Старичокъ-лакей въ туфляхъ открылъ ей двери въ ея комнаты. Веранда, гостиная, свѣтлая мебель — все то же.

Она осталась здѣсь. Вся охваченная воспоминаніями, она не сомкнула глазъ. Утромъ же встала блѣдная, разбитая, почти несчастная.

Около костела кипарисы шумѣли попережнему, ручей бѣжалъ и пѣнился среди камней, но въ саду, гдѣ ксендзъ Іодко такъ усердно сѣялъ цвѣты, земля была вспахана и посажены новыя лозы винограда.

Полное изнеможеніе охватило ее, когда она увидѣла плебанію, а у окна — молодого, угреватаго ксендза. Она не рѣшилась войти. Онъ самъ вышелъ къ ней. Она спросила о ксендзѣ Лоскусѣ. Ксендзъ Лоскусъ перевелся въ другую епархію, съ ужимкой объяснилъ ксендзъ. Его глазки горѣли отъ любопытства. У Мечки было ощущеніе, что ксендзъ Лоскусъ умеръ. Она поклонилась и медленно пошла обратно.

„Никогда не слѣдуетъ возвращаться на старое, — думала она, — здѣсь я была такъ счастлива. Но уже ничего, ни одного часа не вернется пзъ прошлаго. А всѣ мои ощущенія стали иными, новыми. Зачѣмъ я уѣхала отъ Ришарда? Если мы не могли пріѣхать вмѣстѣ, я должна была бы сидѣть дома. Не все ли равно, гдѣ умирать? Зато онъ былъ бы рядомъ, зато я могла бы цѣловать его руки и подарить ему самую восхитительную безсонницу“.

Она дотащилась до площадки, сплошь заросшей цвѣтущими розовыми кустами, къ которой велъ подъемъ изъ камней. Часто камни обрывались и съ шоро-

хомъ катились внизъ. Для того, чтобы увидѣть серебристую полоску моря и мачты пароходовъ на пристани, стоило только встать, но она сидѣла съ тупымъ, безучастнымъ видомъ.

Потомъ крики татаръ стали раздражать ее, и она пошла къ себѣ въ отель, часто спотыкаясь на бѣлые, мягкіе отъ пыли камни.

Двѣ дамы въ длинныхъ старомодныхъ накидкахъ повстрѣчались съ нею. Онѣ живо оглянулись на Мечку.

— Эмця, ты помнишь ее?...

— Я думаю. Ксендзъ Юдко...

— Этакое паскудство!..

— Точно нѣтъ другихъ мужчинъ...

Мечка не ускорила шага. Столько разъ она уже слышала эти грубости! Ничто уже не могло тронуть ее.

Ночью у нея былъ припадокъ и кровохарканіе.

Дни тянулись медленно, страшно медленно. Ксендзъ Юдко имѣлъ мало надежды на отпускъ. Но разлука истомляла ихъ, и часто въ письма они вкладывали черезчуръ много боли и горечи.

Однажды на вечернѣ въ костелѣ Мечка съ изумленіемъ увидѣла епископа, — епископа, съ которымъ обѣдала въ обществѣ ксендза Лоскуса.

Народу почти не было. Солнце горѣло на колоннахъ ковчега, на пальмахъ, у алтаря, на одной части скамеекъ и разогрѣло дерево. Вилась рѣдкая, золотистая пахнувшая пыль. вмѣстѣ съ органомъ пѣло нѣсколько голосовъ. Епископъ въ креслѣ внимательно читалъ свой молитвенникъ, слегка склонившись на руку. Красный шлейфъ обвивалъ его ноги. Изрѣдка

онъ поворачивалъ голову въ сторону молящихся, и тогда на блѣдномъ лицѣ сверкали большіе черные глаза. Нѣсколько тучныхъ, немолодыхъ ксендзовъ чинно сидѣли напротивъ.

У Мечки сдѣлалось сердцебіеніе отъ волненія и слабости. Она смотрѣла на епископа восторженными, набожными, восхищенными глазами. Экстазь обожанія охватилъ ее. Ахъ, эта церковность, эта видимая религиозность, эта внѣшность Бога! По окончаніи службы епископъ разговаривалъ въ сакристіи съ настоятелемъ.

Мечка пошла туда и стояла въ кучкѣ прихожанъ, почтительно созерцавшихъ епископа.

Его преосвященство дѣлалъ изящные жесты и улыбался. Улыбка у него была обаятельна и полна живости, насмѣшливые, умные, большіе глаза остановились на Мечкѣ. Неожиданно для себя самой она наклонилась. Сакристіанъ, мальчики и прихожане отодвинулись въ сторону.

— Я видѣлъ васъ гдѣ-то?—сказалъ епископъ, глядя на нее чуть-чуть внизъ, такъ какъ онъ былъ очень высокъ ростомъ.

— Я была на обѣдѣ въ честь вашего преосвященства при ксендзѣ Лоскусѣ... Ваше преосвященство говорили со мною.

И, не ожидая его словъ, добавила съ тихимъ отчаяніемъ, забывая, гдѣ она:

— О, съ тѣхъ поръ все измѣнилось!

Епископъ смотрѣлъ на нее еще внимательнѣе.

— Я забылъ вашу фамилію,—пробормоталъ онъ.

Она назвала себя, чуть-чуть усмѣхнувшись.

Лицо епископа не дрогнуло. Но она знала, что онъ сейчасъ же вспомнитъ ксендза Іодко, доносы и всю

грязь, которой въ прошломъ году облили Мечку. Казалось, онъ ждалъ отъ нея чего-то.

И она, дѣйствительно, сказала ему со смѣлостью чловѣка, которому нечего выигрывать и нечего терять:

— Я никогда не вѣрила въ Бога, но я хотѣла вѣрить. На это я затратила лучшіе годы своей жизни. Богъ не услышалъ меня. Теперь мнѣ осталось немного жить... да, немного... Я хотѣла бы умереть католичкой. Я хотѣла бы передъ смертью обладать Богомъ, хотя бы на мгновение передъ смертью... въ послѣдній разъ.

Съ еле уловимымъ безпокойствомъ, съ тонкой улыбкой, со смѣсью недовѣрія, печали и участія епископъ отвѣтилъ:

— Молитесь.

Покуда Мечка склонилась передъ нимъ, онъ отошелъ. Его шлейфъ поволокъ за собою виноградный листокъ, залетѣвшій изъ двери. Епискомъ уѣхалъ на автомобилѣ.

Мечка вернулась въ костелъ, гдѣ солнце горѣло уже не на алтарѣ, а на хорахъ. Она начала беззвучно рыдать, думая о ксендзѣ Іодко и чувствуя, какъ ея сердце разрывается отъ горя.

Съ тѣхъ поръ она часто мысленно обращалась къ епископу. Она жалѣла, что не могла рѣшиться и написать ему. Впрочемъ, это было безуміе, слабость, отчаяніе, желаніе утолить жажду въ сухомъ мѣстѣ или сдѣлать квадратъ изъ треугольника. Къ ея исповѣди епископъ долженъ былъ отнестись дурно. Развѣ не былъ онъ тѣмъ же ксендзомъ? Конечно, эти дѣтскія мечты были лишь слѣдствіемъ ея отношенія къ нему, восторженнаго, преувеличенно - восторженнаго, почти идолопоклонническаго.

Съ нею сдѣлалось нѣсколько обмороковъ. Она призвала доктора. Тотъ выслушалъ ее, сложилъ золотыя очки въ чехолъ и сказалъ:

— У васъ есть родныя?

— Нѣтъ.

— А близкіе люди?.. Друзья?

— Да.

— Пошлите имъ телеграмму.

Онъ пожалъ плечами, крайне недовольный самъ собою.

Мечка улыбалась.

— Я бы вамъ совѣтовалъ лечь...

Онъ уѣхалъ. Она пошла въ костель и исповѣдалась у молодого настоятеля. Онъ ничего не понималъ, и черезъ ея голову въ рѣшеточку разсматривалъ молящихся. Она причастилась на другой день съ тѣмъ же ощущеніемъ душевной пустоты, какъ въ Женевѣ.

Но вѣдь ей нужно же было приготовить себя къ послѣдней исповѣди... послѣдней исповѣди у ксендза Іодко. И она послала ему телеграмму.

Да, теперь уже было трудно ходить, и она половину дня лежала на верандѣ, изящно одѣтая, очень ясная, съ умомъ, странно-просвѣтленнымъ.

Теперь она уже не сомнѣвалась, что конецъ ея близокъ.

И какъ раньше о счастьѣ, такъ теперь о смерти она думала:

„Никогда не предполагала я, что смерть такъ нѣжна!“

А о ксендзѣ Іодко:

„Мнѣ пора умереть. Я его черезчуръ замучила. Онъ усталъ“.

Ксендзъ Іодко пріѣхалъ въ сумерки. Что-то сразу оборвалось въ ней, когда она увидѣла его сутану и

пальто съ пелеринкой. Крупныя слезы лились у нея изъ глазъ.

Она схватила его голову, повторяя съ болью и ужасомъ:

— Какъ ты измѣнился! Какъ ты измѣнился!.. О, у тебя совсѣмъ сѣдые волосы...

И такъ какъ онъ молчалъ, она прошептала:

— Я боюсь, что я только скверная мечтательница. Я не думала... ты повѣришь?.. я не думала, что намъ такъ тяжело будетъ разставаться.

— Кто отпустить тебя одну?—спросилъ ее ксендзъ Іодко.

Онъ посмотрѣлъ ея рецепты, лѣкарство. Онъ поговорилъ по телефону съ врачомъ. Въ сущности, все было то же, что и прежде, только она черезчуръ ослабѣла.

Чтобы отвлечь ее отъ тягостныхъ мыслей, онъ рассказывалъ ей пустяки. Мечка слушала его разсѣянно.

Потомъ сказала:

— Какъ я счастлива, что ты пріѣхалъ во время... Ну, да... во время... Ты выслушаешь мою исповѣдь...

Онъ погладилъ ея прозрачныя руки.

— У меня нѣтъ теперь ни вѣры, ни надежды, у меня только любовь къ тебѣ, Мечка...

Она посмотрѣла на него съ раздирающей тоской:

— Не подумай, что я мало люблю тебя...

.....
Ксендзъ Іодко самъ зажегъ двѣ свѣчи, вынулъ кружевную комжу и лиловую стулу. Потомъ онъ выслалъ сакристіана изъ комнаты.

— У тебя душно,—сказалъ онъ.

И открывая окна:

— Вечернее солнце радуеть.

Мечка смотрѣла на ксендза Іодко. Онъ былъ снова

ея духовникомъ, снова для нея только ксендзомъ въ
его бѣлой кожѣ. Онъ казался ей выше ростомъ и
прекраснѣе, чѣмъ когда-либо.

Онъ поправилъ ей подушки, отвелъ пряди съ лица
и сѣлъ совсѣмъ близко.

...Благослови меня, ибо я грѣшила...

In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti...

К О Н Е Ц Ъ.

Густавъ Даниловскій.

ПАЛЬТО.

Разсказъ.

Пер. съ польскаго Михайловой-Штернъ.

Пани Катерина П., извѣстная въ тѣсныхъ партійныхъ кружкахъ подъ уважаемой кличкой Янины, со вздохомъ заплатила штрафъ за недостающую марку, подошла поближе къ лампочкѣ и разорвала конвертъ. Адресъ на конвертѣ написанъ былъ водянистыми чернилами; судя по датѣ, письмо шло по почтѣ нѣсколько недѣль, надпись въ началѣ текста гласила:

Колпатово, Нарымскій край.

„Дорогая Кася! Пишу тебѣ, чтобы узнать поскорѣе, каково тебѣ живется въ этомъ Краковѣ, какъ поживаютъ малыши и имѣешь ли ты уже работу. Я прочелъ въ одной газетѣ, которую прислали намъ изъ Иркутска, что это положеніе должно будетъ скоро окончиться и что получившіе за границу смогутъ скоро вернуться на родину. Если это правда, то махни скорѣй назадъ въ Варшаву, гдѣ тебѣ легче будетъ перебиться пока что. Можетъ быть, тебя примутъ даже къ „Лабору“, потому что такъ рисовать цвѣты, какъ ты, не всякая сумѣетъ. У насъ тутъ выпалъ уже снѣгъ, и загнулъ уже здоровый морозъ. Одежда наша вся пообносилась, мы сидимъ около печки и обдумываемъ, что дальше будетъ. Прибылъ къ намъ еще одинъ изъ товарищей, ты, можетъ быть помнишь его, тотъ косоіі изъ Лодзи. Я радъ его прибытію, потому что все-таки—свой. Остальные товарищи, хотя и славные малые, но все эсдеки, и здорово доставалось мнѣ отъ нихъ насчетъ соціальпатріотовъ, а я хоть и силенъ на руку, но слабъ въ

краснорѣчи. Теперь намъ вдвоемъ легче. Мы съ нимъ тоже ссоримся между собой, но по отношенію къ остальнымъ держимся дружно.

Я уже теперь аккуратно подсчиталъ, что хватить сорока цѣлкашей... Если бы можно было гдѣ раздобыться, такъ ты уже знаешь, что... А хотѣлось бы. Пять лѣтъ—не бездѣлица!... Тянетъ меня ужасно и къ своимъ, и къ тебѣ, женка моя. Поцѣлуй дѣтей, пиши, а Ясю скажи, что если онъ не будетъ тебя слушаться, то я уже устрою ему праздникъ, какъ вернусь“.

Янъ.

— Сорокъ рублей!—задумалась Янина,—это больше 100 кронъ. Пустяки! — Словно желая подсчитать свои капиталы, Янина обвела глазами комнату, или, вѣрнѣе, сводчатый подвалъ, съ маленькимъ продолговатымъ окномъ на улицу, выходившимъ на самую панель. Почти половину подвала занимала печка и дымящаяся лоханка, остальное пространство заполняли кровать, подпертая ящичкомъ, и двое козелъ, съ лежавшей на нихъ гладильной доской, замѣнявшей столъ. Одежду приходилось уже вѣшать въ маленькихъ сѣнцахъ. За это помѣщеніе, а также за право пользоваться чердакомъ, необходимымъ ей для ея ремесла, Янина платила два гульдена въ недѣлю. Каждую недѣлю, съ приближеніемъ срока уплаты за квартиру, Янина волновалась и дрожала отъ страха, такъ какъ хозяинъ дома, состоявшаго изъ однѣхъ только пристроекъ, не имѣлъ ни малѣйшей жалости и немедленно выселялъ неплатящую голытьбу.

— Сорокъ рублей!—иронически повторила она, съ горькой улыбкой сжимая губы, и задумалась о тѣхъ временахъ, когда она вмѣстѣ съ мужемъ зарабатывала почти столько же еженедѣльно, она—разрисовывая эма-

лированную посуду на фабрику „Лаборь“, онъ—какъ слесарь при фильтрахъ. Жили они тогда въ двухъ приличныхъ комнаткахъ съ кухней, имѣли крытую ковромъ оттоманку, на окнахъ занавѣски, для дѣтей нанимали дѣвчонку, носили приличное бѣлье и для стирки нанимали бабу. А теперь...

Всѣ пережитыя страданія, всѣ заботы и недостатки ожили снова въ душѣ Янины и закипѣли глухимъ безсильнымъ гнѣвомъ. Она погрузила обнаженные по локоть руки въ лоханку и почти съ бѣшенствомъ стала тереть какія-то тряпки, вдыхая смраднѣйшій паръ и ядовитыя испаренія мыльной пѣны, хлора и соды, выжимавшія изъ ея черныхъ, лихорадочно-пылающихъ глазъ жгучія, ѣдкія слезы.

Янина умѣла мужественно и съ достоинствомъ переносить всѣ превратности судьбы, которыя стали еще тяжелѣе съ той минуты, когда у ней въ тюрьмѣ родилась Юля, но нужда и нищета эмигрантской жизни съѣдали ее, какъ ѣсть ржавчина желѣзо. Видѣ дѣтей, хирѣющихъ въ подвалѣ, наполнялъ ее отчаяніемъ. Безконечныя униженія глубоко возмущали ея гордую душу и тѣмъ держали ее въ состояніи непрерывнаго лихорадочнаго возбужденія и недовольства.

Янина чувствовала, что она становится злой, раздражительной, рѣзкой, грубо ругается, за каждую мелочь даетъ подзатыльники дѣтямъ, но больше всего достается Ясю, котораго она нѣкогда берегла, какъ зеницу ока.

Маленькой Юлѣ, вѣчно лежащей на кровати, достаточно для полнаго счастья имѣть сухія пеленки и бутылку съ соской—кусочкомъ булки въ тряпкѣ. Двухлѣтній Стась, какъ сѣлъ недѣлю тому назадъ на сундучекъ, да привязалъ къ периламъ кровати веревочку, такъ цѣлыми днями, причмокивая и притопывая, все

ѣдетъ въ Варшаву и, если бы ему еще удалось достать кнутъ, то онъ былъ бы вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ.

Совсѣмъ другое дѣло Ясь. Шестилѣтній мальчикъ уже размышляетъ и помнитъ: помнитъ прогулки въ Лазенки, помнитъ, какъ они пили, бывало, на кругу воду съ сиропомъ и мятнымъ пряникомъ, помнитъ паяца, хлопавшаго въ мѣдныя тарелки, сіяющую елку, башлыкъ, теплое осеннее пальто, игры въ снѣжки и катанье на конькахъ по водосточной канавѣ, а теперь какъ разъ для всего этого наступила пора. Но воспользоваться всѣми этими развлечениями зимы теперь онъ не можетъ. Есть у него, правда, шапка войлочная, совсѣмъ недурные сапоги, но нѣтъ пальто, а въ люстриновой курткѣ, единственномъ остаткѣ лучшихъ временъ прошлаго, мать не пускаетъ на дворъ, боясь простуды, которая окончательно бы подкосила всю семью.

Ясь смертельно скучаетъ, топчется по комнатѣ, словно птичка въ клѣткѣ, и вѣчно что-нибудь „устроить“. До тѣхъ поръ плевалъ на лампу, любясь, какъ шипитъ стекло, пока оно не лопнуло. Открылъ дверцы отъ печки и сжегъ полъ, порѣзалъ себѣ ножомъ руку, едва не облилъ кипяткомъ Стася. Въ самые неудобные моменты онъ подвертывается матери подъ руку, цуется у нея подъ ногами и получаетъ подзатыльники.

Единственное безопасное для него развлечение— это присматриваться черезъ окошко къ ногамъ снующихъ прохожихъ: вотъ мелькнули калоши, подвернутыя брюки и кончикъ трости — прошелъ панъ. Видно развѣвающееся платье и маленькія ножки — паненка. Толстые сапоги—рабочій. Иногда заглянетъ въ окошко собаченка, нюхнетъ стекло и побѣжитъ дальше, бываетъ, что собаченка остановится, помахаетъ хвостомъ, подни-

меть заднюю лапку и покончить одно необходимое и важное для нея дѣло, къ великой радости Яся. Но сильнѣе всего волнуется Ясь, когда замѣтитъ стоптанные каблуки своего пріятеля Кубуса, съ которымъ, когда еще было тепло, онъ здорово подрался на дворѣ. Ахъ, этотъ дворъ, словно нарочно построенный для игры, полный закоулковъ, галлереекъ, крышъ, лѣстницъ пещеръ и мусора, богатыхъ разными сокровищами, гдѣ можно выкопать и найти и гвоздь, и бляшку, и бутылку, а иногда даже и обломокъ подковы.

Все это теперь, благодаря отсутствію пальто, для него совершенно недоступно. Хуже того, окошечко, какъ только становится немного холоднѣе, затягивается тонкимъ слоемъ замерзшаго пара, дѣлается матовымъ, и Ясь можетъ только едва различать мелькающія тѣни. Онъ лишается тогда единственной возможности выглянуть на свѣтъ Божій. Часто бываетъ, что за ночь окошечко замерзнетъ совсѣмъ, украсится листьями, жилками, сѣткой, и только подъ вечеръ, когда оно немножко оттаетъ посрединѣ, Ясь по маленькому желтому кружочку узнаетъ, что уже зажгли стоящій напротивъ фонарь и что день кончился, приближается ночь. И все это проходитъ такъ незамѣтно въ ихъ мрачномъ подвалѣ.

Это отсутствіе свѣта испортило ему весьма пріятное развлеченіе — мыльные пузыри. Ясь пытался было пускать ихъ, но водяные шары, такъ красиво играющіе на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги и красочнымъ отраженіемъ предметовъ, здѣсь, въ подвалѣ, выходили сѣрыми, мутными, похожими на бычьи пузыри и не хотѣли летать совсѣмъ. Когда онъ вздумалъ сажать ихъ Стасю на голову, то отъ нихъ дѣлались лишь пятна на головѣ, а грязная вода сплывала брату за ворот-

никъ. Стась расплакался, мать разсердилась и отняла у него блюдечко.

Ясь чувствуетъ, что ему плохо живется, комната тѣсная, негдѣ разбѣжаться, негдѣ подскочить, кувыркнуть въ воздухѣ. Проклятая лоханка не только крадетъ у него пространство, но еще, благодаря своему навшсу, заинтересовавшему его, стала причиной срашнаго несчастья—наводненія всего подвала и настоящей порки „на-голо“.

За что онъ ни возьмется, все запрещено: и утюгъ, и доска, и соска Юли, изъ которой можно бы сдѣлать вовсе недурную лейку.

Ясь протестуетъ, и когда на дняхъ мать запретила ему вертѣть выжималку, надулся и дерзко спросилъ:

— Такъ что-же мнѣ дѣлать?

— Издохни!—раздался дикій и злой отвѣтъ.

Пани Янина склонилась надъ лоханкой, и Ясь видѣлъ, какъ вдругъ неожиданно поникла ея голова и задрожали лопатки. Потомъ она схватила ведро и побѣжала за водой, пробыла довольно долго на дворѣ, вернулась съ красными пятнами на лицѣ, и—что важнѣе—съ оловянной трубой, цѣною въ нѣсколько геллеровъ.

Радость была огромная, но весьма непродолжительная. Труба быстро охрипла, потомъ вылетѣлъ изъ нея оловянный язычекъ, кто-то его растопталъ и мать, подметая комнату, сдѣлала Ясю рѣзкое замѣчаніе, что онъ не умѣетъ ничего беречь.

— Чего тамъ беречь, коли она не трубитъ!—думалъ Ясь, вздохнулъ, и въ головѣ его зародились смутныя представленія о томъ, что все на свѣтѣ перевернулось: пришли ночью, взяли мамусю и татусю, а ихъ разобрали между собою сосѣди. Теперь татусь куда-то запропалъ, мамуся неизвѣстно зачѣмъ притащилась съ

ними въ этотъ противный Краковъ и, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ „коммунѣ“, гдѣ, по крайней мѣрѣ, было много людей, забралась въ подвалъ и моетъ поочередно то бѣлье, то его самого. Никто у нихъ не бываетъ. Одна только панна Марія иногда забѣжитъ, дастъ адресъ, куда пойти за новымъ бѣльемъ, спроситъ Стася, далеко-ли еще до Варшавы, взглянетъ на него и скажетъ: „Ахъ, ты, шалунишка, надо бы тебѣ пальтишко постараться“ — и убѣжитъ. Мать называетъ ее провидѣніемъ.

Ясь, вообще, не представляетъ себѣ точно, что такое провидѣніе, а къ такому провидѣнію, которое по вопросу о пальто только трещитъ безъ толку, онъ не питаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Недовѣріе Яся къ силамъ и могуществу панны Маріи весьма неосновательно. Панна Марія, какъ настоящее провидѣніе, существуетъ вездѣ и повсюду. Повсюду и вездѣ она является, словно изъ-подъ земли, передъ карманомъ струхнувшего „сочувствующаго“ или товарища и отравляетъ его невозмутимое спокойствіе души, требуя пожертвованій въ пользу эмигрантовъ. Панна Марія принимаетъ жертванія, какъ наличными, такъ и натурой. Словно старьевщикъ, она настойчиво и неумоимо грабитъ поношенный гардеробъ субъектовъ обоего пола и одѣваетъ, такимъ образомъ, своихъ кліентовъ изъ-заграницы. Она неумоима и ей незнакомо сожалѣніе. Одно появленіе панны Маріи возбуждаетъ тревогу, какъ среди закаленныхъ и привычныхъ къ ея нашествіямъ пришельцевъ изъ Царства Польскаго, такъ и среди неопытныхъ и незнающихъ еще всего могущества панны Маріи обывателей австрійской Польши.

Праздники, похороны, рожденіе, свадьба, вообще, самое маловажное событіе являются для нея надлежа-

щимъ предлогомъ, чтобы возбудить ослабѣвающую благотворительность.

Въ данное время ея подчиненныя панны, которыхъ она держитъ въ строгомъ послушаніи и дисциплинѣ, получили категорическій приказъ добыть „хотя бы изъ подъ земли“ дѣтское пальто. Циркуляры и письма панны Маріи по этому вопросу кружатся отъ Кракова до Закопанья.

Ясь ни о чемъ не знаетъ и, замѣтивъ изъ своей обсерваторіи характерное движеніе юбки и стоптанныя ботинки, равнодушно сообщаетъ матери, что панна Марія „валитъ“. Мать любитъ эти посѣщенія: въ общеніи съ панной Маріей ей вспоминаются прежнія времена, она перестаетъ чувствовать себя униженной прачкой, снова становится „Янниной“, посвященной во всѣ дѣла и интересы партіи.

Раздаются непонятныя для Яся слова: „цека“, „пе-пеэсъ“, „робъ“, подъ которыми скрываются какія-то непонятныя для него тайны. Ясь инстинктивно чувствуетъ, что эти тайны находятся въ извѣстной связи съ судьбой его и его родителей.

Но на этотъ разъ появленіе панны Маріи приноситъ для него цѣлый рядъ потрясающихъ впечатлѣній. Она входитъ съ узелкомъ въ рукахъ и уже съ порога говоритъ:

— Ясь, тутъ есть кое-что для тебя!

Узель развертывается, и передъ сверкающими отъ любопытства глазами мальчика появляются темно-красное сукно, роговая пуговицы и мѣховой воротникъ. Панна Марія поднимаетъ все это за вѣшалку на воздухъ и съ торжествующей миной, потрясая пальто, говоритъ:

— На ватѣ и фланели, съ настоящимъ тюленьимъ воротникомъ! Ну, пойдѣ сюда, плутишка, примѣримъ!

Ясь, затаивъ дыханіе, выходитъ на середину комнаты и, словно манекенъ, позволяетъ себя одѣть и поворачивать, то вправо, то влѣво.

— Великолѣпно, какъ на заказъ! Что? Янина! Застегни пуговку, подними воротникъ! Роскошь! Выглядишь, какъ буржуй. А ты знаешь, что такое тюлень? Не знаешь? Морская собака!

Ясь машинально слушается приказаній панны Маріи, чувствуетъ нѣжную ласку воротника около ушей, лицо его то блѣднѣетъ, то вспыхиваетъ. Онъ вспотѣлъ, какъ мышь, и не понимаетъ еще ясно, что это все значить.

— Ну, сними, а то вспотѣешь!

Панна Марія снимаетъ съ него пальто, передаетъ его Янину и собирается уходить.

— Поблагодари!—говоритъ мать, смотря на сына съ чувствомъ радости, смѣшанной съ печалью, что ей приходится жить милостыней.

Ясь стоитъ, какъ столбъ. Онъ не вѣритъ своему счастью, въ головѣ у него помутилось, и только послѣ ухода панны Маріи онъ спрашиваетъ:

— Значить, это уже взаправду мое?!

— Твое, твое,—торопливо подтверждаетъ мать, осматривая подробно при свѣтѣ лампы подарокъ, вздыхаетъ и выноситъ пальто въ сѣнцы. Она заливаетъ бѣлье на ночь и стелетъ постель. Сама она вмѣстѣ съ младшими дѣтьми спитъ на кровати, а Ясь имѣетъ свой отдѣльный сѣнничокъ въ углу, у стѣны, гдѣ, несмотря на сырость и холодъ, спитъ какъ сусликъ.

Но теперь Ясю не спится. Онъ возбужденъ, испытываетъ волненіе и безпокойство. Участь пальто въ сѣняхъ весьма сомнительная: во входной двери есть окошечко, воръ вышибетъ стекло—хватъ! и все кончено. Каждый шелестъ возбуждаетъ въ немъ подозрѣніе и тревогу, холодный потъ прошибаетъ его.

Наконецъ, Ясь отваживается на рѣшительный шагъ: онъ встаетъ и, босикомъ, въ короткой рубашенкѣ, осторожно прокрадывается въ сѣни, по дорогѣ толкаетъ ведро.

— Что ты бродишь?—соннымъ голосомъ спрашиваетъ мать.

— Я ничего... за дѣломъ...—лжетъ, какъ по писанному, Ясь, схватываетъ пальто и, дрожа отъ волненія, бѣжитъ съ нимъ на свое мѣсто.

Ясь гладитъ мѣхъ и ласково шепчетъ, словно котенку: „кися, кися“, попадаетъ на крючекъ и, воображая себѣ, что это коготки, ударяетъ по нему рученкой, повторяя „А брысь!“ Наконецъ, истощенный волненіями дня, держа пальто въ объятіяхъ, засыпаетъ.

На слѣдующій день Ясь бѣгаетъ по двору, какъ безумный. Тутъ находятся всѣ его сверстники: Кубусъ, Лейба, сынъ лавочника, рябоватый Антекъ, изъ дома напротивъ, прозванный „скубентъ“, потому что носитъ ученическую шапку, и Михась, сынъ переплетчика, прозванный „коноплянка“.

Всѣ восхищаются новымъ пальто Яся, большими роговыми пуговицами, а, главное, воротникомъ изъ морской собаки. Эта морская собака становится не только предметомъ живого любопытства, но и ожесточенныхъ споровъ.

Кубусъ доказываетъ, что это не можетъ быть песъ, а только сука.

Скубентъ сомнѣвается въ самой наличности существованія собакъ въ морѣ.

Коноплянка полизалъ языкомъ воротникъ и увѣряетъ, что онъ не соленый.

— Ну, какъ въ Бога вѣрю,—клянется Ясь,—панна Марія говорила.

Яся до такой степени задѣваетъ недовѣріе товарищей, что онъ готовъ идти на пари.

— Хорошо! на что?—спрашиваетъ Скубентъ.

— На два щелчка въ носъ!

Пари состоялось. Лейба разбиваетъ руки спорящихъ, Кубусъ свидѣтель пари. Рѣшающимъ авторитетомъ долженъ быть панъ Файтальскій, чиновникъ магистрата, называемый всѣми обитателями дома „профессоромъ“, такъ какъ онъ приготовилъ сына хозяина во второй классъ.

Панъ Файтальскій каждую минуту можетъ выйти изъ дому, отправляясь на службу, и дѣти держатъ въ осадѣ крыльцо его, сокращая минуты ожиданія сосаніемъ ледяныхъ сосулেকъ. Наконецъ, на крыльцѣ появляется въ глубокихъ калошахъ, съ портфелемъ подъ мышкою, мѣстный авторитетъ. Мальчики окружаютъ его.

— Извините, панъ профессоръ,—смѣло спрашиваетъ Скубентъ,—есть ли на свѣтѣ морская сука?

— Сука?—переспрашиваетъ панъ профессоръ, поправляя очки.—Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Жигъ, жигъ, жигъ!—дразнить дѣти Яся.

— Тюлень, тюлень!—кричитъ Ясь въ отчаяніи.

— А, тюлень! Какъ же, есть. Собака морская... Какъ же, существуетъ,—отвѣчаетъ панъ Файтальскій.

И начинается лекція

— Видь V, семейство ластоногихъ; водится въ далекихъ моряхъ сѣвера, къ этому же роду принадлежатъ...

Но аудиторія уже занята другимъ.

Скубентъ честно подставляетъ носъ.

— Разъ!—считаетъ Лейба.

— Два!—другой щелчокъ.

— Три!

Ясь не может удержаться и дает третій щелчокъ.

— Свинья! Обманщикъ!—кричитъ Скубентъ.

— А зачѣмъ онъ сказалъ „три“?—защищается пристыженный Ясь.

— Ну, а чего ты кричишь, бездѣльникъ! Не можешь дать ему сдачи?—заявляетъ атакуемый Лейба.

Аргументъ этотъ дѣйствуетъ на всѣхъ. Ясь подставляетъ носъ и получаетъ такой здоровенный щелчокъ, что у него радужные круги закружились передъ глазами. Но Ясь хорошо знаетъ, какъ надлежитъ вести себя въ такихъ случаяхъ. Онъ поворачивается на одной пяткѣ, чтобы скрыть слезы, и говоритъ:

— Вовсе не больно!

Честь его пальто и его самого спасены; никто больше уже не сомнѣвается въ происхожденіи воротника, и Ясь получаетъ прозвище „Тюлень“.

„Тюлень“, несчастный въ игрѣ въ снѣжки, отличается зато на каткѣ. Кромѣ катанія на одной ногѣ, онъ выступаетъ еще съ неизвѣстнымъ остальнымъ, варшавскимъ, фокусомъ, кататься „въ сапожники“, — подгнувъ одно колѣно, по которому бьютъ кулаками, подражая ударамъ молотка и шитью дратвой. Въ турнирѣ: „кто дальше плюнетъ“, онъ также побѣждаетъ остальныхъ, потому что умѣетъ пускать слюну сквозь зубы, какъ варшавскіе пзвозчики. Эти варшавскія похвалы и фанфаронада „крулевыка“ ¹⁾ задѣваютъ галичанъ и насмѣшливая пѣсенка:

Свѣтится Варшава, какъ шелковая нитка.

За Варшаву сто тысячъ, а за Краковъ дудка...

едва не доводитъ до драки.

---

¹⁾ Т.-е. жителя Царства Польскаго: по-польски Царство Польское называется „Крулевство“, потому при вопросѣ: „откуда вы“, слѣдуетъ отвѣтъ: „изъ Крулевства“, т.-е. изъ русской Польши. *Прим. перев.*

Примирителемъ является международно настроенный Лейба. Примиреніе устраивается тѣмъ легче, что на дворѣ появляется шарманщикъ со щегломъ, достающимъ изъ ящичка предсказанія.

Зовутъ обѣдать. Ясь прибѣгаетъ въ свой подвалъ съ раскраснѣвшимися щеками, сіяющими глазами и посинѣвшимъ носомъ. Онъ, словно голодный волкъ, поглощаетъ картофельную похлебку и, несмотря на большой кусокъ хлѣба, чувствуетъ себя нѣсколько голоднымъ.

Послѣ обѣда, Ясь открылъ въ карманѣ своего пальто цѣлыя сокровища: длинный шнурокъ и кожаныя перчатки. Изъ части шнурка онъ устроилъ кнутъ для Стася.

Перчатки оказываются менѣе полезными, потому что, какъ ни пытался Ясь ихъ надѣть, ему все не хватаетъ одного пальца, зато надутыя воздухомъ онѣ производятъ комичное впечатлѣніе вспухнувшей руки.

Вечеромъ онъ еще разъ отпросился у матери на дворъ. Товарищи его куда-то разбѣжались. Ясь выходитъ на улицу и стоитъ въ воротахъ, выпятивъ животикъ, заложивъ руки въ карманы и наблюдаетъ, какое впечатлѣніе производятъ на прохожихъ его роскошное пальто. Даже городской, съ мѣднымъ полумѣсяцемъ подъ подбородкомъ, обратилъ вниманіе, приглядывается и подходитъ ближе. Ясь не дуракъ: избѣгаетъ ближайшаго знакомства „съ полицейскимъ“, издаетъ протяжный свистъ и исчезаетъ въ глубинѣ воротъ.

На ночь пальто уже виситъ на специально прибитомъ для него крюкѣ вблизи сѣнника, на которомъ спитъ Ясь. Ясь теперь спокоенъ, пальто не пропадетъ, притомъ онъ набѣгался, опьяненъ свѣжимъ воздухомъ и быстро засыпаетъ.

Поздно. Слышно мѣрное дѣтское дыханіе, а пани

Янина складывает готовое бѣлье. Завтра она, пользуясь воскреснымъ днемъ, разнесетъ его по мѣстамъ. По ея расчетамъ, ей слѣдуетъ больше пяти гульденовъ. Два гульдена она отдастъ за квартиру, какъ разъ срокъ пришелъ—срокъ самый тяжелый, потому что передъ первымъ ни за что нельзя плату оттягивать, подъ угрозой „выселенія“; остальное пойдетъ на расходы.

Своей работой Янина недовольна: цвѣтныя вещи полиняли и закрасили бѣлье, крахмальныя груди тверды, какъ доски, а одна рубашка—самая красивая, въ складки—нѣсколько сожжена и на ней роковое, полукруглое, желтое пятно.

Пани Янина старается, какъ умѣетъ, но она еще повичокъ въ своемъ дѣлѣ, не можетъ сообразить, какая доза крахмала нужна, не понимаетъ, что цвѣтныя вещи нужно стирать отдѣльно и, упаси Боже, не въ содѣ.

Сдѣланныя ошибки беспокоятъ ее нѣсколько, но она утѣшаетъ себя, что обойдется. Ея самолюбивая натура, многократно унижаемая, утратила уже воспримчивость къ ругани, и, думая о завтрашнемъ нагоняѣ, недавняя патрицианка предмѣстья чувствуетъ, что она смиренно перенесетъ самую грубую брань, только бы ей заплатили.

Янина легла, но спать не можетъ. Высчитываетъ расходы и возможные доходы. Ей приходитъ въ голову мысль, что Ясь могъ бы заняться продажей газетъ: у нея есть связи въ редакціи. Янину соблазняетъ возможность хоть маленькаго заработка, но она въ то же время боится, что шатаніе по улицамъ можетъ испортить мальчика.

Вспоминается ей письмо мужа. Если бы добыть гдѣ-нибудь сорокъ рублей, онъ былъ бы здѣсь. Тоскуетъ она о немъ—кровь не вода—тяжело безъ мужика. Охотно прижалась бы къ нему, какъ Богъ велѣлъ... Чувствуетъ она себя слишкомъ молодой для вдовы.

Мысли Янины путаются, голову окутывает туманъ, медленно открывается пропасть, въ которой постепенно исчезаютъ и память и чувства.

Воскресное утро Ясь долженъ провести дома. Мать идетъ отнести бѣлье, онъ долженъ присмотрѣть за младшими и, если Юля проснется, дать ей бутылку съ молокомъ. Чтобы плутишка не убѣжалъ, двери, для пущей безопасности, запираются на ключъ.

Ясь сокращаетъ томительное ожиданіе тѣмъ, что барабанить по ведру и бѣгаетъ въ пустой лоханкѣ. Одинъ разъ его забаву прерываетъ дворникъ, который заявляетъ черезъ запертыя двери, что хозяинъ требуетъ плату за квартиру.

— А какъ же,—разсудительно отвѣчалъ Ясь,—какъ только какъ свистнетъ въ хлѣву—и, чувствуя себя въ безопасности, показываетъ черезъ замочную скважину языкъ своему вѣчному врагу, преслѣдующему его за прятаніе метлы и шалости на дворѣ.

Дворникъ бранится. Ясь, видя, что выпалъ снѣгъ, можно будетъ лѣпить снѣжную бабу, открываетъ печь и выбираетъ угольки для носа, глазъ и рта. Онъ прячетъ свою добычу въ пальто и замѣчаетъ, что съ края шовъ распоротъ. Яся прошибаетъ потъ. Неужели разорвалъ? Онъ запускаетъ рученку глубже. Нѣтъ, это глубокій карманъ, а на днѣ что-то плоское, круглое. Вынимаетъ: съ одной стороны зеркальце, съ другой подъ стекломъ микроскопическая мышка и двѣ маленькихъ западни. Фокусъ заключается въ томъ, чтобы встряхиваніемъ зеркальца загнать мышъ въ ловушку.

Забавы эта такъ поглощаетъ мальчика, что онъ не слышитъ, какъ открываются двери, и, только замѣтивъ мать на порогѣ, бросается къ ней съ радостнымъ крикомъ.

— Мамуся, а что я нашель въ пальто!

Но мать отталкиваетъ его. Ясь смотритъ на ея лицо и затихаетъ. По выраженію ея лица онъ уже умѣетъ угадывать несчастье.

Губы пани Янины блѣдны и крѣпко сжаты, на щекахъ красныя пятна, глаза окружены синяками и словно провалились въ глубину. Она тяжело опускается на кровать и судорожно сжимаетъ пальцы.

Предчувствія мальчика вѣрны. Мать страшно изругали, и, по вычетѣ нанесенныхъ убытковъ, она получила едва нѣсколько копѣекъ отступного.

Янина уже была за спасеніемъ у панны Маріи, но та выѣхала на нѣсколько дней. Въ воротахъ она встрѣтила хозяина, просила отсрочки, давала ему крону, но онъ не хотѣлъ взять и при ней сказалъ дворнику, чтобы завтра, до полудня подвалъ былъ освобожденъ: у него уже есть кандидаты.

— Что дѣлать?—кружатся въ головѣ Янины несвязныя мысли. Продать всѣ приспособленія для стирки невозможно: кромѣ нихъ, у нея ничего нѣтъ. Горящими глазами она осматриваетъ комнату—пустота. Стась на сундукѣ, Юльця на кровати—дѣтей никто не купитъ...

„Повѣситъся, растопить печь хорошенько и закрыть вьюшки“—пробѣгаютъ въ ея головѣ яркія, какъ молніи, преступныя мысли. Продать все, купить шляпу, плюшевый жакетъ и выйти на улицу,—она недурна, стройна и хорошо сложена. Ходятъ по Рынку ¹⁾ нарядные мужчины, одинъ даже какъ-то задѣлъ ее и долго шель вслѣдъ за ней, заглядывая подъ платокъ... Пришлось обернуться и дать по мордѣ.

Закипѣла опять злоба въ ея груди, поднялся глухой гнѣвъ, овладѣло сердцемъ жестокое чувство мщенія,

---

¹⁾ Главная улица Кракова.

а потомъ утихло все и наступили минуты смертельнаго утомленія.

Ясь между тѣмъ убѣжалъ на дворъ. Тамъ Кубусъ и Коноплянка уже катали туловище. Ясь принялся устраивать голову. Работа захватила его совершенно. Онъ забылъ обо всемъ, даже о зеркальцѣ. Снѣгъ лѣпится, словно воскъ, голова растеть большая, круглая, тяжелая и красивая. Ясь съ трудомъ катитъ ее, весь красный отъ усилій, сияетъ отъ радости,—онъ такъ занятъ, что не видитъ даже матери, которая идетъ къ отцу Лейбы, Шмулю, торговцу старьемъ.

Разговариваютъ. Старый Шмуль качаетъ головой, разводитъ руками и идетъ съ матерью въ подвалъ, тамъ онъ осматриваетъ какія-то лохмотья и равнодушно отдаетъ ихъ назадъ. Снова живой разговоръ о чемъ-то.

— Вотъ это я купилъ бы,—говоритъ Шмуль, указывая на Яся.

Пани Янина смотритъ на него испуганными глазами. Бя вздрагивающія губы, словно отравленная лукавой мыслью, хотятъ крикнуть горячій протестъ:

— Нѣтъ, нѣтъ!—громко говоритъ она, а въ головѣ настойчиво гудитъ мысль, что надо спасать всю семью, надо, хотя бы пришлось лечь трупомъ.

— Ну, какъ же будетъ?—спрашиваетъ Шмуль.

Пани Янина прислоняется къ стѣнѣ, словно боится упасть. Потомъ она внезапно выпрямляется и кричитъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ясь!

— Сейчасъ,—отвѣчаетъ мальчикъ.

Онъ устраиваетъ въ данную минуту бабѣ глаза изъ угольковъ, кончаетъ носъ и, веселый, подпрыгивая, вбѣгаетъ въ сѣни.

Пани Янина, блѣдная какъ полотно, съ вздрагивающими, словно въ лихорадкѣ, губами, поспѣшно расте-

гиваетъ пуговицы пальто, руки ея дрожать, она переживаетъ страшное чувство: ей кажется, что она сдираетъ кожу живьемъ со своего ребенка. Наконецъ, пальто снято, Янина толкаетъ Яся въ комнату и запираетъ двери.

Ошеломленный Ясь стоитъ за дверью и слышитъ ожесточенный торгъ.

— Пять.

— Ну, вы шутите?

— Вѣдь оно совсѣмъ новое!

— Два еще могу дать.

— Что, два?.. Одинъ воротникъ...

Услыхавъ это, Ясь вздрагиваетъ, холодный потъ обливаетъ его тѣло, онъ напрягаетъ слухъ:

— Три!

— Два съ половиной, ужъ по совѣсти.

— Нѣтъ!

— Ну, пусть я теряю!

Звонъ отсчитываемыхъ денегъ, потомъ тишина.

Мать куда-то идетъ. Возвращается истощенная, разбитая, садится на кровать и машинально свертываетъ какую-то бумажку, которую держать въ рукахъ.

Яся охватываетъ сильное беспокойство. Онъ чувствуетъ, что произошло что-то необыкновенное, что въ непонятную исторію запутано его пальто. Онъ исподлобья смотритъ на мать, и личико его становится не по-дѣтски угрюмымъ.

Мать сидитъ неподвижно и бессмысленно смотритъ, словно слѣпая, въ стѣну. Янина чувствуетъ, что ее покидаютъ послѣднія силы. Слеза за слезой катятся по ея истощеннымъ щекамъ.

— Мама!

— Что?— очнулась Янина.

— Я могу пойти за зеркальцемъ?

— Зеркальце, какое зеркальце?..

— Съ мышкой. Я оставилъ его въ карманѣ пальто.

— Нѣтъ, нѣтъ! — срывается съ мѣста пани Янина, закрываетъ двери на крючекъ, вспоминаетъ все... и разражается стремительными рыданіями.

— Я хочу зеркальце! — настойчиво, почти дерзко кричитъ Ясь.

— Хорошо, хорошо... Завтра, завтра... — сквозь слезы говорить мать. — Возьму назадъ, — думаетъ она, — завтра... Навѣрно возьму, сегодня поздно... Ёсть вамъ хочется, дѣти, правда?

Она начинаетъ поспѣшно суетиться, рѣжетъ хлѣбъ, разливаетъ молоко, сама не въ силахъ притронуться къ пищѣ.

Ясь облегченно вздыхаетъ, сердце его наполняется надеждой: если есть зеркальце, то должно быть и пальто. Но все-таки онъ не можетъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ подозрѣній и недовѣрчиво посматриваетъ на мать: поведение ея дѣйствительно странное. Зачѣмъ приходилъ Шмуль? Зачѣмъ пальто въ сѣняхъ, а не на своемъ мѣстѣ? Тамъ вѣдь его могутъ украсть.

Хлѣбъ кажется Ясю невкуснымъ и застреваетъ въ горлѣ.

Онъ снова пытливо смотритъ въ лицо матери, которая явно избѣгаетъ его взгляда.

— Мамуся, — неожиданно говоритъ онъ, — какъ это говорится, если что-нибудь пропадетъ? Святой Антоній?..

— Падуанскій... — и пани Янина машинально читаетъ всю молитву.

— И всегда найдется? — допытывается ребенокъ.

— Такъ говорятъ, — глухо отвѣчаетъ пани Янина, раздѣваетъ Стася, стелетъ постель, велитъ Ясю лечь и гаситъ лампу.

Въ комнатѣ дѣлается темно, словно въ гробу.

Ясь не спить.

— Я долженъ убѣдиться,—думаетъ онъ.

Онъ слышитъ, что мать встаетъ, шаги ея босыхъ ногъ приближаются къ нему, его накрываютъ теплымъ платкомъ, и неожиданно дрожащія отъ плача губы горячо и крѣпко цѣлуютъ его.

Сердце Яся замираетъ, а потомъ сжимается, словно схваченное клещами. Онъ смутно чувствуетъ въ этомъ поцѣлуѣ и любовь и какъ будто измѣну; душа его переполняется неизмѣримой нѣжностью и страшнымъ, непонятнымъ горемъ.

Онъ лежитъ, скорчившись, и смотритъ широко раскрытыми глазами въ тупой мракъ подвала, неподвижно ждать, пока всѣ уснутъ.

Ясь слышитъ мѣрное дыханіе. Взволнованный, въ испугѣ, чувствуя мурашки на спинѣ, съ какимъ-то ощущеніемъ чего-то холоднаго, тяжелаго подъ сердцемъ, онъ встаетъ и осторожно крадется къ сѣнямъ. Онъ ловко и умѣло обходитъ всѣ препятствія, отворяетъ крючекъ и входитъ въ холодныя сѣни.

— Святой Антоній Падуанскій, небесный житель, какъ твоя слава во вѣки слыветъ, такъ пусть мое сокровище не пропадетъ!..

Шепчутъ молитву дрожащія уста ребенка и бродятъ въ поискахъ по стѣнамъ маленькія рученки.

Первый гвоздь—метелка.

Второй гвоздь—тряпки.

Третій гвоздь—пусто.

— Святой Антоній!—горячо и страстно молится мальчикъ, блуждая во мракѣ и ощупывая всѣ углы. Онъ шатается, возвращается въ комнату, водить вокругъ руками, съ замирающей надеждой приближается къ послѣднему пункту, гдѣ еще можетъ свершиться чудо,—найтись пропажа. Руки Яся встрѣчаютъ влажную стѣну,

онъ поднимается на цыпочки, царапаетъ о гвоздь свою ладонь. Пальто нѣтъ...

На минуту Ясь замираетъ, сердце сжимается, въ головѣ страшная пустота.

Сначала начинаютъ дрожать руки и колѣни Яся, потомъ ребра и лопатки. Ребенокъ дрожитъ отъ горькаго спазматическаго плача, словно тростинка отъ порывовъ вѣтра. Жалобныя и раздирающія, полныя слезъ велипыванія одиноко раздаются въ подвалѣ, словно безпомощное несчастье блуждаетъ въ угрюмомъ мракѣ подземелья...

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

ЗАПИСКИ

княгини Маріи Николаевны
ВОЛКОНСКОЙ.

Перев. съ французс. оригинала А. Н. Кудрявцевой.
Биографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева.
Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

• • •

ЗАПИСКИ

жены декабриста, П. Е. АННЕНКОВОЙ.

(Pauline Guéville).

Вступительная статья и примѣчанія П. Е. Щеголева.
Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

•

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ.

ПУШКИНЪ. Очерки. Изданіе второе. Ц. 3 р.

Оглавленіе: „Зеленая лампа“.—Утаенная любовь.—Амалия
Ризницъ въ поэзіи Пушкина.—Императоръ Николай I и Пуш-
кинъ въ 1826 г.—Пушкинъ въ процессѣ 1826—1828 г.г.—Дуэль
Пушкина съ Дантесомъ.

*Императорской Академіей наукъ удостоено преміи
имени Пушкина.*

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Изданіе второе. Ц. 3 р.

Оглавленіе: А. Н. Радищевъ въ 1789 году.—Дѣтство Го-
голя.—Семенъ Олейничукъ.—Первый декабристъ Владиміръ
Рязевскій.—Грибоѣдовъ и декабристы.—Катехизисъ С. И.
Муравьева-Апостола.—Декабристъ вн. Ѳ. П. Шаховской.—
Жены декабристовъ.

ПЕСТЕЛЬ, П. И. Русская Правда. Наказъ Временному
Верховному Правленію. Подъ редакціей и съ предис-
ловіемъ П. Е. Щеголева. Ц. 1 р.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. В.

- Паутина. Романъ. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
Аглая. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Разгълъ. Романъ. (455 страницъ). Ц. 2 р. 25 к.
Викторія Павловна. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Дочь Викторіи Павловны. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Марья Лусьева за-границей. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Женское нестроеніе. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Часть II. Ц. 1 р. 50 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Часть I. Ц. 1 р. 25 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Часть II. Ц. 1 р. 50 к.
Противъ теченія. Ц. 1 р.
Антики. Ц. 1 р. 25 к.

„А. В. Амфитеатровъ ярко талантливъ, много на своемъ вѣку ведѣль и между прочими достоинствами обладаетъ однимъ превосходнымъ и рѣдкимъ, какъ бѣлый воронъ среди черныхъ, достоинствомъ— великолѣпнымъ русскимъ языкомъ, богатымъ, сочнымъ, своеобразнымъ, но въ то же время безъ вывертокъ и щегольства... Это настоящій писатель, отмѣченный при рожденіи поцѣлуемъ Аполлона въ уста“.

„Русское Слово“ 20. XI. 1910. А. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

СТЕПНЯКЪ-КРАВЧИНСКІЙ, С. М.

Собраніе сочиненій подъ редакціей С. А. Венгерова.

- Томъ I. Штундистъ Павелъ Руденко. Ц. 1 р.
• II. Подпольная Россія. Ц. 1 р.
• III. Домикъ на Волгѣ. Ц. 1 р.
• V. Эскизы и силуэты. Ц. 1 р.
• VI. Критика и публицистика. Ц. 1 р.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

Левъ Ждановъ.

Историческіе романы съ иллюстраціями.

- Томъ I. Въ стѣнахъ Варшавы. Книга I. Ц. 1 р. 50 к.
„ II. Въ стѣнахъ Варшавы. Книга II. Ц. 1 р. 50 к.
„ III. Осажденная Варшава. Ц. 1 р. 50 к.
„ IV. „Сгнбла Польша!“ Ц. 1 р. 50 к.
„ V. Послѣдній фаворитъ. Книга I. Ц. 1 р. 25 к.
„ VI. Послѣдній фаворитъ. Книга II. Ц. 1 р. 25 к.
„ VII. Былые дни Сибири. Книга I. Ц. 1 р. 25 к.
„ VIII. Былые дни Сибири. Книга II. Ц. 1 р. 25 к.
„ IX. Третій Римъ. Цѣна 1 р. 50 к.
„ X. Грозное время. Цѣна 1 р. 50 к.
„ XI. Боярыня Морозова. Цѣна 1 р. 50 к.
„ XII. Протопопъ Аввакумъ. Цѣна 1 р. 50 к.

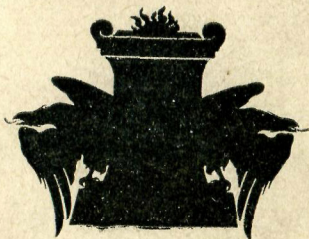
ДВА МИЛЛІОНА ВЪ ГОДЪ.

Нищій милліонеръ. Сказочныя были нашихъ дней.

Ц. 2 р. 25 к. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ—2 р. 75 к.

«Живое изложеніе, умѣлый диалогъ, множество выраженій, взятыхъ изъ старинныхъ источниковъ,—все это дѣлаетъ хроники г. Жданова занимательными и полными историческаго интереса».

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“. Евг. Л.

Ц. 1 р.